

Индекс **П8643**

3
2025

РОССИЯ XXI 2025 3

РОССИЯ XXI

3. 2025 июль-сентябрь

Геоглобалистика

*Олег Александров,
Анастасия Никитина*

Италия в многополярном мире:
вызовы и возможности _____ 6

Ресурсы нации

Джон Гонзалез

Эволюционная теория психических
типов Н.А.Рожкова _____ 28

Татьяна Кроз

«Выяснить, в чем нужда».
К вопросу о социальной политике
в позднеимперской России _____ 50

Пути духовных исканий

Нина Хайлова

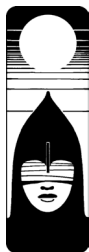
М.М.Ковалевский и дискуссии
о женском вопросе в конце XIX –
начале XX вв. _____ 68

Страницы истории

Любовь Писарькова

Лихоимство в системе управления России
в 80–90-е гг. XVII в. (Причины усиления
«неизлечимой болезни» бюрократии) 94

Национальная доктрина

Любовь Лазарева, Валерий Журавлев

«Энергия мечты»: культурная политика
как механизм воспитания коммунистиче-
ского отношения к труду
(сер. 1920-х – нач. 1950-х гг.) 132

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Мотивы социальной утопии в кампании
по чистке государственного аппарата
(Наркомфин СССР) 150

Актуальный архив

Олег Волобуев

Преподаватель Крымпединститута. Симферополь. Август 1965 – июль 1972	176
--	-----

Contents in English look at the page 210

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Национальное единство –
вот чего желает Италия.

Карл Маркс

Вселенная – это разнообразие
в единстве.

Оноре де Бальзак

**Олег Александров,
Анастасия Никитина**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ИТАЛИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

УДК
94 (47) 08

В условиях формирования многополярного миропорядка Итальянская Республика сталкивается с рядом новых вызовов и возможностей. Данная работа посвящена анализу внешнеполитической стратегии Италии в контексте смещения центров экономического и политического влияния, трансформации трансатлантических отношений и усиления региональных акторов. Рассматриваются вопросы укрепления позиций в Европейском Союзе, использования «мягкой силы» и участия в международных организациях в качестве инструментов продвижения национальных интересов. Работа представляет интерес для специалистов в области международных отношений, политологии, экономики и всех, кто интересуется внешней политикой Италии и её ролью в современном мире.

In the context of the formation of a multipolar world order, the Italian Republic is facing a number of new challenges and opportunities. This work is devoted to the analysis of Italy's foreign policy strategy in the context of shifting centers of economic and political influence, the transformation of transatlantic relations and the strengthening of regional actors. The issues of strengthening positions in the European Union, the use of "soft power" and participation in international organizations as tools for promoting national interests are considered. The work is of interest to specialists in the field of international relations, political science, economics and anyone who is interested in Italy's foreign policy and its role in the modern world.

Ключевые слова: Итальянская Республика; внешняя политика; атлантизм; европеизм; российско-итальянские отношения

Key words: Italian Republic; foreign policy; Atlanticism; Europeanism; Russian-Italian relations

E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru, nastya09092001@yandex.ru

“È possibile prendere un intero mondo, e mi lasci in Italia”¹ – Giuseppe Verdi

Современная Италия является важным игроком в европейской и мировой политике, однако ее внешнеполитическую роль, как правило, недооценивают. В рамках холодной войны амбиции Италии не простирались далее Европы, а в самой Европе Рим традиционно держался в тени Берлина, Лондона и Парижа, в отношениях с США играл роль надежного вассала, и лишь в отношении постсоветского пространства Италия время от времени демонстрировала самостоятельный курс. После крушения Восточного блока Рим стал более активно действовать в зоне влияния бывшего СССР, но по-прежнему на главные роли не претендовал, крупных внешнеполитических инициатив не выдвигал, довольствуясь продвижением своих экономических интересов.

Итальянская дипломатия не лишена некоторых парадоксов. Страну, расположенную на Апеннинском полуострове, ни по одному из параметров не причисляют к мировым лидерам². Однако это не помешало Риму использовать все свое дипломатическое мастерство для продвижения интересов страны в различных сферах. Внешняя политика Рима традиционно базируется на трех китах: атлантическом, европейском и восточном.

Отношения с США являются главным приоритетом Рима на протяжении многих десятилетий. Вступив в НАТО в 1949 году, Италия ожидаемо взяла на себя роль стратегического форпоста альянса в Средиземноморье. При всех колебаниях внешнеполитического курса страны американский вектор никогда не подлежал коренному пересмотру. Причиной этому служит понимание в итальянских политических кругах степени ограниченности собственных ресурсов. Италия как средняя держава с глобальными интересами осознает, что партнерство с США и НАТО является важным инструментом продвижения итальянских интересов в тех сферах, где политический вес самой Италии недостаточно значим. Рим использует американский вектор для укрепления итальянских позиций в глобальном балансе

¹ “È possibile prendere un intero mondo, e mi lasci in Italia” – фраза, произнесённая итальянским композитором Джузеппе Фортунино Франческо Верди (1813–1901 гг.): «Можешь забрать себе весь мир, но оставь мне Италию».

² Шаклеина Т.А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник. / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – 3-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – с. 520.

сил. В свою очередь, Вашингтон всегда учитывал значимость Италии и понимал, что потеря этой центральноевропейской страны серьезно осложнила бы американские позиции в Средиземноморье. Ценили в Вашингтоне и готовность Италии подставить плечо и разделить политические и военные риски в разных кризисных ситуациях. Так, в 1958 году Италия дала согласие на размещение на своей территории американских ракет среднего радиуса действия «Юпитер». В 1979 году в разгар кризиса евrorакет Рим дал зеленый свет для размещения на своей территории американских ракет «Першинг-2».

Европейский вектор также является одним из ключевых направлений итальянской политики. Италия с самого начала играла основополагающую роль в проекте западноевропейской интеграции. При этом в Риме не было опасений, что европейский интеграционный проект приведет к размыванию итальянской идентичности. Напротив, европейские наднациональные институты рассматривались как средство усиления экономических позиций Италии и удобный механизм для осуществления коллективного лидерства в Европе. Именно Италия была одним из авторов идеи превращения европейских сообществ в полноценный Европейский Союз, осуществляющий общую внешнюю политику и стратегию безопасности. В итальянской политике многие десятилетия происходило

негласное распределение ролей. Если правоцентристские партии отвечали за укрепление отношений с Западом в лице США и Западной Европы, то коммунисты способствовали сближению с Советским Союзом, благодаря чему внешняя политика Италии, в отличие от ряда соседних стран, всегда сохраняла черты многовекторности.

Окончание холодной войны и вступление мира в эпоху однополярного гегемонизма США потребовали от Рима адаптировать свою многовекторную дипломатию к новым структурным сдвигам.

Целью данной статьи является анализ внешней политики Италии в рамках пост-ялтинского порядка на трех главных направлениях – атлантическом, европейском и восточном. Под восточным направлением понимаются отношения с Россией и другими странами бывшего СССР. Главный вопрос формулируется предельно конкретно – чего ждать от Италии в условиях обострения отношений Запада с Россией, и сможет ли Рим сохранить присущий ему здравый смысл и прагматизм, умение лавировать среди мировых держав. Открытой остается угроза скатиться к безудержной русофобии, растерять все наработанные достижения восточной политики, а в европейском масштабе – раствориться и исчезнуть как самобытная культура в условиях насаждения европейской глобалистской повестки. Предметом статьи является анализ силь-

ных и слабых сторон итальянской политики на американском и европейском направлениях.

Так, переходя к рассмотрению **вызовов**, стоящих перед Итальянской Республикой в условиях формирующегося многополярного миропорядка, представляется необходимым выделить **6** наиболее значимых **тенденций**:

1. Сдвиг геополитического баланса

Многополярность характеризуется рассредоточением центров влияния в мировой политике, где возникают новые центры силы – Россия, КНР, Индия, Бразилия и другие. Подобные структурные перемены ведут к снижению удельного веса Запада в мировой политике и экономике, что неизбежно повлечет за собой ослабление западных альянсов в лице ЕС и НАТО, а Италию превратит в уязвимую страну с неустойчивой экономикой и острыми внутренними конфликтами. Возможность адаптации к новым геополитическим реалиям и выживания Италии как государства напрямую зависит от умения защищать свои собственные интересы, в том числе и от либерально-глобалистской повестки, которая определяет политику Евросоюза, а также американских демократов.

Вспомним расхождение во взглядах на политику в отношении Ливии в период после свержения режима Каддафи (2011 год) между Италией, Францией и Великобританией, которые продемонстрировали уязвимость единства ЕС и НАТО и подчеркнули необходимость для Италии более активной роли в определении региональной политики.

Помимо этого, формирующиеся центры силы предпринимают активные действия, направленные на обеспечение доступа к ресурсам, расширение рынков сбыта и усиление геополитического влияния. Это создает конкурентное давление на Италию в ее традиционных сферах влияния, особенно в регионе Средиземноморья и на Африканском континенте. В этой связи, для Италии возникает необходимость в разработке новых стратегических подходов, направленных на поддержание конкурентоспособности и защиту национальных интересов в обозначенных регионах, а также на разработку собственной внешней политики, учитывающей реалии многополярного мира.

2. Экономическая конкуренция и протекционизм

Глобализация и появление новых экономических гигантов усиливают конкуренцию на мировом рынке, а тенденции к протекционизму создают дополнительные препятствия для Италии в сфере торговли.

По данным Всемирного банка, в 2024 году валовой внутренний продукт (ВВП) Италии составил 2.372,77 млрд долларов США. Этот показатель соответствует 12 месту в мировом сообществе. Италия опережает Мексику и немного отстает от Турции.

В торговом балансе Италии мы видим стабильное преобладание экспорта над импортом. Так, экспорт из Италии составил 677 млрд долларов в 2023 году. По сравнению с предыдущим годом (2022 годом) он вырос на 17,7 млрд долларов США.

В том же 2023 году доля совокупного импорта в Италию составила 639 млрд долларов. По сравнению с 2022 годом, импорт уменьшился на 55 млрд долларов.

Быстрорастущие экономики, такие как Китай и Индия, становятся все более конкурентоспособными, оказывая давление на итальянскую экономику, в особенности на ее традиционные отрасли – производственный сектор, текстильную промышленность и автомобилестроение.

Растущий протекционизм и торговые войны, инициированные крупными державами, могут нанести серьезный ущерб итальянской экономике, которая в значительной степени зависит от экспорта.

Львиная доля итальянского экспорта направляется в европейские страны, при этом США в списке импортеров итальянской продукции занимают важнейшее второе место (после Германии)³. Россия ни по экспорту, ни по импорту не попадает в первую десятку стран-торговых партнеров Рима.

Ключевые направления экспорта Италии в 2024 году: Германия – 76,8 млрд долларов США, США – 70,2 млрд долларов США, Франция – 67,4 млрд долларов США⁴.

Введение тарифных ограничений и практика экономического шантажа могут ограничить доступ итальянских товаров на зарубежные рынки и создать дополнительные трудности для итальянских компаний.

Так, попытки некоторых стран продвигать концепцию «возвращения производства на родину» (reshoring) ставят под сомнение глобальные цепочки поставок, в которых активно участвует Италия, и требуют выработки мер по защите национальной промышленности.

Учитывая всю картину, перед Италией возникает необходимость адаптации своей экономики к меняющимся условиям и повышение ее

³ ISTAT (Национальный институт статистики Италии). URL: [https://www.istat.it/](https://www.istat.it/Banca d'Italia (Центральный банк Италии). URL: https://www.bancaditalia.it/)
Banca d'Italia (Центральный банк Италии). URL: <https://www.bancaditalia.it/>

⁴ Что экспортирует Италия и как доставить эти товары в Россию? 14 апреля, 2025 год.
<https://aismartlogistics.ru/export-italy-russia/>

конкурентоспособности. Это предполагает инвестиции в развитие инноваций и технологий, повышение производительности труда, устранение бюрократических барьеров и создание благоприятного инвестиционного климата.

3. Миграционные вызовы

В эпоху глобальной нестабильности, обусловленной вооруженными конфликтами, бедностью и климатическими изменениями, Итальянская Республика, находясь на передовой линии миграционных потоков в Европейском регионе, сталкивается с серьезными вызовами, требующими комплексного решения.

Так, нестабильность в сопредельных регионах, таких как Северная Африка и Ближний Восток, приводит к увеличению миграционных потоков в Италию, что, в свою очередь, оказывает нагрузку на социальную инфраструктуру, рынок труда и государственный бюджет.

Вспомним политику «открытых дверей», проводившуюся некоторыми странами ЕС в отношении беженцев в 2015–2016 годах, которая привела к значительному увеличению миграционного давления на Италию, тем самым подчеркнув необходимость согласованной европейской политики в данной сфере.

Приток большого количества мигрантов создает нагрузку на систему здравоохранения, образование и социальное обеспечение. Мигранты также могут конкурировать с сотрудниками из числа местного населения на рынке труда, что может привести к снижению заработной платы и увеличению безработицы. Расходы на содержание и интеграцию мигрантов увеличивают нагрузку на государственный бюджет. Однако итальянское правительство по-прежнему следует в фарватере либерально-глобалистского курса Евросоюза. В Италии наблюдается рост популярности партий, использующих антимигрантскую риторику, однако переломить ситуацию они пока не в состоянии. Следовательно, Италию ожидает усиление политической напряженности и дальнейшая поляризация общества.

4. Энергетическая безопасность

В условиях глобальной взаимозависимости и геополитической нестабильности, Италия, в силу своей значительной зависимости от импорта энергетических ресурсов, подвержена внешнему давлению и колебанию цен на мировых рынках энергоносителей.

Высокая степень зависимости от импорта нефти, природного газа и угля ставит Рим в зависимое положение от зарубежных поставщиков, что создает риски использования энергетических ресурсов в качестве инструмента политического давления⁵.

История не раз демонстрировала уязвимость итальянской экономики от колебаний цен на нефть. Так, нефтяной кризис 1973 года, вызванный эмбарго стран ОАПЕК, оказал серьезное воздействие на итальянскую экономику.

Глобальные энергетические кризисы, вызванные политической нестабильностью или природными катаклизмами, могут оказать существенное воздействие на итальянскую экономику, привести к росту цен на энергоносители и дефициту электроэнергии.

5. Региональные конфликты и их последствия

Географическое положение Италии в окружении регионов, характеризующихся политической нестабильностью и вооруженными конфликтами, создает риски для национальной безопасности и устойчивого экономического развития.

Так, например, конфликты в Северной Африке, на Балканах и Ближнем Востоке могут привести к распространению нестабильности на территорию Италии, скажем, через терроризм, организованную преступность и миграцию.

⁵ *Возобновляемые источники энергии в Италии. «Мировое и национальное хозяйство» | "World and National Economy". 2022 год. Издание МГИМО МИД России. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-02/italy-renewable-energy>*

Нельзя не отметить тот факт, что с точки зрения исторической памяти репутация Италии и ее внешней политики далека от идеала. Поддержка со стороны официального Рима франкистского мятежа в Испании (1936–1939 гг.) привела к внутренней поляризации итальянского общества, а впоследствии – к усилению фашистского режима. Колониальная стратегия Бенито Муссолини, который грезил о создании «Великой Италии», заключалась в расширении «жизненного пространства», насильственного подавления сопротивления народов Африки (Триполитания, Эфиопия, Сомали и др.). В частности, Италия активно заселяла территорию Триполитании и вынашивала планы по объединению Триполитании, Киренаики и Феццана в единую итальянскую провинцию «Итальянская Ливия». Отголоски колониальной политики Италии можно увидеть на примере варварских бомбардировок Ливии авиацией стран НАТО в 2011 году, которая была активно поддержана Римом. Стоит ли говорить о том, что попытка Италии в 2017 году провести в Ливии ограниченную военную операцию вызвала резко негативную реакцию у генерала Хафтара, а также населения этой сопредельной африканской страны.

Вооруженные конфликты в соседних регионах оказывают негативное воздействие на торговлю и туристическую отрасль, способствуют ухудшению ситуации в сфере безопасности и провоцируют увеличение миграционных потоков, создавая дополнительные вызовы для Италии. Однако перспективы улучшения ситуации в этой сфере для Италии пока не просматриваются.

6. Кибербезопасность и информационные войны

Киберпространство превратилось в новую арену геополитического соперничества, где государственные и негосударственные акторы ведут кибервойны и распространяют дезинформацию.

Италия сталкивается с угрозами со стороны разнообразных субъектов киберпространства, таких как хакеры, организованные киберпреступные группировки и враждебные государства, нацеленные на нанесение ущерба критической инфраструктуре, похищение конфиденциальных данных и вмешательство в политические процессы.

Достаточно ярким примером является взлом итальянских правительственных сайтов хакерами в начале 2000-х годов, который продемонстрировал уязвимость национальной информационной инфраструктуры и необходимость усиления мер кибербезопасности. Имеется в виду атака компьютерного вируса «Сассер» на Италию

3 мая 2004 года⁶. Вирус распространялся, используя недостатки программного обеспечения Windows. В результате десятки тысяч персональных компьютеров у частных пользователей и в различных организациях отключились на несколько часов. Особенно большой ущерб был нанесен электронным системам итальянских железных дорог и почты. На некоторое время вышли из строя даже компьютеры МВД Италии.

Иностранные государства могут использовать киберпространство для вмешательства и оказания деструктивного воздействия на политические процессы в Италии, например, путем распространения дезинформации и пропаганды. Это может подорвать доверие к демократическим институтам и повлиять на результаты выборов.

Итак, анализ потенциала Итальянской Республики в условиях формирующегося многополярного мироустройства позволяет выделить некоторые **возможности** Итальянской Республики в новых формирующихся реалиях.

В контексте многополярности, характеризующейся децентрализацией мировой власти, Итальянская Республика обладает потенциалом для укрепления своей роли в Европейском Союзе и продвижения национальных интересов посредством активного участия в формировании его политической повестки.

Итальянская Республика может влиять на разработку стратегических направлений политики ЕС в той же степени, что и в конце 1970-х годов, когда Италия принимала активное участие в формировании Европейской валютной системы (ЕВС). Несмотря на экономические трудности, Италия настояла на своем участии в ЕВС, что в конечном итоге привело к укреплению европейской интеграции и созданию еврозоны.

Для достижения поставленных целей Итальянская Республика способна формировать коалиции с государствами-членами ЕС, разделяющими общие интересы, с целью продвижения собственных приоритетов посредством согласованных действий. Ярким примером является формирование так называемой «группы стран Южной Европы» в период обсуждения вопросов экономической политики ЕС в 1980-х и 1990-х годах. В эту группу, помимо Италии, входили Испания, Португалия и Греция. Страны совместно выступали за смягчение бюджетных ограничений и увеличение инвестиций в инфраструктурные проекты, что позволило им более эффективно отстаивать свои интересы в рамках ЕС.

⁶ «Электронный червь» парализовал Италию. 03.05.2004. URL: <https://ria.ru/20040503/582249.html>

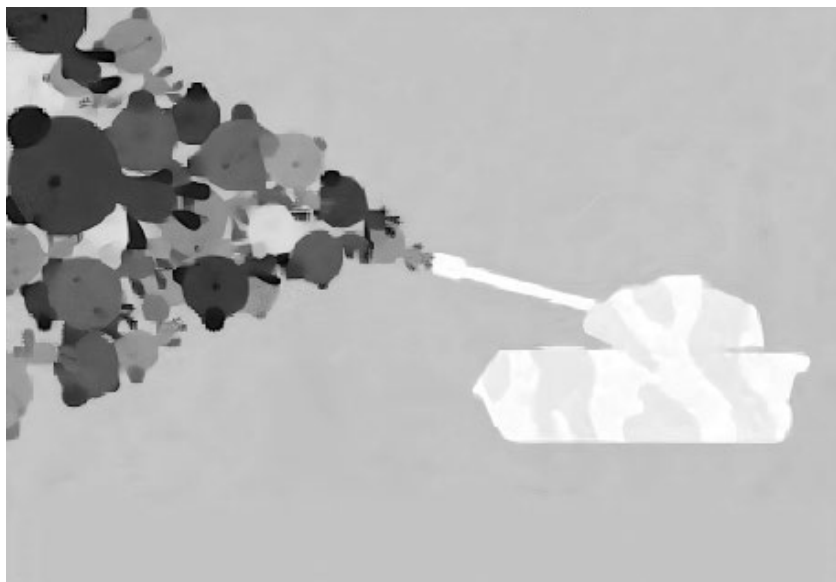
Нельзя не отметить, что итальянская внешняя политика традиционно характеризуется сочетанием атлантизма и европеизма, что отражает геополитические реалии и исторические связи страны. Атлантизм, подразумевающий тесное сотрудничество с Соединенными Штатами Америки и другими странами НАТО, является краеугольным камнем итальянской внешней политики с момента окончания Второй мировой войны. Европеизм, в свою очередь, выражается в активном участии Италии в европейских интеграционных процессах и стремлении к укреплению Европейского Союза. Примером проявления атлантизма в итальянской внешней политике является активное участие Италии в Организации Североатлантического договора (НАТО). Италия является членом НАТО с момента ее основания и вносит значительный вклад в обеспечение коллективной безопасности альянса: итальянские военнослужащие принимали участие в миротворческих операциях НАТО в Боснии и Герцеговине, Косово и Афганистане. Италия также предоставляет свою территорию для размещения военных баз НАТО, что свидетельствует о ее приверженности союзническим обязательствам. Примером проявления европеизма в итальянской внешней политике является активное участие Италии в европейских интеграционных процессах. Италия была одним из государств-основателей Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1957 году и внесла значительный вклад в его развитие.

Итальянская Республика традиционно располагала значительным потенциалом «мягкой силы», основанным на богатом культурном наследии, который может быть использован для продвижения национальных интересов в международном масштабе. Однако в последние годы наблюдается тенденция к снижению активности в использовании этого инструмента, что может быть связано с изменениями во внешнеполитическом курсе страны.

Одним из ключевых направлений использования «мягкой силы» является культурная экспансия, предполагающая активное продвижение национальной культуры, искусства, моды и кухни в качестве инструмента внешней политики. Итальянская Республика успешно реализовывала эту стратегию посредством организации фестивалей, выставок, концертов, недель итальянской моды и других мероприятий, привлекающих внимание международной общественности. Обращаясь к истории, вспомним эпоху итальянского Возрождения, которая оказала огромное влияние на развитие европейской культуры и искусства в XV–XVI веках, способствуя распространению итальянского влияния и созданию положительного имиджа страны.

Итальянская Республика также традиционно использовала свою привлекательность для туристов в качестве инструмента привлечения инвестиций и формирования позитивного имиджа за рубежом, что предполагает развитие культурного, гастрономического и экологического

туризма, способствующего экономическому росту и созданию новых рабочих мест. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), в 2019 году, непосредственно перед пандемией COVID-19, вклад туризма в ВВП Италии составил около 13%⁷.

Вместе с тем, в последнее время политика Рима утратила присущую ей ранее гибкость и приобрела несвойственные ей ранее черты блоковой дисциплины, которая ограничивает самостоятельные действия на других направлениях. Это может приводить к недоиспользованию потенциала «мягкой силы» и снижению эффективности продвижения национальных интересов на международной арене.

Следует также отметить, что итальянская Республика активно использует свое членство в международных организациях для укрепления своего влияния на международной арене и продвижения национальных интересов.

Активизация деятельности в международных организациях является приоритетным направлением внешней политики Итальянской Республики. Активное участие в работе Организации Объединенных Наций, Организации Североатлантического договора, Всемирной торговой организации и других многосторонних форматах предоставляет возможность продвигать собственные приоритеты и оказывать влияние на процесс принятия решений. Так, Италия, в рамках своего председательства в G20 в 2021 году, активно продвигала вопросы борьбы с изменением климата и перехода к устойчивой энергетике. В вопросе реформы ВТО Италия активно участвует в соответствующих дискуссиях, выступая за сохранение многосторонней торговой системы и против протекционистских мер.

В условиях усиления глобальной конкуренции Итальянская Республика рассматривает стимулирование инноваций и технологического развития в качестве приоритетного направления экономической политики.

Итальянская Республика обладает потенциалом для занятия лидирующих позиций в отдельных сегментах высокотехнологичной промышленности, «зеленой» экономике и сфере цифровой трансформации. Правительство Итальянской Республики разрабатывает комплекс мер, направленных на поддержку инновационных предприятий и стимулирование научных исследований в этих областях.

Кроме того, привлечение как внутренних, так и иностранных инвестиций в НИОКР является ключевым фактором обеспечения тех-

⁷ URL: <https://wttc.org/news/travel-tourism-sectors-contribution-to-italys-gdp-dropped-by-121-billion-in-2020>

нологического прогресса. Правительство Итальянской Республики предоставляет налоговые льготы и другие формы поддержки компаниям, осуществляющим инвестиции в научно-исследовательские разработки. Например, в соответствии с Национальным планом восстановления и устойчивости (PNRR), принятым в 2021 году, значительные средства (более 40 миллиардов евро) выделяются на финансирование проектов в области цифровизации, инноваций и научных исследований.

Использование новых технологий, включая искусственный интеллект, блокчейн и 3D-печать, рассматривается в качестве важного фактора повышения конкурентоспособности итальянской продукции на мировом рынке. Правительство Итальянской Республики реализует программы поддержки предприятий, направленные на внедрение передовых технологий и повышение эффективности производства.

Несмотря на высокие показатели в сфере добычи и транспортировки газа, Италия привержена идее построения «зеленой экономики», и по уровню перехода энергетики на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) находится среди лидеров ЕС. К 2030 году доля ВИЭ в энергетическом балансе Италии должна составить 30%.

**Италия и Россия:
от привилегированного
партнерства к враждебности**

Российско-итальянские отношения на современном этапе напоминают синусоиду, в которой этап подъема и стабильных отношений, характер-

ный для 1990-х и 2000-х гг., перешел в длительный спад и деградацию. Переломным моментом в отношениях стал 2014 год, который ознаменовал завершение «привилегированного партнерства» и переход отношений в русло враждебности и далее к открытой конфронтации (с 2022 года по настоящее время). До начала украинского кризиса Россия и Италия рассматривали взаимные отношения как одни из приоритетных. Высокий уровень двусторонних отношений характеризовало четвертое место Италии в списке внешнеторговых партнеров России из числа европейских стран. По состоянию на конец 2010 года взаимный товарооборот составлял 30 миллиардов долларов.

Отличительной чертой двусторонних отношений между Москвой и Римом до 2014 года была независимость от текущей политической конъюнктуры и последовательный прагматизм. Российско-итальянские отношения пользовались неизменной поддержкой как со стороны правоцентристского правительства Сильвио Берлускони, так и со стороны левоцентристского правительства Романо Проди.

Многовекторная дипломатия Рима в рамках докризисного периода умело сочетала в себе несколько направлений. Во-первых, Италия демонстрировала строгую приверженность идее евроатлантической солидарности, которая проявлялась в развитии тесных партнерских отношений с США, поддержке большинства их внешнеполитических инициатив. Во-вторых, Рим традиционно выступал за укрепление тесных связей с Лондоном, чтобы добиться устойчивого баланса сил в Европе и не допустить чрезмерного усиления континентальной оси Берлин – Париж.

Наконец, Италия вплоть до начала украинского кризиса, и особенно до начала СВО, проводила традиционно доброжелательную линию в отношении Москвы и одновременно поддерживала прозападные режимы в Грузии и на Украине. Италия являлась одной из немногих стран Западной Европы, которая рассматривала Россию в качестве неотъемлемого участника единой Европы. В свое время Рим одним из первых предложил принять Россию в «Группу семи», а также последовательно поддерживал сближение Москвы с Европейским Союзом и Североатлантическим альянсом.

В период, получивший название «привилегированного партнерства» между Итальянской Республикой и Российской Федерацией (охватывающий приблизительно период с конца 1990-х до середины 2010-х годов), сформировались основы взаимовыгодного сотрудничества. В постсоветский период Российская Федерация демонстрировала стремление к интеграции в мировые структуры и укреплению отношений с западными странами, что создавало благоприятную почву для развития двустороннего диалога. Важную роль в формировании благоприятного климата для развития сотрудничества сыграли личные отношения между лидерами двух стран, в частности, тесные связи между Сильвио Берлускони и Владимиром Путиным.

В 1994 году был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, в 1998 году его дополнил «План действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой». Двустороннее политическое взаимодействие включало в себя как встречи глав государств, так и контакты между министрами правительств. На законодательном уровне взаимодействие осуществлялось в рамках межпарламентской комиссии, созданной в 2000 году. Связи российского и итальянского бизнес-сообщества включали в себя как стратегическое партнерство крупнейших энергетических компаний – итальянского концерна ENI и российского «Газпрома», так и сотрудничество

«Лукойла» и «Agip», а также субъектов среднего и малого бизнеса. Степень заинтересованности сторон в развитии энергетического партнерства характеризовало создание в 2002 году при активном участии МГИМО МИД России и МИТЭК российско-итальянского Института мировой энергетики.

С ноября 2003 года Россия взялась реализовывать на своей территории итальянскую модель промышленных округов, в основе которой лежала идея соединения компактно расположенных предприятий малого и среднего бизнеса с высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами в единую производственную цепочку. Первыми примерами подобного сотрудничества стали промышленные округа в Липецкой (производство электробытовой техники) и Свердловской (машиностроение и металлургия) областях. Италия стала партнером России в ряде крупных инвестиционных проектов в Ленинградской, Московской и Пермской областях, а также в Санкт-Петербурге, Республике Чувашия и в городе Сочи.

Двустороннее сотрудничество на уровне государств дополняли межрегиональные связи, в рамках которых было подписано свыше 40 соглашений между российскими и итальянскими регионами. Италия первой среди стран Западной Европы подписала с Россией в ноябре 1996 года межправительственное Соглашение о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности. Одним из ярких примеров взаимодействия в военной и космической области стали совместные учения российских и итальянских ВМС, прошедшие в сентябре 2004 года в Средиземном море, а также, год спустя, в 2005 году, полет на МКС итальянского космонавта Роберто Виттори на российском транспортном корабле «Союз»⁸.

На протяжении 1990-х и 2000-х годов двустороннее российско-итальянское взаимодействие включало в себя широкий круг вопросов: противодействие терроризму, развитие торгово-экономических отношений, согласование позиций в рамках международных структур, культурные связи. Одной из новых форм отношений стал диалог субъектов гражданского общества, инициированный в 2004 году. В 2006 году в этом формате в Риме, Флоренции, Вероне, Болонье, Перудже и Сиене прошла Неделя русского языка.

Поворотным моментом в отношениях между Итальянской Республикой и Российской Федерацией, ознаменовавшим начало периода

⁸ URL: [https://ru.wikinews.org/wiki/Итальянский_астронавт_Роберто_Виттори_вновь_отправится_на_\"Союз\"_на_МКС,_где_проведет_ряд_экспериментов](https://ru.wikinews.org/wiki/Итальянский_астронавт_Роберто_Виттори_вновь_отправится_на_\)

«враждебности», стало присоединение Крыма к Российской Федерации и начало конфликта на Украине в 2014 году. Позиция Итальянской Республики по данному вопросу характеризовалась осуждением присоединения Крыма, однако в вопросе санкций наблюдалась определенная неоднозначность. Внутри итальянского политического истеблишмента возникли разногласия между правительством, парламентом, бизнесом и общественностью относительно целесообразности сохранения «привилегированного партнерства» с Российской Федерацией.

После 2014 года было заметно нарастание напряженности в отношениях между Итальянской Республикой и Российской Федерацией, что было обусловлено введением Европейским Союзом санкций против России и ответными мерами со стороны Российской Федерации. Введение санкций оказало негативное влияние на итальянскую экономику, а условия для ведения бизнеса итальянскими компаниями в РФ ухудшились.

После 2014 года в итальянском политическом истеблишменте и средствах массовой информации усилилась критика в адрес Российской Федерации. Возникли вопросы о возможном вмешательстве России во внутренние дела Итальянской Республики, в частности, о предполагаемом влиянии на выборы. Параллельно с этим, в экспертной среде и средствах массовой информации стали обсуждаться вопросы, касающиеся потенциальных угроз, исходящих от Российской Федерации, и необходимости укрепления обороноспособности Италии в условиях изменяющейся геополитической обстановки.

Начало Специальной Военной Операции в феврале 2022 года привело к резкому изменению позиции Итальянской Республики. Итальянская Республика осудила действия Российской Федерации и выразила поддержку Украине. Италия в полной мере поддержала санкции, введенные Европейским Союзом и Организацией Североатлантического договора против России. Многие формы сотрудничества между Итальянской Республикой и Российской Федерацией были прекращены. Начался пересмотр энергетической политики Италии, направленный на снижение зависимости от российского газа.

В настоящее время Итальянская Республика является частью единого фронта Запада, направленного против Российской Федерации. Экономические последствия разрыва отношений с Россией включают потери для итальянского бизнеса, рост инфляции и энергетический кризис. Наблюдаются гуманитарные изменения, связанные

с отношением к российским гражданам и сокращением культурных связей. Дипломатические отношения между Итальянской Республикой и Российской Федерацией заморожены или сильно ограничены. Ярко выраженный трампизм и крайне правая идеология на этапе правления Джорджи Мелони, лидера партии «Братья Италии», лишь подтверждает верность Италии проамериканскому курсу, но не дает шанса для обновления итальянской политики на иных направлениях. В условиях дальнейшего обострения внутривнутриполитических и социальных проблем Италии дальнейшая ставка на крайне правую идеологию представляется наиболее реальным сценарием для следующих парламентских выборов в стране.

Библиографический список

1. L'Italia, l'Europa e il Mondo Multipolare, 2024. URL: <https://www.vision-gt.eu/news/litalia-leuropa-e-il-mondo-multipolare-2/>
2. Зонова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность. Вестник МГИМО-Университета. 2012;(1(22)):51–57. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-1-22-51-57>
3. На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В.Зонойой. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 456 с.
4. ISTAT (Национальный институт статистики Италии). URL: <https://www.istat.it/>
5. Banca d'Italia (Центральный банк Италии). URL: <https://www.bancaditalia.it/>
6. Eurostat (Статистическая служба Европейского Союза). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>
7. Что экспортирует Италия и как доставить эти товары в Россию? 14 апреля, 2025 год. <https://aismartlogistics.ru/export-italy-russia/>
8. Возобновляемые источники энергии в Италии. «Мировое и национальное хозяйство» | “World and National Economy”. 2022 год. Издание МГИМО МИД России. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-02/italy-renewable-energy>
9. «Электронный червь» парализовал Италию. 03.05.2004. URL: <https://ria.ru/20040503/582249.html>
10. URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Итальянский_астронавт_Роберто_Виттори_вновь_отправится_на_”Союз”_на_МКС,_где_проведет_ряд_экспериментов
11. Официальный сайт правительства Италии. URL: <https://www.governo.it/>
12. Официальный сайт Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии. URL: <https://www.esteri.it/mae/it/>
13. Ведущий итальянский аналитический центр, специализирующийся на международных отношениях. Istituto Affari Internazionali (IAI). URL: <https://www.iai.it/en>

14. Итальянский аналитический центр. Centro Studi Internazionali (CeSI). URL: <https://www.cesi-italia.org/>
15. СМИ “Corriere della Sera”. URL: <https://www.corriere.it/>
16. СМИ “La Repubblica”. URL: <https://www.repubblica.it/>
17. СМИ “La Stampa”. URL: <https://www.lastampa.it/>
18. СМИ “Il Sole 24 Ore”. URL: <https://www.ilsole24ore.com/>
19. Шаклеина Т. А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник. / Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. – 3-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – с. 520.
20. URL: <https://wtcc.org/news/travel-tourism-sectors-contribution-to-italys-gdp-dropped-by-121-billion-in-2020>

Все совершается постепенно...
Эволюция! Эволюция!
Вот чего не надо забывать!

Максим Горький

Нужда – это шестое наше
чувство, заглушающее
нередко все остальные.

Мориц Готлиб Сафир

Теория – это сети:
ловит только тот,
кто их забрасывает.

*Георг фон Харденберг
(Новалис)*

Как нужда – постоянный бич
народа, так и скука – бич
высшего общества.

Артур Шопенгауэр

Джон Гонзалез

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ТИПОВ Н.А.РОЖКОВА

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94(47)

Статья посвящена эволюционной теории психических типов, разработанной видным российским историком Н.А.Рожковым в рамках его историко-социологической концепции. Показано влияние идей К.Маркса и Ф.Энгельса, Дж.С.Милля и других ученых на труды Рожкова. Вместе с тем подчеркивается новаторский характер его методологии, основанной на анализе биографий известных исторических личностей и персонажей художественной литературы. Автор аргументирует значимость вклада Рожкова в исследование исторического процесса на основе междисциплинарного подхода, с учетом диалектического взаимодействия всех факторов социального развития.

This article is devoted to the evolutionary theory of mental types developed by N.A.Rozhkov, a prominent Russian historian, within the framework of his historical and sociological concept. The influence of the ideas of J.S. Mill, K.Marx and F.Engels on Rozhkov's works is shown. At the same time, the innovative nature of his methodology is emphasized, which has proven effective in analyzing the biographies of famous historical figures and characters in fiction. The author substantiates Rozhkov's significant contribution to the study of the historical process based on an interdisciplinary approach, taking into account the dialectical interaction of all factors of social development.

Ключевые слова: Н.А.Рожков; эволюционная теория; психические типы; К.Маркс, Ф.Энгельс; Дж.С.Милль; этология; социальная психология; психология классов; базис и надстройка; человеческие типы в литературе.

Key words: N.A.Rozhkov; evolutionary theory; psychological types; K.Marx; F.Engels; J.S.Mill; ethology; social psychology; class psychology; base and superstructure; scientific psychology; human types in literature.

E-mail: director@rozhkovcentre.org; johngonzalez@yandex.ru

Николай Александрович Рожков (1868–1927) – видный российский историк, автор исследований по экономической истории России и 12-томного труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Однако работы ученого в области культурно-исторической психологии до сих пор не привлекли к себе должного внимания специалистов. Единственным исключением является статья О.В.Волобуева, опубликованная в 1971 г. [3]¹.

Убеденный марксист, Рожков на протяжении всей жизни придерживался мнения, что теория исторического материализма может объяснить все аспекты человеческого существования, включая психологию массового и индивидуального поведения [13, ч. II, вып. II, с. 158; 14, с. 42]. Он считал, что идеология является лишь частью ментально-психологического облика общества. Им была разработана теория исторической социологии, согласно которой для анализа развития человечества предлагалось использовать пять категорий: естественные, экономические, социальные, политические и психологические явления [13, ч. I, с. 4]. Признавая приоритетное значение экономики в историческом процессе, Рожков обращал внимание на то, что именно «психический склад» того или иного общества оказывает огромное влияние на формирование феноменов духовной культуры (мораль, религия, литература, искусство, научные и философские идеи) [13, ч. II, вып. II, с. 157; 14, с. 41]. В свою очередь, выражением упомянутого «психического склада» являются индивидуальные типы (характеры), которые «с особенной силой и яркостью» определяют лицо конкретного общества [14, с. 41]. Ранние статьи Рожкова о классификации и эволюции психических типов как составной части оригинальной модели исторического развития, разработанной ученым, были опубликованы в 1906 г. в сборнике «Исторические и социологические очерки» [11].

От аморфности варварства к феодальному порядку

Рожков исходил из того, что первоначально жизнь людей развивалась в условиях «полного и безраздельного господства добывающих отраслей – охоты и рыболовства, без всякой примеси скотоводства и земледелия» [16, т. 1, с. 38–39]². Примитивный уровень технологий лишь

¹ Я признателен доктору исторических наук, профессору О. В. Волобуеву за его огромный вклад в исследование жизни и трудов Н. А. Рожкова и благодарен за многолетнюю поддержку моей научной работы. Именно ему я посвящаю эту публикацию.

² Рожков использовал термин «добывающая промышленность» для обозначения основных видов деятельности, таких как охота и ловля, птицеводство, бортничество, рыболов-

ОЧЕРКИ.

СВОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

М О С К В А.
Издатель Н. К. Шанов, Бол. Грузинская ул., дом Шанова.
1906

незначительно возвышал человека над животными [16, т. 1, с. 40]. Рожков характеризовал такую ситуацию как «хаотический конкретизм», заимствовав этот термин у русского историка-позитивиста Р.Ю. Виппера, который впервые использовал упомянутое определение в своей новаторской работе, посвященной роли символов как отражения миропонимания человека в древности [2, с. 98–116]. Вслед за социологами А. Богдановым и И. Скворцовым-Степановым Рожков характеризовал примитивные общества как «бесформенные комплексы», указывая на отсутствие в ранние эпохи какой-либо систематической или организованной картины мира [1, т. 1, с. 35]. При этом он подчеркивал, что древние люди вовсе не находились в состоянии застоя. Напротив, по мере освоения окружающей среды в процессе хозяйственной деятельности в «совершенно бессистемном, аморфном, беспорядочном, нестройном накоплении отдельных приобретений» проявлялись определенные закономерности и поворотные моменты, свидетельствовавшие о кристаллизации в человеческих сообществах специфических ментальных установок и закладывании основ культурного разнообразия [16, т. 1, с. 38, 145].

Рожков отмечал, что недостаток данных не позволяет исследователям воссоздать достоверную и целостную картину истории на заре цивилизации. В своих рассуждениях он опирался на взгляды француз-

ство и скотоводство. Он отверг утверждение М.Н.Покровского о том, что примитивные общества практиковали какие-либо формы земледелия [16, т. I, прим. 1, с. 39].

ского философа и социолога Анри Сен-Симона (1760–1825), одного из основателей утопического социализма, автора оригинальной теории прогресса. Рожков разделял его убежденность в объективной неизбежности перемен и считал, что человечество последовательно переживало две эпохи – «органическую» и «критическую» [16, т. 1, с. 43–44]. Последняя в давние времена ознаменовалась преодолением варварства, складыванием «оригинальных, своеобразных» форм культуры и образцов социального поведения. Рожков характеризовал этот «критический» период как «феодальную революцию» [16, т. 1, с. 439]. Он разъяснял, что к это-

Анри Сен-Симон

му времени назрела необходимость складывания новых экономических отношений взамен прежних, т.е. сложившихся в обществе, лишенном социальной и политической организации и носившем психологически аморфный характер (т.е. без каких-либо устоявшихся или ярко выраженных индивидуальных типов характера). Рожков рассматривал новую экономическую систему как условие для процветания зарождающейся в этих условиях культуры.

По мнению Рожкова, переход от варварства к феодализму происходил на протяжении тысячелетий, развиваясь от примитивных культур к более сложным [16, т. 1, с. 143]. Ученый обращал особое внимание на то, что следствием изменений в экономике стало ускорение социальной дифференциации. Формировались большие группы людей (страты, классы), члены которых характеризовались особым набором признаков (в т. ч. ментально-психологических качеств). В результате каждая группа приобретала уникальные черты идентичности, а ее «лицом» становился определенный тип личности. Рожков отмечал, что предпосылкой феодальной революции стало появление скотоводства, земледелия и внешней торговли. По его словам, этот процесс привел к «большей определенности племенной и родовой территории», стимулировал развитие общественной жизни, «накопление целого ряда новых отдельных [ин-

дивидуальных] духовно-культурных приобретений» [16, т. 1, с. 145]. Это обеспечило переход человечества в Средневековье на качественно новую степень прогресса [16, т. 1, с. 439].

По словам историка, именно в период феодальной революции земледелие стало основной отраслью экономики при сохранении натурального хозяйства. Изменения сопровождались значительным технологическим прогрессом, особенно заметным в сельском хозяйстве, где наряду с подсечной системой начала активно использоваться трехпольная система земледелия. Одновременно с этой величайшей сельскохозяйственной новацией Средневековья в Западной Европе происходило формирование частной собственности на землю и рост крупного землевладения – светского и духовного. Рожков отмечал сохранение мелкого землевладения, однако утверждал, что в ряде стран оно уже утратило жизнеспособность и было вытеснено такими формами землепользования (основанными на временной и условной собственности), как бенефиции (*beneficia*) при Меровингах и Каролингах, прекарии (*precaria*) позднеримского периода, икта (*iqta*), практиковавшаяся в средневековом мусульманском королевстве Хиджаз на Ближнем Востоке, стратиотское (военное) землевладение в Византийской империи и т. д. Рожков подчеркивал, что «все эти явления были неразрывно связаны с успехами земледелия и сохранением натурального хозяйства» [16, т. 1, с. 440].

Возникновение сложных обществ и несвободных индивидов

Новые формы землевладения и землепользования привели к значительным изменениям во всех обществах.

Рожков считал, что самым важным

из них было возникновение и развитие неравномерного распределения национального дохода, что сразу же подорвало социальную сплоченность, существовавшую ранее, и привело к формированию классов, разделенных не только экономически, но и в социально-правовых отношениях. Сокращалось количество свободных людей. Часть из них стала знатью, другие попали в разные формы зависимости. Рожков добавлял, что «часто наблюдается сближение зависимых людей (закупов, закладней, коммендатов, клиентов) с рабами путем перехода последних в вольноотпущенники, колоны, крепостные» [16, т. 1, с. 440]. Процесс классовобразования сопровождался усилением личного начала во власти. Формировались дворцовые администрации, превратившиеся в центральное звено государственной жизни. Был законодательно закреплен переход власти по наследству. Однако возникновение таких санкциониру-

ванных монархами явлений, как иммунитеты, освобождение от уплаты налогов, пошлин и дани помещикам [16, т. 1, с.297], послужило для Рожкова доказательством того, что государственная власть в ранние исторические периоды была ограничена. Ученый аргументировал свое мнение ссылкой на пример народных собраний (вече), которые имели право решать важные вопросы в средневековых русских городах. «Вся вообще деятельность власти носит на себе печать слабой активности» [16, т. 1, с.441], – заключал Рожков.

Исследователь развивал мысль о том, что переворот в материальной культуре повлек за собой религиозную революцию. Появляются новые религии, а старые верования, стремясь к укреплению позиций в меняющемся мире, трансформируются посредством синкретизма [16, т. 1, с.306, 407, 421, 422]. В результате дает о себе знать феномен двоеверия³. Религиозные верования определили исторические представления и мифологию. В круговерти событий прошлого и современности люди видели лишь «указательный перст Провидения», не пытаясь осмыслить и упорядочить картину мира.

По словам Рожкова, важнейшим последствием изменений в экономике стало появление новой духовной культуры и социальной психологии [16, т. 1, с.441]. Он писал, что наряду с «хаотичным конкретизмом», составлявшим отличительную черту дофеодального русского общества [16, т. 1, с.91], в высших кругах общества стал проявляться «уклон в сторону активного эгоизма – жадности, алчности, приобретательства, практичности» [16, т. 1, с.441]. Новые «условия материальной культуры» привели к изменениям в трактовке правовых норм, особенно понятия преступления, которое теперь рассматривалось преимущественно под углом зрения защиты собственности, причем без связи с морально-этическими принципами [16, т. 1 с 226].

Рожков выделял три главных итога первого периода общественного развития: 1) политическая власть перешла в руки феодального дворянства; 2) обозначились две группы культур – одна из них была характерна для стран, не завершивших переход к феодализму, а другая восторжествовала там, где произошли коренные изменения в способе производства и институтах власти; 3) страны и народы, которые оказались в арьергарде феодальной революции (Россия, Литва, Сербия, Болгария и отчасти балтийские славяне), отставали в экономическом отношении от Западной Европы (Франкское королевство, Англия, Италия, Испания и др.) [16, т. 1, с.442]. Уровни социального, политического и культурного развития упомянутых двух групп

³ Подробное и увлекательное обсуждение этой темы см., например, в книге: [20].

заметно различались. При этом, по утверждению, Рожкова, наименьшее различие наблюдалось в общественной психологии [16, т. 1, с. 443–444]. Он не только обратил внимание на характерную примету времени – формирование «национального духа» («национального характера»), – но и предпринял попытку научного объяснения этого феномена, руководствуясь сравнительно-историческим подходом и марксистской теорией [16, т. 1, с. 439–444].

По словам ученого, завершение этапа перехода к феодализму (который Рожков называл «периодом феодальной революции») положило начало «органическому» развитию феодализма «в законченном виде» [16, т. 1, с. 444]. К этому времени прежние экономические, политические и социальные структуры претерпели значительные изменения. Рожков также утверждал, что «психологическая аморфность» дофеодального общества канула в прошлое. Новым явлением стала «кристаллизация» различных психологических типов (или ментальных характеров), которые он считал своего рода маркерами исторического развития. По мнению Рожкова, эти психологические типы (в терминологии ученого – «психические типы») универсальны, прослеживаются на всех последующих этапах истории и могут быть подвергнуты критическому анализу. В связи с этим он проводил аналогию с изучением природы, в которой также наблюдаются закономерные, повторяющиеся и объяснимые научными законами процессы. Рожков использует свою таксономию психологических типов для достижения двух значимых целей: «органически связывает воедино все различные проявления духовной культуры» на протяжении веков и «дает возможность точными и ясными формулами выразить отношение духовной культуры к экономическому базису как непосредственно, так и в конечном счете – через посредство социальной и политической надстроек» [16, т. 1, с. 11]. Как писал в 1928 г. его соратник (впоследствии директор Библиотеки имени В.И.Ленина) В.И.Невский, это была попытка Рожкова «объяснить марксистски высшее идеологическое выражение человеческой культуры – психологию борющихся классов, как она выражается в науке, искусстве, религии, политике или, вообще говоря, в культуре данного общества данной эпохи».

Идефикс Н.А.Рожкова

Рожков не преуменьшал значения дофеодальных обществ. Однако в связи с объективными трудностями их исследования (существенная ограниченность источниковой базы), отправной точкой создания его собственной теории психических типов стал период раннего феодализма, характеризующийся усложнением социальной структуры.

Анализируя эти изменения, историк смог выявить «повторяющиеся явления и процессы» и создать теорию психических типов [16, т. 1, с. 439–440].

Сознание, психические аспекты общества, можно объяснить научно так же, как и материальную сторону жизни людей, – эта мысль проходила «красной нитью» в публикациях Рожкова. Руководствуясь своей идефикс, ученый детально изучал взаимосвязь между экономическими и психологическими явлениями (или феноменами духовной культуры). Он хотел понять, как физические, материальные явления влияют на нематериальный (культурный) мир привычек, прав и обычаев, вкусов, понятий, убеждений, идей и чувств,

Н.А.Рожков

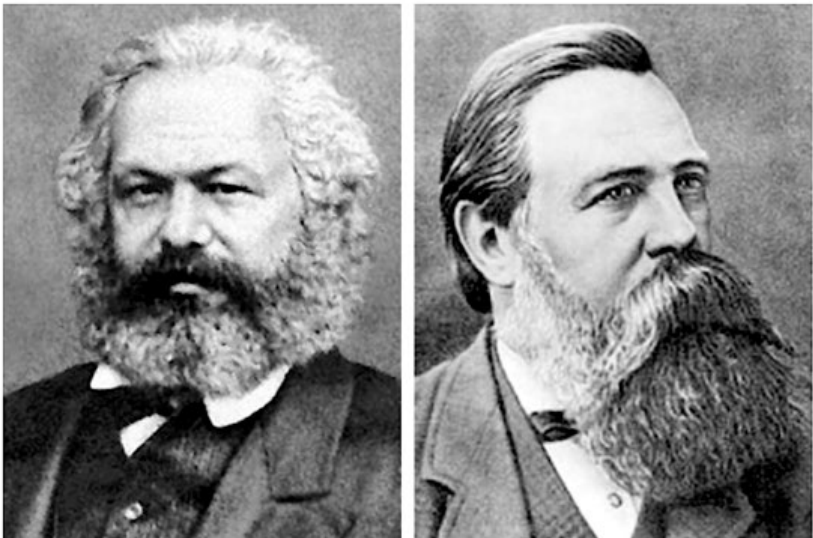
формируя личности, характеры и типы индивидов, которые, в свою очередь, определяют особый психический склад религии, искусства, литературы, науки и философии каждого общества [14, с. 10–11]. Ученого интересовал также механизм обратного процесса, т.е. влияния духовной надстройки общества на его материальную базу (физическую основу)⁴.

В исследовании «Обзор русской истории с социологической точки зрения» Рожков ясно дал понять, что, несмотря на целесообразность разделения истории на периоды, в эволюции общества не существует разрывов или явных демаркаций [13, ч.1, с. 6]. В работе «Эволюция хозяйственных форм» (1905) он подчеркивал, что ни одна социальная система никогда полностью не исчезает, поскольку история показывает, что «из недр одного периода экономической эволюции рождались новые хозяйственные формы» [17, с. 31–32]. Рожков считал экономическую эволюцию объективно закономерным процессом [12, с. 170–185]. Однако, по его мнению, это не объясняло механизм, ответственный за социальные изменения и прогресс на протяжении веков.

⁴ Можно предположить, что Рожков был первым российским историком-марксистом, который исследовал дебаты о базисе и надстройке.

**Марксист-новатор
в социальной психологии**

Признавая неоспоримость основных положений исторического материализма, Рожков не воспринимал учение Маркса и Энгельса как «цельную и законченную систему», полагая, что она находится «в периоде развития». Он считал, что в будущем марксизму суждено выйти за рамки понимания социального развития исключительно на основе важности экономических явлений и углубить представление о психологических аспектах общества, а также роли личности в истории. Определив таким образом слабое место марксистского учения, Рожков в самом начале своей научной карьеры нацелился на всестороннее объяснение психической эволюции общества, создание собственной теории психических типов [16, т. 1, с. 14–20]. Этому, в частности, был посвящен цикл его статей в журнале «Образование» [19, с. 320–322].

К.Маркс и Ф.Энгельс

Рожков полагал, что изучение психологических явлений способно углубить представление о классовой структуре, государственной идеологии, революции. Наконец, это должно было прояснить вопрос о природе и сущности человека, имевший особую важность для него как марксиста, размышлявшего о путях построения социалистического общества

и его характерных чертах. Рожков стал первым российским историком и социологом, поставившим вопрос о месте социальной психологии в системе научного знания.

Среди своих коллег он особо выделял Н.И.Кареева, автора множества работ по вопросам всеобщей истории, социологии и философии истории [см., напр.: 6]. Несмотря на различие по взглядам, их сближало идентичное понимание целей социологии и ее связи с историей.

В 1898 г. Рожков обосновал пятиступенчатую схему различных факторов, которые были положены им в основу представления о ходе исторического развития. Он перечислил их в таком порядке: (1) естественные явления; (2) хозяйственные явления; (3) социальные явления, то есть структура общества; (4) политические явления, то есть структура правительства; и, наконец, (5) психологические явления, или явления духовной культуры⁵. Ученый полагал, что материальная основа общества воздействует на его ментальные аспекты, а в более развитых обществах возможен и обратный процесс, при котором психологические явления влияют на экономические, социальные и политические аспекты общества. Он стремился доказать, что это — диалектический процесс.

Рожков разделял основополагающий принцип, выраженный Энгельсом в речи на могиле Маркса 17 марта 1883 г.: «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.». Поскольку все, что нужно человеку, исходит от природы, вполне логично предположить, что не случайно именно природным явлениям было отведено первостепенное значение и в схеме Рожкова. Нельзя сомневаться и в том, что мысль о важности в истории развития человечества таких факторов, как роль географии, климата, флоры, фауны и природных ре-

Н.И.Кареев (1850–1931)

⁵ Впервые эти пять основных процессов исторического развития он заявил в 1898 году в журнале «Образование», который редактировал и издавал либеральный педагог и издатель А.Я.Острогорский.

В.О.Ключевский

сурсов, была воспринята ученым также от его учителя В.О.Ключевского. Один из самых выдающихся русских историков, Ключевский был первым среди них, кто обратил внимание и на важнейшую роль экономического фактора в истории, и на роль художественной литературы как исторического источника. Увлеченный научным поиском, Рожков следовал также призыву своего наставника к тому, чтобы создать «науку об общих законах строения человеческих обществ».

Испытав немалое влияние Ключевского, Рожков тем не менее стал последовательным марксистом

и твердо верил в то, что люди станут «действительными и сознательными хозяевами природы и общества» (Энгельс). Он также воспринял идею Маркса и Энгельса о том, что, только пытаясь понять человеческий характер, можно постичь диалектику взаимодействия между экономическим базисом и надстройкой. Поскольку марксизм занимался главным образом классовой психологией, т.е. сознанием определенной социальной группы, члены которой были объединены одинаковыми экономическими интересами, Рожков считал крайне важным пойти дальше и использовать методы, применяемые в психологии, для объяснения психологических различий внутри классовой группы и между классами, а также для раскрытия механизма взаимодействия между базисом и надстройкой, приводящего к социальной трансформации. Ученый руководствовался и пожеланием Маркса, обращенным к его последователям: продолжать изучение общества, двигаясь «от частного к общему». В результате Рожков сосредоточился на том измерении марксизма, которое открыло «свежую струю в понимании психологических процессов, происходящих в истории» [11, с.176].

Стоит напомнить, что в конце XIX в. существовали различные теории, объясняющие человеческую природу, а психология как самостоятельная научная дисциплина только зарождалась. Рожков верил, что у нее есть будущее. Создатель теории психических типов, он внес важный вклад в понимание человеческого поведения, мотивации и эмоций. Его первые

публикации по этой проблематике появились в 1900–1901 гг. на страницах журналов «Образование» и «Мир Божий». Они свидетельствуют о глубоком погружении ученого в тему, творческом усвоении теорий и взглядов западных интеллектуалов. Среди них – А. Бэн, А. Ж. Фуйе, Ф. Кейра, Т. А. Рибо, Ф. Полхан, Дж. С. Милль, А. Сазерленд, Дж. М. Гюйо, Э. Литтре, Р. Вормс, В. Джеймс, Х. Хеффдинг, Х. Тейн, Л. Гумплович, П. Вайсенгрюн, Х. А. Тейн, Л. Ф. Уорд, Б. Кидд, КМ. Г. Ле Бон, Ф. Х. Гиддингс, К. Г. Лампрехт, В. М. Вундт, П. Лакомб, Г. Тард, П. Ф. Лесгафт, Д. А. Дриль, Д. Викторов и многие другие [см.: 11]. Впоследствии советские историки критиковали работы Рожкова за «эклектичный характер», ссылки на труды мыслителей-немарксистов [см., напр.: 18, с. 654; 10, с. 171; 4, с. 272–273; 9, с. 553–568]. При этом знакомство с новейшими достижениями общественных наук, основными философскими дискуссиями и научными идеями зарубежных коллег вовсе не было уникальным явлением в среде российской интеллигенции, включая таких марксистов, как А. А. Богданов, Г. В. Плеханов, М. Н. Покровский и В. И. Ленин.

В центре внимания Рожкова-исследователя – психология характера как ключ к объяснению индивидуального поведения. Испытав сильное влияние Огюста Конта, он вместе с тем обратил внимание на слабое место в учении основателя позитивизма: игнорирование психологии в его иерархии наук. Рожков объяснял этим отсутствие интереса немецкого ученого к психологическим интерпретациям истории.

Возникновение научной психологии и влияние Дж. С. Милля

Важным этапом в научной биографии Рожкова стало творческое усвоение наследия Дж. С. Милля.

Британский философ, экономист и политический теоретик, автор работ об утилитаризме, свободе и социальных реформах, Милль оказал значительное влияние на теорию истории Рожкова. Русский ученый видел одну из заслуг Милля в придании психологии «независимого статуса» (размещение ее в иерархии наук между физиологией и социологией). Рожков также утверждал, что понимание концепта «личность» можно получить, используя теорию этологии, разработанную Миллем. Рожков сравнил отношения этологии и психологии с отношениями истории и социологии: этология и история предоставили эмпирические данные, которые психологи и социологи использовали для формулировки законов, объясняющих человеческое общество [11, с. 185]. Русский последователь Милля выдвинул положение о том, что экономическая основа общества проявляется

Джон Стюарт Милль (1806–1873)

в идеологическом измерении через индивидуальную психологию, которая в социальной практике сводима к типологическим характеристикам. А это, по мнению Рожкова, давало возможность построить классификацию наиболее распространенных типов характера, которые существуют в каждом обществе [11, с. 177]. Занимаясь разработкой собственной теории психических типов в период между 1898 и 1903 гг., Рожков столкнулся с проблемой создания базы данных, необходимых для его исследовательского проекта. В итоге он взял за основу анализ литературных персонажей, полагая, что ситуации, отраженные в художе-

ственных произведениях, характеризуют важные аспекты человеческого бытия и сопоставимы с тем, что люди испытывают в повседневной жизни [16, т. 1, с. 15].

Литературные персонажи как исторические типы

На самом деле, представление о том, что герои произведений художественной литературы отражают реальные человеческие черты и качества, уже давно присутствовало в трудах ученых, например, в социологических и литературоведческих исследованиях Н.К.Михайловского, Н.И.Кареева, П.Л.Лаврова и других [3, с. 296–299]. Несомненно их значительное влияние на Рожкова. То же следует сказать и о Ключевском, который, в частности, замечал, что такие персонажи пушкинской прозы, как Гаврила Афанасьевич («Арап Петра Великого»), Кирилл Петрович Троекуров и князь Верейский («Дубровский»), «для историка большая находка», поскольку дают бесценные сведения о прошлом и настоящем русского общества [7, т. IX, с. 83–84].

Мысли Ключевского по поводу «Евгения Онегина» Пушкина и «Недоросля» Фонвизина как ценных свидетельств о времени их создания произвели на Рожкова незабываемое впечатление. Не случайно одно из первых его сочинений было озаглавлено «Пушкинская Татьяна и грибоедовская София в их связи с историей русской женщины XVII

и XVIII веков» [15, с.558–566]. Как справедливо отметил О.В.Волобуев, эту публикацию можно считать одним из первых сочинений (если не первым), написанным с намерением использовать художественную литературу как источник при создании истории России с социально-психологической точки зрения [3, с.299–300]. Можно также добавить, что это была одна из первых публикаций, посвященных женщинам и той роли, которую они играли в российском обществе. Несмотря на различия Татьяны и Софьи, они – «сестры по духу», заключает Рожков [15, с.561].

Вымышленные персонажи двух гениальных поэтов имели прообразы в русской истории. Пушкинскую Татьяну Рожков сопоставил с Иулианой Осорьиной (известной также как Юлиана Муромская), провинциальной дворянкой, посвятившей свою жизнь помощи больным и бедным, а Грибоедовская Софья вызвала у него ассоциацию с царицей Софьей Алексеевной, которая после низвержения с поста регента была арестована и вынуждена оставшуюся жизнь провести в строгом затворе в Новодевичьем монастыре. Обе эти исторические личности, как и упомянутые героини произведений, демонстрируют «естественную реакцию» сопротивления, пытаясь добиться изменений в своей жизни и жизни окружающих. Рожков завершил свою статью заявлением, что изученные им литературные образы были не просто «случайностями», созданными *ex nihilo*, а представляли собой «логически неизбежный вывод из всей истории русского общественного сознания за XVII и XVIII века» [15, с.566]. Это исследование стало отправной точкой трудов ученого с целью создания собственной теории основных психических типов. Рожкова можно считать первопроходцем в этом деле, поскольку Карл Юнг опубликовал свою работу по схожей проблематике лишь спустя почти два десятилетия, в 1921 г.

Мысль о важности учета психических факторов в развитии общества буквально носилась в воздухе. В 1899 г. она получила отражение в работе польско-австрийского социолога Л.Гумпловича «Очерки социологии», которая также была использована Рожковым. Гумплович считал, что экономические обстоя-

Л.Гумплович (1838–1909)

тельства определяют образ жизни индивида и пробуждают в нем соответствующие ментальные состояния.

Классификация психических типов Рожкова

В 1843 г. Дж. С. Милль писал, что модель этологии еще предстоит создать. Между 1900 и 1903 гг. Рожков реализовал предвидение английско-

го философа. Оригинальная классификация психических типов, предложенная русским ученым, была вдохновлена творчеством множества писателей [16, т. 1, с. 17]. Подробный анализ работы Рожкова в этой области выходит за рамки этой статьи. Кратко остановимся лишь на том, как он использовал свою теорию для объяснения социальной эволюции.

Рожков не объяснил, почему он выделил именно шесть психологических типов, но утверждал, что это основные типы, необходимые для того, чтобы объяснить этологию прошлых и современных обществ. Пять из упомянутых типов он характеризовал следующим образом: эгоисты; индивидуалисты; эстетисты; этики (этическая предрасположенность) и аналитики [11, с. 164–259]. Шестой тип – этические индивидуалисты, который, как следует из названия, представлял собой сложную смесь адептов этики и индивидуалистов [11, с. 257]. Согласно Рожкову, на протяжении большей части истории России преобладали эгоисты и индивидуалисты. Эгоисты представляли собой простые корыстолюбивые типы, тогда как индивидуалисты были более сложным типом [13, ч. 1, с. 150].

Рожков утверждал, что шесть основных типов характера встречаются на протяжении всей истории России, за исключением периода начальной Киевской Руси, когда психические типы еще только формировались [13, ч. 1, с. 162–164]. По его мнению, подобно другим параметрам общества, психические типы эволюционировали от отсталых и примитивных форм к более сложным. Он также был убежден, что каждый преобладающий в то или иное время психический тип является носителем новых культурных ценностей. Эти мысли были положены Рожковым в основу описания психической эволюции общества в России.

Представляя свои основные психические типы, Рожков констатировал очевидное: люди удивительно разнообразны и ни один человек не вписывается полностью в какую-либо одну категорию, или тип. Тем не менее историк подчеркивал важность выделения главной черты в характере человека, определяющей все остальные его особенности. Он также считал абсолютно необходимым, чтобы «многочисленности и сложности индивидуальных психических отличий» были сгруппированы в более

крупные категории на основе общих признаков. В этом заключалась «основная задача этологии», призванной «служить, таким образом, соединительным звеном между психологией и конкретной действительностью» [11, с. 185].

По словам Рожкова, при классификации персонажей следовало отказать от предвзятых точек зрения и «поискать руководящие нити», которые приведут к выявлению доминирующих типов личности, существовавших в тот или иной момент времени. В результате он надеялся «изобразить эволюцию типов, установить ее законы, подобно тому, как современная наука до известной степени определила законы эволюции хозяйственных форм, сословных связей, политических отношений» [11, с. 186–187].

Свое обращение к художественной литературе Рожков объяснял тем, что романисты обладают «способностью отметить характерное и важное в данном обществе», поэтому их наблюдения «всегда будут служить надежной опорой для этологических выводов» [11, с. 187].

Впервые собственную периодизацию Рожков представил в популярном труде «Город и деревня» (1902). Впоследствии он развил мысли по этому поводу в более крупном незаконченном труде «Обзор русской истории с социологической точки зрения», а также 12-томной истории России [см. 19, с. 336–342].

Рожков является первым российским историком-марксистом, который попытался объяснить, перефразируя слова политического философа Ларри Зидентопа, как «индивид» стал играть организующую социальную роль [21, с. 2–3]. Он был убежден, что концепция индивидуализма, сыгравшая жизненно важную роль в развитии капитализма, была столь же актуальна для построения социализма.

Галерея психических типов в трудах Рожкова

Рассмотрим кратко типологию психологических типов Рожкова. В этой части статьи преимущественно рассматриваются психические типы,

смоделированные на образах литературных персонажей, достаточно знакомых по классической прозе, как русской, так и западноевропейской. Они обычно в трудах Рожкова сопоставлялись с реальными историческими личностями: – политическими, государственными, интеллектуальными и духовными деятелями, знаменующими собой разные периоды истории.

Эгоистические типы: *Чичиков Гоголя и Елизавета Сергеевна Горького.* По словам Рожкова, эгоисты составляли тип «быть может, наиболее распространенного из всех цельных характеров» [11, с. 233–234]. Признавая, что существует множество вариаций эгоистических эмоций, ученый утверждал, что все они основаны на «полном отсутствии чувств этических, эстетических, общественных и религиозных». Архетип подобного индивида – Павел Иванович Чичиков из романа Н.В.Гоголя «Мертвые души» (1842). В качестве женского аналога этого персонажа Рожков использовал образ Елизаветы Сергеевны из повести М.Горького «Варенька Олесова» (1896). Как и Чичикову, ей очень трудно думать о чем-либо за пределами своих материальных интересов [11, с. 241].

Индивидуалистические типы: *Вронский Толстого и Олесова Горького.* Для иллюстрации индивидуалистического архетипа Рожков использует образы Алексея Вронского (из романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина»), а также Вареньки Олесовой, главной героини одноименного произведения М.Горького. Ученый отмечал, что, имея много общего с представителями эгоистического типа (те, кто только для себя), они в отличие от них были не лишены сочувствия к другим людям. Среди подобных личностей – немало интеллектуалов, ценителей литературы и искусства. Они не ставят под сомнение свои собственные ценности и убеждения. Непреклонная решимость в сочетании с железной энергией обычно гарантировала индивидуалистам успех в их начинаниях.

Этические типы: *Дон Кихот Сервантеса и Базаров Тургенева.* Этические типы характера (наряду с эстетическими) – важнейшие категории в типологии личностей Рожкова. В частной и общественной жизни, утверждал ученый, есть люди, которыми в первую очередь движут совесть, чувство долга и моральный идеал. Дон Кихот Мигеля де Сервантеса – архетип совершенной этической личности. Руководствуясь нравственным чувством и неуклонно стремясь к утверждению социальной справедливости, Дон Кихот никогда не испытывал «паралича воли». Отдавая должное человеческим качествам литературного героя, историк характеризует его как «чистого утописта, беспочвенного политического мечтателя» [11, с. 189].

Анализируя характер этического типа, Рожков обращался и к другим литературным персонажам. Это – Константин Левин («Анна Каренина»), Алексей Карамазов («Братья Карамазовы»), Евгений Базаров («Отцы и дети»). Ученый отмечал такие присущие им черты, как отсутствие «эгоистических чувств», стремление к выработке нравственного идеала, «большая волевая энергия» [11, с. 198], а также «умственная прямо-

линейность, беспощадное доктринерство своего рода, безусловность мысли». [11, с. 197].

Эстетические типы: *Райский Гончарова и Петроний Сенкевича.* Борис Райский – герой романа И.А.Гончарова «Обрыв». Это любитель музыки, живописи и литературы, не чуждый творческих порывов. Его поведением управляло то, что Рожков называл «эстетическим элементом». По словам ученого, «врожденное чувство красоты, артистические наклонности» затмили все другие эмоции и переживания Райского. У него отсутствовал интерес не только к деньгам и домашнему хозяйству, но и к событиям общественной жизни. Рожков считал, что ярлык «скептический консерватизм» лучше всего характеризует «общественные чувства эстетической натуры» [11, с. 201].

В одном ряду с Райским как воплощением эстетического архетипа Рожков упоминал и другие литературные персонажи. Это – Петроний из романа Сенкевича “Quo Vadis?”; Леон Плошовой из произведения Сенкевича «Без догмы» и Рудин из одноименного романа Тургенева. Анализ личностных особенностей упомянутых героев художественных произведений позволил Рожкову ввести понятие «переходных» типов («неполных и сложных»).

Аналитические типы: *Гамлет Шекспира и Алексей Александрович Каренин Толстого.* Гамлет В.Шекспира и Алексей Александрович Каренин Л.Н.Толстого – это архетипы, которые Рожков выбрал для представления двух основных типов аналитических («интеллектуальных») характеров. Их особенностью является «преобладание ума или анализа над эмоциональной жизнью» [11, с.245]. Историк приходил к заслуживающему внимание выводу, что люди подобного типа не обязательно будут действовать в интересах общественного блага, особенно если им не свойственны соответствующие этические эмоции.

Этический индивидуалист: *Фердинанд Лассаль.* К пяти основным психическим типам Рожков добавил еще один. Это – «этический индивидуалист», своего рода гибрид «этического» и «индивидуалистического» типов, который, по мнению ученого, идеален для построения лучшего общества в будущем [16, т.2, с. 316].

Ф.Лассаль

Рожков считал идеальным образцом личности этого «переходного» типа Фердинанда Лассалля, публициста и политического деятеля, одного из родоначальников немецкой социал-демократии. Предложив архетип «этического индивидуалиста», историк, во-первых, подчеркнул важное значение индивидуализма в своей типологии психических типов, а, во-вторых, акцентировал роль «этических эмоций», незаменимых для лидеров и активистов. По мнению Рожкова, «духовной природе с этическим индивидуалистом» соответствовали также Петр I и Нил Сорский с их социальной для первого и религиозной для второго направленностью личности в пределах данного психотипа [11, с.257].

Заключение

В 1906 г. Рожков дал ответ на вопрос о возможности практического применения результатов своего исследования. Он указывал на важность эволюционной теории психических типов для понимания психической эволюции обществ. Подчеркивая огромное значение мысли К.Маркса об эволюции в психологии отдельных классов, русский ученый-марксист, в частности, надеялся на то, что его теория послужит развитию самого понятия о классовой психологии, поможет изучить под этим углом зрения особенности каждой эпохи [11, с.259].

Высокий научный потенциал теории Рожкова демонстрирует 12-томная история России «в сравнительно-историческом освещении», работу над которой ученый завершил в 1926 г., рассмотрев исторический процесс в проблемном поле социальной психологии. В этом капитальном труде нашли отражение основные положения оригинальной теории ученого. Было убедительно показано, что: 1) определенные психологические характеры начали появляться в обществах примерно с X века; 2) на протяжении следующего тысячелетия общества разделялись на классы, которые, в свою очередь, порождали психологические типы; 3) каждый класс несет на себе отпечаток переживаемого исторического периода, т.е. имеет характерный психологический тип, особую ментальность и способ мышления; 4) по мере прогресса общества психические типы эволюционируют и в конце концов сходят с исторической сцены, уступая место доминирующим типам нового экономического периода.

Согласно теории Рожкова, индивидуализм – психический тип, доминирующий при капитализме, а вообще свободное развитие личности возможно только при социализме [16, т. 12, с.396]. Уверенный в том, что знания экономической истории недостаточно для понимания социаль-

ной эволюции (и, в конечном итоге, обоснования конечного торжества социализма), ученый видел особую актуальность в том, чтобы проследить, как на протяжении истории развивалась именно индивидуальная психология.

Ко времени начала работы Рожкова над решением этой задачи немецкие ученые Мориц Лазарус и Хейман Штейнталь уже приступили к изучению коллективной психологии, таким образом, обозначив новое научное направление. Они развивали идею своего учителя И.Ф.Гербарта о том, что психология всегда остается односторонней наукой (*eine einseitige Wissenschaft*), если будет рассматривать человека в изоляции от «социологического аспекта исторических вопросов жизни – политики, права и народного хозяйства».

Лазарус и Штейнталь положили в основу своей концепции коллективной психологии мысль о том, что вся историческая жизнь может быть сведена к взаимодействию и взаимовлиянию индивидов. Как справедливо заметил Н.И.Кареев, коллега и критик Рожкова, было досадно, что важный «аспект коллективной психологии – психологическое влияние одного человека на другого, индивида на массу и массы на индивида» не был тогда еще достаточно изучен [5, с. 53]. Так что решение Рожкова сосредоточить усилия на изучении индивидуальной психологии в аспекте исторического развития было не только своевременным, учитывая немецкую инициативу, но и весьма важным в контексте поступательного движения русской социальной мысли.

Не найдя ответов на свои вопросы в многочисленных научных публикациях по психологии, Рожков обратился к художественной литературе (преимущественно классической) и биографиям исторических личностей, используя эти материалы в качестве источника для собственного исследования. Он пришел к убеждению, что именно литература может пролить свет на интересующую его проблему: как индивидуальное со-

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в сравнительно-историческом освещении
(Основы социальной динамики)

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Финансовый капитализм в Европе и революция
в России

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

Н.А.Рожков. Русская история
в сравнительно-историческом
освещении. Т.12. Титульный лист

знание или психология взаимодействуют с материалистическими реалиями повседневной социальной жизни, или, иначе говоря, как надстройка взаимодействует с экономическим базисом.

Очевидно, что любая теория, появившаяся более века назад, подлежит корректировке в соответствии с новейшими научными данными. Однако следует отдать должное новаторской попытке Рожкова рассмотреть эволюцию человечества, используя междисциплинарный подход, т.е. сквозь призму психологии, истории и социологии. Синтезируя широкий круг информации, он с редкой решимостью и удивительной верой в научную значимость своей работы, создал оригинальную теорию психических типов более чем за два десятилетия до работы Карла Юнга на ту же тему. При этом проблема, находившаяся в центре внимания обоих ученых, до сих пор является дискуссионной⁶.

В советский период теорию Рожкова критиковали за чрезмерную схематичность и биологизм, а также подрыв основ марксистского учения о решающем влиянии материальных условий и классовой борьбы на развитие общества. Хотя в этих обобщениях и есть доля правды, сегодня можно с уверенностью сказать, что попытка Рожкова объяснить сложность человеческого поведения путем выявления доминирующих черт личности представляла собой шаг к утверждению междисциплинарного подхода в общественных науках⁷.

Сохраняет актуальность вывод Рожкова о диалектическом взаимодействии социальных явлений, о том, что не только личность формируется современными ей экономическими условиями, но также сами индивиды в процессе своей деятельности определяют сущность этих условий.

Библиографический список

1. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. В 2 т. СПб.: Знание, 1910.
2. Виппер Р.Ю. Символизм в человеческой мысли и творчестве // Русская Мысль. 1905. №2. С.98–116.
3. Волобуев О.В. Вопросы социальной психологии в трудах Н.А.Рожкова // История и психология / Под ред. Б.Ф.Поршнева и Л.И.Анциферова. М.: Наука, 1971. С.296–318.

⁶Интересно отметить, что О.Б.Леонтьева даже считает, что ранний взгляд Рожкова на типологический подход не только демонстрирует явное сходство с работами Юнга, но и с исследованиями, проведенными совсем недавно в области соционики ее основательницей Аушрой Аугустинавичюте (1927–2005), литовским психологом и социологом [8, с.145].

⁷По мнению О.В.Волобуева, труды Рожкова заслуживают того, чтобы занять видное место в ряду исследований по социальной психологии [3, с.313–314].

4. Волобуев О.В. Н.А.Рожков: Историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 319 с.
5. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб: О.Н.Попова, 1895. 300 с.
6. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. В 3 т. М.: Тип. А.И.Мамонтова, 1883–1890.
7. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.9. М.: Мысль, 1990. 528 с.
8. Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории в теории исторического процесса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 201 с.
9. Линия судьбы: Сб. статей, очерков, эссе / Сост. В.Л.Телицын. М.: Собрание, 2007. 718 с.
10. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.Н.Тихомирова. В 4 т. Т.4. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 854 с.
11. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки: Сб. ст. Ч.1. М.: И.К.Шапов, 1906. 259 с.
12. Рожков Н.А. История, мораль и политика // Правда. 1904. №1.
13. Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. В 2 ч. СПб.: Журнал «Мир Божий», 1903–1905.
14. Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений. (Краткий очерк социологии). М.: [б.и.], 1907. 88 с.
15. Рожков Н.А. Пушкинская Татьяна и грибоедовская София в их связи с историей русской женщины XVII и XVIII веков // Журнал для всех. 1899. №5. С.558–566.
16. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). В 12 т. Пгр.; Л.; М.: Книга, 1918–1926.
17. Рожков Н.А. Эволюция хозяйственных форм. СПб.: Молот, 1905. 32 с.
18. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 802 с.
19. Gonzalez J. An Intellectual Biography of N.A.Rozhkov. Life in a Bell Jar. Leiden: Brill, 2017.
20. Rock S. Popular Religion in Russia. “Double belief” and the making of an Academic myth. London: Routledge, 2007. 234 p.
21. Siedentop L. Inventing the Individual. The Origins of Western Liberalism. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press, 2014. 448 p.

Татьяна Кроз

«ВЫЯСНИТЬ, В ЧЕМ НУЖДА»

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94(47)''1910'':[364.05+061.3+316.75]

В статье рассматривается Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению (1910) как ключевое событие в формировании публичной сферы социальной политики в позднеимперской России. Особое внимание уделяется процессу институционализации экспертного знания в области социальной помощи, становлению профессионального сообщества и оформлению представлений о благотворительности. Съезд анализируется как площадка, на которой обсуждались формы и пределы социальной ответственности, распределение обязанностей между государством, обществом, церковью и местным самоуправлением. Делается вывод о том, что съезд стал не только формой профессиональной самоорганизации, но и выразил запрос на участие общества в разработке принципов и форм социальной политики.

This article examines the First All-Russian Congress on Public and Private Charity held in 1910 as a key event in the formation of the public sphere of social policy in late imperial Russia. Special attention is paid to the institutionalization of expert knowledge in the field of social assistance, the emergence of a professional community, and the shaping of shared approaches to charity. The congress is analyzed as a venue for discussing the forms and limits of social responsibility, and for negotiating the distribution of obligations among the state, civil society, the Church, and local self-government. The article concludes that the congress functioned not only as a form of professional self-organization but also articulated a growing demand for public participation in shaping the principles and forms of social policy.

Ключевые слова: общественное призрение; благотворительность; съезд; социальное законодательство; публичная сфера.

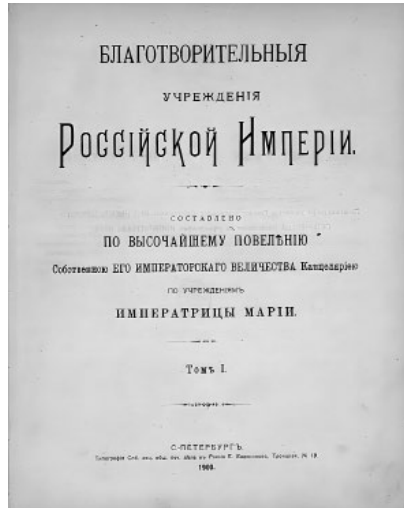
Key words: public charity; philanthropy; congress; social legislation; public sphere.

E-mail: tvkroz@edu.hse.ru

На рубеже XIX–XX вв. Российская империя столкнулась с серьезными вызовами. Быстрая урбанизация, рост числа малоимущих, изменения в структуре занятости обострили вопрос об организации социальной помощи и распределении ответственности между государством, обществом и частной инициативой в этой сфере. Поиски адекватных решений касались не только практических аспектов помощи, но и проработки представлений о пределах ответственности упомянутых акторов и форматах их взаимодействия. Тематика общественного призрения постепенно выходила в публичное пространство, становясь предметом открытого обсуждения. Кульминацией этого процесса стал Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению 1910 года: впервые обсуждение социальной помощи приобрело масштаб организованного публичного диалога.

Современная историография благотворительности в Российской империи развивается по двум основным направлениям. Первое – институционально-правовое, восходит к дореволюционной традиции и получило развитие в работах американских авторов 1980–1990-х годов [22], а также в трудах Г.Н. Ульяновой и А.Р. Соколова, предложивших концептуальное осмысление благотворительности как сложной институциональной системы [20; 18]. Второе направление акцентирует внимание на общественных организациях как формах социальной самоорганизации. Оно восходит к работам А.Д. Степанского и было развито в исследованиях А.С. Тумановой, сосредоточенных на правовых и культурных основаниях институционализации общественных инициатив [19].

Несмотря на продуктивность этих подходов, Первый Всероссийский съезд остается на периферии историографического внимания. Между тем он представляет собой важный момент в истории социальной политики, объединяя институциональное и общественное измерения призрения. По сути, съезд явился отправной точкой формирования экспертной публичности в позднеимперской России. С позиций теории публичной сферы Ю. Хабермаса его можно характеризовать как пространство, где представители организованной благотворительности получили возможность открытого обсуждения вопросов социальной помощи [21, p. 27–31]. Съезд способствовал легитимации новых форм участия в этой деятельности, отражал стремление к профессионализации и становился каналом артикуляции эмпирического опыта в публичной дискуссии о принципах и формах социальной помощи.

Благотворительные учреждения Российской империи. Т.1. (1900)

Формирование экспертного сообщества

Реформы 1860-х гг., сопровождавшиеся масштабными изменениями в социальной структуре и административной системе Российской империи, дали импульс развитию общественной активности, в том числе в сфере благотворительности. К рубежу XIX–XX вв. усилились дискуссии о необходимости пересмотра системы социальной помощи, сохранившей черты сословности и нормативной фрагментарности. Общественная помощь перестает восприниматься исключительно как нравственная обязанность имущего перед неимущим: распространяется понятие «общественное призрение», трактуемое как культурная форма благотворительности, основанная не на сострадании, а на гражданской солидарности и ответственности за общее благо [6, с.55; 13, с.165].

В этот период внимание к вопросам призрения приобретает более системный характер. Благотворительность все чаще рассматривается как элемент социальной политики и объект рационального регулирования. Как подчеркивает А. Линденмейер, важным условием формирования круга экспертов по вопросам помощи стало функционирование крупных благотворительных ведомств: Ведомства учреждений императрицы Марии, Императорского Человеколюбивого общества, Российского общества Красного Креста и Попечительства о домах трудолюбия. Эти

институты создавали профессиональную среду, в которой вырабатывались аналитические подходы к социальной политике [22, р. 76]. Знаковым примером стала работа комиссии К.К.Грота¹ (1892–1897), объединившей представителей ведомств, земств, духовенства и научного сообщества: в рамках комиссии был собран масштабный статистический материал, изучен зарубежный опыт и организованы экспертные обсуждения.

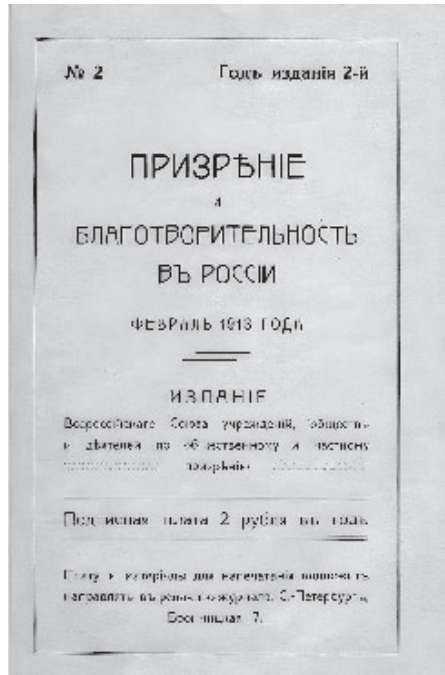

К.К.Грот

К началу XX века эта работа приобрела системный характер. Благотворительные ведомства при поддержке императорской семьи инициировали издание статистических сборников, подготовленных служащими учреждений, чиновниками, статистиками, представителями академического сообщества [17]. Работа над такими изданиями отражала не только практическую потребность в упорядочивании сведений, но и рост инте-

¹ К.К. Грот (1815–1897) – один из ключевых деятелей общественного призрения конца XIX в. В должности главноуправляющего Ведомством учреждений императрицы Марии он добился расширения сети благотворительных учреждений, курировал организацию попечительства о слепых и создание Главного попечительства о семействах воинов, принимал активное участие в тюремной реформе и развитии системы попечительств. По его инициативе в 1892 г. была создана комиссия по пересмотру законодательства об общественном призрении, что стало одним из первых шагов к систематизации и модернизации этой сферы.

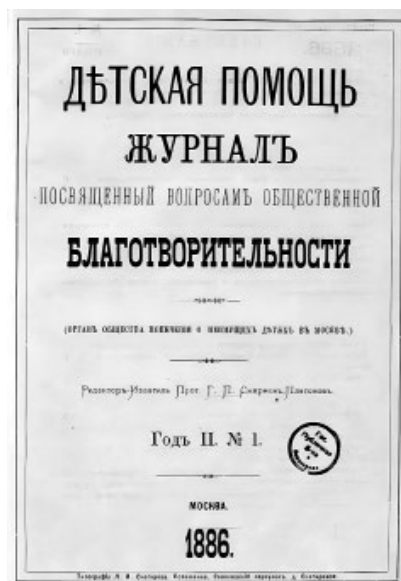
реса к социальному знанию на пересечении административной практики и теоретического осмысления темы. Параллельно укреплялась и система стимулирования аналитических подходов: в 1896 г. была учреждена премия за лучшие сочинения по вопросам призрения, а профильная периодика способствовала формированию общего языка обсуждения и профессиональной рефлексии [9, с.4–7].

Обложка журнала «Призрение и благотворительность в России» (1913)

Развитие экспертной инфраструктуры сопровождалось стремительным ростом специализированной литературы. Уже к началу XX в. заметно увеличивается число публикаций по вопросам призрения, что свидетельствовало о возрастании интереса к системному осмыслению социальной помощи [18, с.22]. Наряду с отчетными материалами появляются аналитические тексты, посвященные вопросам правового регулирования, зарубежного опыта и профессиональной рефлексии. Таким образом формировался общий язык и поле профессиональной коммуникации. Особую роль в этом процессе играла профильная периодика:

журналы «Детская помощь» (1885–1894), «Вестник благотворительности» (1897–1902), «Трудовая помощь» (1897–1918), «Призрение и благотворительность в России» (1912–1917) становились площадками консолидации профессионального сообщества и методологического осмысления призрения.

Обложка журнала «Детская помощь» (1886)

Постепенно социальная помощь превращается в особую сферу профессионального интереса, формируется круг соответствующих специалистов. К началу XX в. вопросы призрения выходят за пределы ведомственной практики и становятся частью публичной дискуссии. Именно в этой логике Первый Всероссийский съезд оформляется как событие, в котором экспертное знание получает статус предмета публичного высказывания.

**Первый съезд 1910 г.:
инициатива, организация**

Первые шаги к координации в сфере благотворительности предпринимались на локальном уровне. С 1876 г. в Петербурге стали проводиться

съезды уполномоченных приходских обществ. В 1886 г. в Москве со-

стоялся съезд представителей учреждений детской помощи. Подобные инициативы отражали стремление наладить взаимодействие между организациями и обменяться опытом. В начале XX в. идею совещаний поддерживали и официальные благотворительные ведомства: в 1901 г. в столице прошел Первый русский съезд по попечению о слепых, в 1902 – съезд учреждений трудовой помощи.

Эти попытки отражали нарастающую потребность в объединении разрозненных практик помощи и выработке согласованных подходов. Однако съезды проводились исключительно благодаря частной инициативе специалистов и не вызывали широкого общественного отклика. В 1901–1904 гг. стремление придать делу всероссийский масштаб наталкивалось на серьезные затруднения. Как показала Л. А. Булгакова, власти опасались выдвижения политических требований под видом обсуждения частных вопросов социальной сферы [7, с.198–200]. Несмотря на настойчивость инициаторов, им так и не удалось добиться официального разрешения на проведение общероссийского съезда. Это отражало устойчивую настороженность властей к попыткам публичной консолидации в социальной сфере.

В сложившихся условиях важным направлением профессиональной интеграции стало участие российских представителей в международных конгрессах по вопросам благотворительности и призрения [8, с.343, 346]. В начале XX в., наряду с представителями официальных ведомств, к работе упомянутых форумов все активнее подключались специалисты-практики и теоретики социальной помощи. Именно в рамках этого диалога возникла идея создания Союза деятелей общественного и частного призрения – общества, которое сыграло решающую роль в созыве съезда в 1910 году.

Первоначально Союз возник как Русский комитет международных конгрессов по благотворительности, призванный обеспечить участие российских представителей в **крупномасштабных мероприятиях, объединяющих специалистов из разных стран**. Однако вскоре замысел трансформировался в более широкую инициативу – создание независимого профессионального объединения, способного координировать усилия в сфере призрения внутри страны. Союз изначально формировался как структура вневедомственного типа: его учредителями выступили частные лица, общественные деятели, представители научного сообщества [1, л. 1–2]. Это придавало Союзу характер самоорганизации, отражавший стремление к профессионализации и консолидации экспертного сообщества. В его состав входили такие общественные деятели, как

В.И.Герье

В.И.Герье, профессор Московского университета, занимавшийся просветительскими и общественными проектами; Е.Д.Максимов², публицист, автор многочисленных теоретических работ о роли земств в развитии образования, здравоохранения и социальной политики; С.К.Гогель, юрист, приват-доцент, впоследствии профессор юридического факультета Психоневрологического института. Их участие придавало проекту общественный авторитет [2, л. 1 об.].

Несмотря на скромные исходные ресурсы, организация с самого начала ставила перед собой масштабные и амбициозные цели. В первые месяцы была развернута работа по нескольким направлениям: учрежден Совет Союза, определены задачи и структура отделов, началась подготовка Первого Всероссийского съезда, задуманного как «площадка» для

²Е.Д. Максимов (1858–1904) – один из немногих публицистов, кто пытался рассматривать призрение как целостную сферу общественной жизни. В своих работах он анализировал опыт приказов общественного призрения, земств и частных учреждений, сравнивал их практики и предлагал пути согласования их работы, что делало его фигуру важной для обсуждения системных реформ в этой области.

Е.Д.Максимов

обсуждения проблем призрения [4, л.35, 37, 42–46.]. В сопроводительной брошюре подчеркивалось, что съезд призван «дать возможность русским деятелям и русским благотворительным обществам, узнать, так сказать, друг друга» [3, л.22].

Министерство внутренних дел и Городская дума выделили средства на проведение съезда. Однако организация мероприятия целиком легла на плечи членов правления Союза, который не только разработал концепцию съезда и утвердил программу, но и взял на себя все практические аспекты его подготовки. Была проведена масштабная рассылка приглашений, организован сбор докладов и сообщений, а также обеспечена коммуникация с потенциальными участниками. Председатель Союза Г.А.Тобизен³ лично вел обширную переписку с представителями ведомств, обществ, городских управлений и частными лицами, пригла-

³ Г.А.Тобизен (1845–1917) – бывший томский и харьковский губернатор, известный своей деятельностью по организации благотворительных учреждений.

шая их принять участие в работе съезда. Эта модель подготовки съезда подчеркивает ключевую роль общественной самоорганизации.

Показательно, что на начальном этапе официальные благотворительные ведомства отнеслись к инициативе Союза с недоверием и отказались сотрудничать с ним. Однако по мере подготовки съезда их позиция смягчилась: были делегированы представители, распространялась информация о мероприятии, предоставлялась инфраструктурная поддержка [5, л. 1–3; 3, л. 27–35]. Это свидетельствовало о признании профессионального сообщества как легитимного участника обсуждения социальной политики.

**Первый съезд
как публичная сцена
социальной политики**

«Ваше присутствие в этом собрании дает Союзу уверенность, что, созывая съезд, он выдвинул вопрос, назревший и в сознании широких слоев общества...», – этими словами председатель Всероссийского союза Г.А.Тобизен открыл Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению [12, с.22]. Уже в приветствии прозвучал основной посыл: съезд должен был стать площадкой, объединяющей самых разных участников, отражающих многообразие форм и направлений российской благотворительности. Это собрание рассматривалось как акт символического и практического единения – шаг к формированию профессионального сообщества, способного вести системный разговор о будущем сферы социальной помощи.

Состав участников съезда отражал широкий интерес к теме благотворительности и стремление к координации усилий (см. табл. 1)⁴. Наиболее многочисленной группой стали частные лица (включая женщин и представителей высших административных кругов). Это благотворители, попечители, общественные деятели. Заметную активность проявили члены научного сообщества (юристы, медики, статистики), что отражало становление рационального подхода к призрению. Сопоставимое представительство имели делегаты от частных благотворительных учреждений, а также городских структур (думы и участковые попечительства). Немногочисленность посланцев от земств объяснялась нехваткой ресурсов и слабой инфраструктурой призрения на местах. Меньше всего было на съезде лиц духовного звания. Особенности съездовского контингента

⁴ Сведения по количеству участников и по их категориям подсчитаны по списку, приведенному в резолюциях Первого Съезда русских деятелей по общественному и частному призрению [14].

отразились и на распределении докладов: лидировало научное сообщество, но активно участвовали и другие ключевые группы (см. табл. 2).

Таблица 1. Состав участников съезда

Категория участников	Количество
Частные лица	131
Представители благотворительных учреждений	131
Представители городских органов	68
Представители земств	13
Министерство внутренних дел	16
Официальные благотворительные ведомства	19
– Человеколюбивое общество	10
– Ведомство императрицы Марии	3
– Попечительство о трудолюбии	4
– Прочие попечительства	2
Представители профессорского сообщества	14
Духовенство	6
Итого	398

Таблица 2. Распределение докладов

Группа докладчиков	Количество докладов
Представители научного сообщества	9
Благотворительные общества и учреждения	7
Частные лица	6
Министерство внутренних дел	5
Земства	4
Императорское человеколюбивое общество	4
Городские представители	2
Духовенство	2
Итого	39

Работа съезда была организована в рамках трех секций: первая обсуждала категории лиц – потенциальных объектов социальной помощи, распределение обязанностей в этом деле между государством и обществом, роль городских попечительств и источники финансирования; вторая – формы контроля за частной благотворительностью и ее взаимодействие с государственными структурами; третья – вопросы профес-

сионального обучения воспитанников приютов, трудового воспитания и социальной адаптации [12, с.3–19].

Сравнение программ московского съезда 1886 г., неутвержденного проекта начала XX в. и Всероссийского съезда 1910 г. показывает, что ключевые вопросы оставались неизменными: разграничение обязанностей, территориальная организация, финансирование и координация усилий. Именно с обсуждения этих проблем началась и работа съезда 8 марта 1910 г. Как отмечал С.К.Гогель, его задача заключалась в том, чтобы «поставить диагноз» и «выяснить, в чем нужда» [15, с.31].

Уже первые доклады показали, что съезд станет площадкой для артикуляции системных проблем. Так, поднятый в одном из выступлений вопрос о призрении семей нижних чинов, мобилизованных на Русско-японскую войну, стал поводом к дискуссии о состоянии сельского призрения в целом. Комментаторы подчеркивали: без введения всесословной волости как устойчивой административной единицы невозможно обеспечить эффективную работу сельских попечительств [12, с.41].

Обсуждение следующих докладов лишь подтвердило исходно очевидное для большинства убеждение: без пересмотра действующего Устава об общественном призрении двигаться вперед невозможно. Именно с этой целью и был создан съезд – для коллективного размышления над структурными основами системы помощи. По мере углубления в частные вопросы становилось ясно, что ни одну тему нельзя решить изолированно. Каждое выступление, независимо от темы, оборачивалось «разматыванием клубка» взаимосвязанных проблем. Так, участники дискуссии об обязательных категориях нуждающихся (сироты, душевнобольные, калеки, прокаженные) неизбежно были вынуждены высказываться по проблемам финансирования и ответственности властей.

Вопрос об обязательствах государства в сфере призрения воспринимался как неотложная необходимость, продиктованная масштабом социальных бедствий [12, с.61]. Проблема государственного участия в призрении неразрывно связывалась с вопросом распределения ресурсов, что подводило к более широкому осмыслению роли местного самоуправления. Земские представители на съезде подчеркивали, что практическая организация призрения сталкивается с недоверием властей и финансовыми ограничениями.

Одновременно во время обсуждений выражалось опасение: закрепление обязательств по призрению исключительно за государством может исключить элемент общественного участия. Именно поэтому подчеркивалась роль земств и городских учреждений как пространства публич-

ной ответственности [12, с.68]. В выступлениях регулярно поднималась тема низовой административной единицы: всесословной волости, прихода или городского участка. Обсуждение форм призрения на местах (особенно – сельского) вскрывало напряжение между административно-бюрократической системой и низовой инициативой. В повестку дня ставился и вопрос о роли церкви. Представители духовенства выступали за возрождение прихода как единицы местного призрения, способной объединить усилия мирян [16, с.518]. При этом на съезде звучала и мысль о несостоятельности прихода в этом деле. Дискуссия вскрывала более широкий вопрос: о статусе церковной благотворительности в структуре общественного призрения. Обсуждение показывало, что вопрос о единице призрения обнажал системный конфликт: как распределить ответственность между государством, местным самоуправлением, общественными инициативами и церковью. Каждой из этих сторон предлагались варианты участия, однако ни одна из моделей не обладала достаточными основаниями для устойчивой реализации.

Несмотря на расхождения, участников объединяло понимание необходимости реформы местного самоуправления. Масштабные изменения казались отдаленной перспективой. Это подчеркивалось в докладе представителя Главного управления по делам местного хозяйства МВД, А.А. Ди-Сеньи, который напоминал о десятилетиях безрезультатных попыток создать новый Устав общественного призрения. [10, с.132]. Сложившаяся к началу XX в. ситуация представляла собой парадокс: при полном осознании необходимости законодательной реформы и богатстве подготовительных материалов все усилия оставались в плоскости теории. Практическая реализация, сопряженная с вопросами поисков источников финансирования и реформы организации местного самоуправления, неизменно откладывалась. Признание этого тупика на съезде стало важным итогом: дальнейшее ожидание коренной реформы могло лишь законсервировать существующее положение. В условиях институциональной неопределенности съезд принял решение сосредоточиться на конкретных практических шагах, развивая и расширяя уже имеющийся опыт – прежде всего, работу участковых попечительств в городах и организацию сельских попечительств по модели Московского уезда. Совету Союза было поручено разработать программу действий для распространения практик городских и сельских попечительств по стране [14, с.207, 210–211].

Таким образом, Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению стал важной формой публичной дискуссии

о социальной помощи в поздней имперской России. Изначальный формат съезда (его статус первого в истории подобного рода собрания и отсутствие у него законодательных или административных полномочий) задал особую конфигурацию обсуждения. В условиях, когда съезд не ставил задачу выработать окончательные решения, участники получили редкую возможность открыто проговорить волнующие их проблемы. Несмотря на то, что большинство докладов было подготовлено профессурой, а само собрание объединило множество «экспертов по вопросам благотворительности» (чиновников, представителей городского управления, общественных деятелей и научного сообщества), обсуждение неизменно выходило за пределы частных вопросов, затрагивая более широкие проблемы. В рамках дискуссии прозвучал четкий запрос на пересмотр роли государства в системе социальной помощи, расширение полномочий местного самоуправления и развитие механизмов координации между частными и общественными формами призрения. Съезд показал, что участники готовы искать решения, делая ставку на постепенные, реалистичные шаги. В первую очередь, это развитие участковых попечительств в городах и организация сельских попечительств (по модели Московского уезда), унификация нормативных основ и расширение общественного участия.

Съезд стал формой признания экспертного и общественного участия как легитимных источников действия в социальной политике. Собрания участников форума обозначили пространство, в котором сталкивались разные представления о социальной ответственности, роли государства, общества и местных структур. Именно через эту многослойную дискуссию оформилась новая публичность социальной политики как самостоятельной формы артикуляции общественного интереса и профессионального знания.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 117 Д. 128.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1288. Оп. 15/2. 1908. Д. 84.
3. РГИА. Ф. 768. Оп. 2 Д. 1062.
4. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1821.
5. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 723.
6. Благотворительность // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон». Т. 7. СПб., 1891. С. 55–58. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10138/#page/70/mode/lup> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Булгакова Л. А. Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призрению в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв.: сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш.Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 195–204.
8. Булгакова Л. А. Участие России в международных конгрессах по призрению и благотворительности // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 343–368.
9. Высочайшие утвержденные 30 ноября 1896 г. правила о премии Августейшего имени ее величества государыни императрицы Александры Федоровны // Вестник благотворительности. 1897. №2. С. 4–7.
10. Ди-Сеньи А. А. К вопросу о пересмотре действующего законодательства об общественном призрении // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 123–135.
11. Первая секция // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 39–92.
12. Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению: программа и тезисы докладов. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. 885 с.
13. Призрение общественное // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон». Т. 49. СПб., 1898. С. 165–177. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10180/#page/175/mode/lup> (дата обращения: 03.05.2025).
14. Резолюции // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 200–216.
15. Речь председателя организационного комитета съезда С. К. Гогеля «О задачах съезда» // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 29–34.
16. Ровинский К. И. Возрождение православного прихода как одно из средств к правильной организации у нас общественного призрения и благотворительности // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 508–519.

17. Сборник сведений по общественной благотворительности. В 7 т. СПб.: Императорское Человеколюбивое общество, 1880–1886; Благотворительные учреждения Российской империи. В 3 т. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва. печ. дела в России Е.Евдокимов, 1900; Благотворительность в России. В 2 т. СПб.: Типо-литография Н.Л.Ныркина, 1907; и др.

18. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. СПб: Лики России, 2006. 648 с.

19. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 326 с.

20. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX – начала XX в. М.: Наука: 2005. 402 с.

21. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. 328 p.

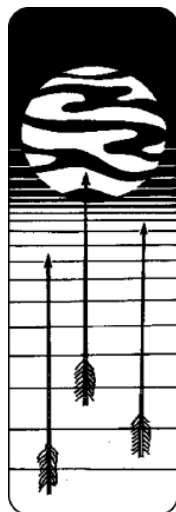
22. Lindenmeyr A. Poverty is not a vice: charity, society, and the stanachalate in imperial Russia. Princeton University Press, 1996. 335 p.

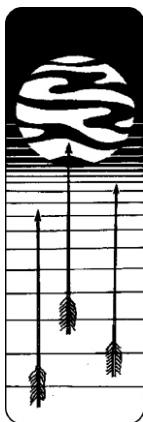
Давайте согласимся иметь
разногласия.

Роберт Льюис Стивенсон

Перестав быть спорной,
мысль перестает быть
интересной.

Уильям Хэзлитт

Нина Хайлова

**М.М.КОВАЛЕВСКИЙ
И ДИСКУССИИ
О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ
В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX вв.**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК

93/94

В статье рассматривается позиция М.М.Ковалевского по вопросу о женском равноправии на основе анализа его научных трудов, публицистики и политической деятельности. Показано, что характеристика ученого как антифеминиста не имеет под собой оснований, а его взгляды, не укладывающиеся в прокрустово ложе политических направлений, отражают специфику российского либерализма начала XX в. как самобытного явления.

The article examines M.M.Kovalevsky's position on the issue of women's equality based on an analysis of his scientific works, journalism and political activity. It is shown that the characterization of the scientist as an anti-feminist has no basis, and his views, which do not fit into the Procrustean bed of political trends, reflect the specifics of Russian liberalism of the early twentieth century as an original phenomenon.

Ключевые слова: М.М.Ковалевский; прогресс; от патриархальной к индивидуальной семье; российское законодательство; революция 1905–1907 гг.; женское равноправие; I Государственная дума; газета «Страна».

Key words: M.M.Kovalevsky; progress; from patriarchal to individual family; Russian legislation; revolution of 1905–1907; women's equality; First State Duma; newspaper «Strana».

E-mail: nkhaiлова@yandex.ru

Женский вопрос заявил о себе в России с исключительной силой в период революции 1905–1907 гг. Требуя немедленного решения наравне с другими долго сдерживаемыми общественными запросами – на политическое обновление и аграрное переустройство, он вызвал не менее жаркие споры [26]. В политическом многоголосье особняком выделялась позиция М.М.Ковалевского, ученого-обществоведа с мировой известностью. Один из организаторов Партии демократических реформ (1906), видный публицист, редактор и издатель¹, депутат I Государственной думы, член Государственного совета (с 1907 г.), он сыграл заметную роль в становлении прогрессизма – центристского течения в отечественном либерализме (между кадетами и октябристами) [31].

В основе подхода Ковалевского к назревшим преобразованиям – глубокое понимание исключительной сложности общественных процессов. Создатель оригинальной теории поступательного развития человечества, он считал важным критерием прогресса положение женщины в семье и обществе. Эта мысль отражена в его капитальных трудах, посвященных зарождению, эволюции и развитию основных общественных учреждений и институтов, форм общественного сознания и отношений (община, семья, собственность, государство, право, религия, мораль и т. д.) [13; 14; 16; 17]. «Женская тема» присутствует и на страницах публикаций ученого по ключевым проблемам отечественной истории [11; 15; 18].

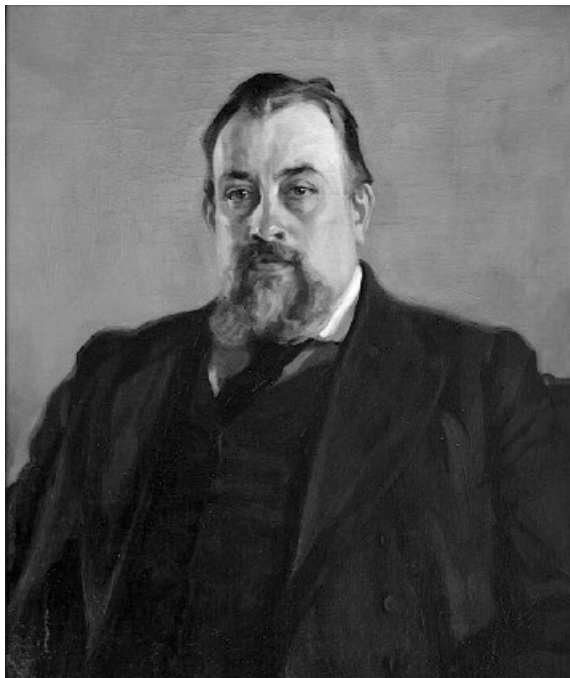
«Жена была не рабой...»

Ковалевский опровергал расхожее мнение о якобы «порабощении женщины патриархального периода», ссылаясь на «данные истории

древнего права вообще и римского, германского и славянского – в особенности» [14, с.78]. «Жена была не рабой, а подругой своего мужа», – заявлял он, объясняя зависимость женщины от супруга исключительно стремлением законодательства обеспечить «внутренний мир и благосостояние семьи», в том числе путем сохранения семейного имущества «в общем нераздельном пользовании» [14, с.79]. При этом именно в организации семьи Ковалевский видел и зачатки разложения патриархального строя: «личность была в ней поглощена общиной, подчинена домоправителю и, следовательно, лишена всякой индивидуальной свободы» [14, с.99]. Изучение законоположений Средневековья и Нового времени позволило вывести общую логику развития: «Инстинкт индиви-

¹ М.М.Ковалевскому принадлежала ведущая роль в газете «Страна» (1906 – начало 1907 гг.). С 1909 г. он являлся издателем журнала «Вестник Европы».

дуализма подрывает и рушит здание семейной общины», обеспечивая переход от патриархальной семьи к индивидуальной как союзу равноправных лиц [14, с.100, 113].

М.М.Ковалевский. Худ. О.Э.Браз, руб.XIX–XX вв.

Подчеркивая единое русло исторического прогресса у разных народов, Ковалевский, в частности, замечал: «Что бы ни говорили иностранцы, посетившие Москву в XV, XVI и XVII веке, а русская женщина не более западноевропейской была подчинена своему мужу. Это доказывается льготами, которые закон предоставлял ей в отношении имущества» [14, с.110]. По словам исследователя, упомянутые льготы и в России, и на Западе представляли собой вариации двух систем – «относительной общности» имущественных прав супругов и «полной раздельности» имущества, с тенденцией последовательного утверждения последнего принципа.

Традиции и прогресс

Определяя основной вектор прогресса (расширение свободы личности и развитие общественной солидарности), Ковалевский не сбрасывал со счетов и серьезное препятствие, осложнившее усилия Петра I и Екатерины II по «введению России в Европу». Их реформы «были бессильны сразу изменить духовный склад народа, который развивался в значительной степени под влиянием восточного деспотизма, тяготевшего над ним в течение нескольких веков» [15, с.230], – констатировал ученый. Примечательно, что предпринятое Петром I «открытие *теремов* – части домов, обитаемых женской половиной семей – для свободного общения обитательниц их с внешним миром», он ставил по степени важности в один ряд с такими новациями царя-реформатора, как «распространение знаний вообще, и особенно технических», а также «уничтожение старого предрассудка, заставлявшего ценить человека по его происхождению, а не по его достоинствам». Ковалевский полагал, что перечисленные меры «сделали больше для преобразования Русского государства, чем введение бюрократических учреждений, заимствованных за границей» [15, с.237].

Опережая прогресс нравов, российское законодательство в правление Петра Великого также признало за женой право защищать свою личность и собственность от посягательств со стороны мужа. Однако даже спустя около двух столетий сила обычая зачастую не допускала протеста со стороны притесняемой... «За примерами недалеко ходить», – писал Ковалевский, предлагая приглядеться к жизни московской купеческой семьи или крестьян центральных губерний, а также обратиться к произведениям А.Н.Островского, А.Ф.Писемского и Л.Н.Толстого [14, с.112–113]. В этом контексте вряд ли можно согласиться с ученым, характеризовавшим как «простую обмолвку» и «злоупотребление словом «неограниченный»» в тексте Свода законов Российской империи, где содержалось требование, чтобы жена «пребывала... в "неограниченном" послушании своему мужу» [14, с.113].

Русская женщина – «приниженная» и «забитая»?

Известно, что установленный во второй половине XVIII в. в отечественном законодательстве принцип раздельной собственности супругов «причудливо сосуществовал с юридически зафиксированной зависимостью женщин от мужчин – жен от мужей, а дочерей от отцов – в личных

правоотношениях». Тем не менее, как показано в новейших исследованиях, «стереотип о приниженном, даже забитом» положении женщины в семье не отражает многосложности жизни в императорской России. Так, по словам историка Г.Н. Ульяновой, «весь XIX век женщины владели в разных губерниях крупными промышленными предприятиями (число таких предприятий, начиная с 1870-х, перевалило за тысячу, численно составляя до 5–6 % всех предприятий в стране), в каждой губернии имелись сотни и тысячи предпринимательниц, самостоятельно ведущих бизнес» [30, с.22–23].

Вышеупомянутому стереотипу противоречило и указание Ковалевского на влиятельную роль женщин в жизни земледельческой общины в большей части южных губерний и в Малороссии, где встречался обычай наделения женщин землей. На основании материалов комиссии по преобразованию волостных судов (1873–1874 гг.), а также донесений волостных старшин более позднего времени (своего рода «повседневных наблюдений нашей народной жизни») ученый пришел к выводу о распространении в России протестов крестьян, в том числе женщин, против семейно-общинных порядков. Проявлением «настоятельной потребности личности обеспечить себе известную свободу» он считал активное участие замужних женщин в разделах семейного имущества [14, с. 100].

«Самый очевидный признак страшной нищеты...»

В 1898 г. в Париже была издана книга Ковалевского «Экономический строй России», посвященная анализу процесса развития капитализма

в России. Автор особо отмечал, что уже в середине 1880-х гг. женщины составляли значительную часть пролетариата². Приводя многочисленные факты «безграничной эксплуатации» на предприятиях, ученый подчеркивал жесткую дискриминацию работниц, чей труд оплачивался «на треть и даже наполовину менее мужского». И это при том, что нигде в Европе не существовало тогда такой низкой заработной платы, как в России [18, с.529]. Как «самый очевидный признак страшной нищеты, закравшейся в наши деревни», характеризовалось широкомасштабное развитие отхожих сельскохозяйственных промыслов. Чрезвычайно тревожным явлением, по мнению автора, являлось массовое участие жен-

² Так, по словам М.М. Ковалевского, в 1885 г. в Московском округе «почти половина рабочих были женщины, другими словами, они составляли 31½% всего числа фабричных рабочих» [18, с.531].

щин (особенно молодых девушек) в этом процессе³. В книге обращалось внимание на сходство социально-экономической ситуации в России с предреволюционной Францией конца XVIII в. и фактически содержалось предвидение повторения подобного сценария в России. Показателем общественных настроений ученый считал веру «русских молодых поколений» в «близость новой эры»: «Они считают себя призванными облегчить ее пришествие посредством разумного приложения научных данных и социального опыта Западной Европы» [18, с.393].

«Близость новой эры»

Вполне закономерным был вывод Ковалевского-политика о том, что именно аграрный и рабочий вопросы (и неразрывно связанная с ними задача обновления политического строя) были самыми насущными для России в период революции 1905–1907 гг. В самом начале работы I Думы именно он настаивал на расширении списка депутатских требований, касающихся улучшения положения рабочих (в том числе предлагал включить в этот список законодательную защиту женского труда).

Ковалевский также вполне разделял устремление депутатов-«перводумцев» к «искоренению всех язв политического бесправия». Признавал он и безусловную значимость женского вопроса. Тем не менее выступления ученого на эту тему с трибуны Таврического дворца способствовали созданию имиджа Ковалевского как антифеминиста. Негативное восприятие его взглядов в определенных кругах современников, одержимых революционной эйфорией, перекочевало и в историографию. Этот стереотип нередко воспроизводится и в наши дни.

При этом аргументы критиков Ковалевского чаще всего основаны на вырванных из контекста фразах из его думской речи 6 июня 1906 г. На самом деле суть этого выступления сводилась исключительно к возражению против *способа* рассмотрения женского вопроса в парламенте. Он указывал на «серьезное ограничение» законодательной деятельности народных избранников: согласно закону 20 февраля 1906 г., вместо права индивидуальной законодательной инициативы («существующего всюду, где есть парламент») было признано право законодательного почина, осуществляемое специальной комиссией. В связи с этим от депутатов по-

³ «В 1895 г. в Херсонской губернии около четвертой части припыхлых сельскохозяйственных рабочих из Киевской и Полтавской губерний были женщины», – свидетельствовал М.М.Ковалевский, подчеркивая, что из них «86% были девушки, замужних – едва 14%». С «невольным содроганием» он сообщал о «страшном распространении» среди них венерических болезней [18, с.559].

М.М.Ковалевский. 1900-е гг.

требовали «указания только общего принципа закона (выделено мной. – *Н.Х.*), т.е. было сделано как раз то, против чего борются с 1789 года все законодатели в мире, – разъяснял Ковалевский. – Все они указывают, что недостаток законов, вносимых во французское законодательство, был тот, что вотировали принцип, а потом под вотированный принцип надо было подгонять законы. Так и теперь», – заключал депутат от Партии демократических реформ. Он предвидел «невыгодные последствия» от упомянутого формата деятельности нижней палаты.

**Воительницы-амазонки
и английская мудрость**

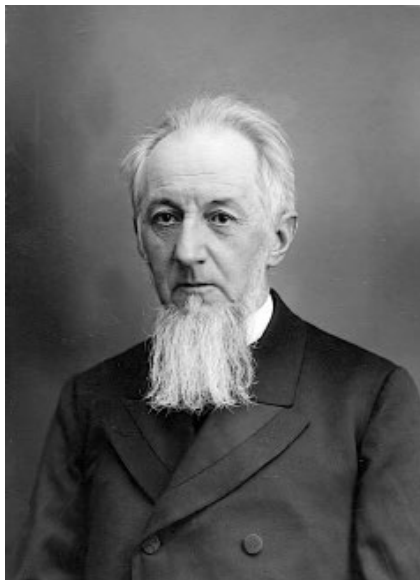
Для пущей доходчивости опытный оратор намеренно доводил ситуацию до абсурда. Так, исходя из того, что «равные права предполага-

ют равные обязанности», он считал закономерной постановку вопроса и о распространении на женщин воинской повинности. Признавая, что, «по всей вероятности, никто не собирается образовывать корпуса амазонок», Ковалевский напомнил известный английский афоризм: «Парламент все может сделать, но он не может обратить мужчину в женщину и женщину в мужчину» [3, с.31–32].

Последовавшее обсуждение вращалось преимущественно вокруг ярких картин из его речи, запечатленных в сознании депутатской аудитории. И если известный историк Н.И.Кареев (кадет) все же попытался говорить по существу вопроса (т.е. обосновать право на существование думской комиссии о гражданском равноправии), то самарский врач П.П.Крылов (кадет) предпочел в своем выступлении развить оригинальную теорию о «единственно справедливом» разделении труда («в интересах родины, в интересах государства») между мужчинами и женщинами, согласно которой общество не имеет права призывать женщин к несению воинской повинности⁴. А депутат-трудолик Д.К.Заболотный, возможно, вдохновленный образом амазонок в речи Ковалевского, посчитал уместным в очередной раз напомнить парламентариям о том, что «в великой борьбе народов за свободу женщина наравне с мужчиной и с равным ему мужеством защищала эту свободу во всех государствах, на всех баррикадах». Вывод Заболотного о политических правах как «элементе естественного права» (а потому и долге депутатов «отстаивать полное равенство граждан как великий акт общественной справедливости») звучал в интерпретации трудолика А.Ф.Аладына как страстный призыв к немедленному действию: «Помните, что женщина-раба не может быть матерью свободного гражданина... Будет стыдно для нас, если русская женщина помимо нашего желания вырвет у нас это право, как это происходит часто при борьбе класса с классом» [3, с.49–52].

А между тем на серьезность проблемы, поднятой Ковалевским, еще накануне (5 июня) обратил внимание граф П.А.Гейден. Он предложил свой взгляд на *способ* организации работы депутатов по ликвидации «неравноправности» как «остатка старины». По мнению оратора – опытного управленца, прежде чем создавать соответствующую комиссию, Дума должна была подготовить базу для ее трудов, т.е. «основательно выяснить» и принять ключевые положения каждой реформы, имеющей отношение к гражданскому равноправию.

⁴Характеризуя своего рода специализацию полов в деле служения «общему благу», Крылов заявлял, что «мужчины гибнут на войне, защищая родину от внешнего врага, а женщина гибнет, давая жизнь этим борцам за честь и свободу страны. Если подсчитать, приняв во внимание процент смертности после родов, какая масса женщин гибнет в результате выполнения своих материнских обязанностей, и число мужчин, погибающих на войне, то окажется, что на стороне женщин несомненный и весьма большой перевес. А если так, то по какому праву общество будет возлагать на женские плечи двойную дань?» – патетически восклицал депутат [3, с.48–49].

Граф П.А.Гейден

**«Осторожнее
и основательнее...»**

В речи 6 июня Гейден продолжал настаивать на том, что «чем вопрос важнее, чем он сложнее, тем к нему надо приступать осторожнее и основательнее. Нельзя в одном законопроекте, напечатанном на одной странице, и объяснительной записке – на другой, затронуть изменение законодательства девяти томов Российской империи». Как «чрезвычайно сложные» оратор характеризовал в том числе права женщин, поскольку они попутно затрагивают «весьма обширный материал» из области семейного права [3, с.34]⁵. Гейден не сомневался: для того, чтобы

⁵ Гейден разъяснял: «В настоящее время жена следует за мужем; следовательно, если жена от мужа уйдет, семья, по нашему закону, группируется вокруг мужа. Если дать жене равные права с мужем, надо немедленно выработать закон о разлучении совместного жительства супругов, выработать закон о том, кому переходят дети разлученных супругов. Тут карандашом ничего не поделаешь, – осаживал Гейден своих оппонентов, критиковавших графа за увлечение «мелочами», – надо вникнуть в весьма пространные особенности, в особенности в крестьянском быту, где, например, по обычаю, в надельном имуществе дочь не является наследницей после отца при живых братьях. Следовательно, весь уклад общины складывается на единицах мужского пола. Раз женщина будет равноправна, понятно, она должна иметь права в общине, и в крестьянском имуществе» [3, с.33–34]. В общем, Гейден считал несвоевременным (в том числе на основе

декларируемые зачатки «великих культурных принципов» развернулись «в большое, стройное законодательство», требуется «деятельность Думы на целых пять лет». А «это не так легко, это с виду только просто» [3, с.34], – заключал он. В унисон с Гейденом прозвучали под сводами Таврического дворца и слова Ковалевского о том, что начало равенства «восторжествует у нас только тогда, когда из создаваемой нами комиссии падет дождь законопроектов: об отмене сословности в Российской империи, об уравнивании в ней в правах национальностей, вероисповеданий и т.д. и т.д.» [25, с.147].

Ковалевский и его соратники вовсе не были одиноки в стремлении к взвешенным решениям в сфере законодательства. Так, думское большинство при голосовании по женскому вопросу (в ходе обсуждения ответного адреса Думы на тронную речь Николая II) не поддержало поправки радикального характера (в пользу одномоментного и всеобъемлющего решения проблемы), предпочитая сдержанные формулировки. «Мы не берем на себя смелости утверждать, что единомушная воля народа требует политического равноправия для женщины» [3, с.12], – заявлял кандидат В.Д. Набоков, член комиссии о гражданском равенстве. Его однопартиец Ф.Ф. Кокошкин, напротив, был убежден, что «приспело время для этой реформы». В речи 5 июня 1906 г., взывая по общему обыкновению к справедливости и здравому смыслу, он ссылаясь не только на «блестящие успехи» в деле «равноправности женщин» на Западе. Вдохновляющим примером для

В.Д.Набоков

«житейского опыта») распространение избирательного права на женщин: «Нам первое время нужно еще самим привыкнуть к парламентской деятельности, ... то есть чтобы собрание было только из мужчин» [3, с.18].

Ф.Ф.Кокошкин

него служила Финляндия, где этот вопрос тогда близился к завершению⁶.

«Мы думаем, что Россия более, чем какая-либо другая страна, подготовлена к этой реформе, – не сомневался Кокошкин, – у нас в гражданском законодательстве положение женщины уже лучше, нежели в других странах, она обладает имущественной независимостью. У нас женщина в гораздо большей мере, чем во Франции и Германии, завоевала себе широкое поприще на поле общественной деятельности и службы государству» [3, с.29].

Активным сторонником женской эмансипации был также кадетский деятель Л.И.Петражицкий, возглавивший в I Думе подкомиссию по вопросу о женском равноправии.

Л.И.Петражицкий

⁶Согласно Сеймовому уставу, утвержденному Николаем II 20 июля 1906 г., Финляндия стала первой страной в Европе и третьей в мире – после Новой Зеландии (1893) и Австралии (1902), – где женщины получили избирательные права.

«Учитель-депутат»

В ситуации накала общественных страстей Ковалевский («учитель-депутат», по определению современников) и его единомышленники

последовательно вели свою линию, призывая передовых борцов за права женщин умерить свой пыл и соотносить желаемое с действительностью, учитывая исторически сложившиеся особенности России. Так, ученый обращал внимание на существование здесь двух резко обособленных миров – «общество и крестьянство», первое из которых живет идеалами XIX-го и начала XX-го столетия, второе же «целиком повергнуто в средневековье», где «муж властвует над женою, ища оправдания своей власти в теологическом мирозерцании, обосновывая его на текстах Священного писания» [10]. Ковалевский не раз указывал на характерные приметы времени в России начала XX в.: «общераспространенная малограмотность среди женской половины населения и патриархальная зависимость крестьянских жен и дочерей от главы семейства» [24, с.34–35]. Он не устал подчеркивать: «Из того обстоятельства, что обещанное нам Манифестом 17 октября право всеобщего голосования распространено будет на всех мужчин, еще не следует, что мы необходимо должны сделать первый опыт распространения права голосования и на женщин в том виде и в тех размерах, при котором этот опыт всего менее может содействовать усилению культурных элементов среди избирателей» [10].

Пытаясь остудить горячие головы, Ковалевский предлагал смотреть на проблему шире, имея в виду, что в ту пору идеал женского равноправия не был полностью реализован нигде в Западной Европе и Америке. Однако, по его признанию, косвенное воздействие женщин «сильно сказывалось в течение веков в одном и том же направлении – смягчения нравов, морализации политики, внесения в нее гуманности и милосердия к слабым»: «Не даром еще древние германцы называли женщину *Friedowebe*, т.е. ткущую мир» [10]⁷. Персонифицируя вклад женщин в развитие исторического прогресса, он готов был признать родоначаль-

⁷ Ковалевский ссылаясь на мнение своего хорошего знакомого, французского ученого Э.Реклю, который связывал «изысканность и мягкость нравов XVIII века» не только с художественной литературой, но и с той «выдающейся ролью», какую женщина того времени – благодаря развитию салонов – играла «в руководящих кругах»: «Неспособная за немногими исключениями (например, графини дю Шателэ, приятельницы Вольтера и истолковательницы Ньютона) к научному мышлению, женщина XVIII века умела внести в отношения мужчин то, чего всего более недостает им в настоящее время, – способность взаимного понимания и взаимного уважения при расхождении во взглядах. Она парализовала своим влиянием отрицательные стороны партийности и открывала

ницами движения за политические права женщин таких современниц Великой французской революции, как Манон Ролан и мадам де Сталь⁸.

С.В.Ковалевская

**«Русская женщина опередила
и немку, и француженку»**

Ковалевский не скрывал восхищения успехами выдающихся представительниц «нового типа» женщин (ученых, врачей, литераторов и т.д.), вышедших на историческую сцену в XIX столетии [10]. «Русская женщина опередила и немку, и француженку» [12], – с гордостью приводил

возможность совокупной деятельности в сфере общественно-нравственных интересов для людей, стоящих нередко на антиподах политического мышления» [10].

⁸ «Это были уже женщины, способные направлять не только салоны, но и политические партии. ... Обе доказали своим примером и способность к великодушному самопожертвованию дорогим политическим идеалам, и способность здоровой оценки текущих политических событий» [10], – разъяснял Ковалевский.

он мнение зарубежных коллег о своих соотечественницах⁹. Среди них он выделял знаменитую однофамилицу – Софью Ковалевскую, символ «действенного феминизма» и «зарождающейся будущей России, которой суждено быть страной мира, общественной справедливости и широкого умственного и художественного развития» [8, с.391]¹⁰. Однако, по убеждению ученого, «если для женщины, обладающей знанием, нет серьезных препятствий к политической деятельности, то далеко не является истиной, что всякая женщина как таковая должна быть призвана к избирательным урнам» [10].

**«Ученые люди совсем
крестьянского быта не знают»**

Ковалевский предупреждал о «несомненной опасности» установления в России начала XX в. равноправия мужчин и женщин во всей полноте

этого принципа: «Такая политика была бы равносильна или наделению мужа двойным голосом при дальнейшем подчинении ему жены, или обращению крестьянской семьи в пандемониум политических страстей, присоединяющихся ко всем тем, которые и без того раздирают ее» [10]. Подобные заявления давали повод критикам ученого ошибочно отождествлять его позицию со взглядами Ф.А.Кругликова, беспартийного крестьянина, депутата I Думы от Воронежской губернии. Сентенции этого представителя народных «низов», дважды выступавшего с думской трибуны при обсуждении женского вопроса, с одной стороны, не раз вызывали смех в зале¹¹, с другой – высвечивали характерные особенности народного быта

⁹ В центре внимания ученого и политика было повышение общественной роли женщин не только в России и на Западе. К примеру, в его газете «Страна» публиковалась информация о женском движении в Китае. Автор соответствующей корреспонденции, В.В.Корсаков, на протяжении более десяти лет выполнявший обязанности врача русской дипломатии в Пекине, отмечал, что «женское образовательное движение идет в Китае очень медленно. Китайка в этом отношении неизмеримо далеко отстоит от русской женщины, которая была и есть вся порыв, вся бескорыстное движение вперед к знанию и правде» [19].

¹⁰ С женщиной, которой, по словам Ковалевского, на рубеже 1880–1890-х гг. «интересовалась вся мыслящая Европа», его самого связывало чувство глубокой взаимной симпатии и «полной искренности» [8, с.391; 9, с.404; см. также: 28]. Вспоминая о ней, Ковалевский писал: «Не принадлежа ни к какой определенной политической партии, [Софья] В[асильевна] всецело являлась сторонницей и широкой самостоятельности общества, и социального законодательства, и всякого рода просветительных начинаний в пользу народных масс, например, народных университетов. ...Пожила она дольше, оставленное ею в различных областях человеческого мышления и художественного творчества поставило бы ее в ряд с самыми выдающимися современниками» [9, с.398, 405].

¹¹ «Если же и бабам равные права дать, что же тогда выйдет?.. – рассуждал депутат Кругликов. – Крестьяне говорят, что Господь сотворил Адама, а Еву ему помощницей,

и сознания, на которые обращал внимание законодателей и Ковалевский¹². Ученый не раз напоминал о том, что образование («даже начальное») менее распространено «между крестьянками, нежели между крестьянами». К тому же экономическая и юридическая зависимость женщин-селянок «несравненно больше, чем та, какая существует между мужем и женой, отцом и дочерью, вне крестьянской семьи» [10].

**«Право голоса есть
прирожденное право
человека»?**

Предвидя возражения («где же логика, где же верность принципу; ведь право голоса есть природенное право человека» и т. д.), Ковалевский

подчеркивал, что рассуждения оппонентов построены на смешении понятий. Указывая на необходимость различать права публичные и политические, он разъяснял, что первые принадлежат всем, ограждая свободу самоопределения человека («нельзя отнять у женщины право на неприкосновенность ее жилища только потому, что она – женщина»). Наделение же политическими правами ученый приравнивал к наделению властью, для чего необходимы соответствующие «умственные качества, даваемые возрастом и воспитанием». В связи с этим Ковалевский призывал законодателей направить все усилия к тому, чтобы увеличить контингент лиц, сознательно относящихся к своим правам и обязанностям (в т. ч. «к той высшей обязанности, какую представляет выбор народных представителей»). Отправной точкой для введения в сферу политической жизни он считал наличие «у всей массы населения» минимального образования [10].

**«Предпочитая строгости
принципов постепенность...»**

Ковалевский предлагал руководствоваться опытом англичан, «предпочитая строгости принципов постепенность в проведении необ-

ходимых реформ» [10]. Вместе со своими соратниками он последовательно и неуклонно добивался поэтапной реализации назревших перемен.

но не на равных правах. И потом еще апостол Павел сказал: “да убоится жена своего мужа” (смех, аплодисменты). А нас, крестьян, заставляют бабам равные права дать!? ...Надо сначала себе право достать, тогда и бабам дать (смех)» [3, с. 43–44].

¹²Кругликов, в частности, заявлял, что «весьма многие» крестьяне тогда все еще оставались в неведении о существовании «общего избирательного права, без различия пола». В связи с этим он отмечал дистанцию огромного размера между представлениями интеллигенции о жизни народных масс и реальностью: «Ученые люди совсем крестьянского быта не знают и совсем крестьянской семьи не понимают... Женщинам у нас не до общего избирательного права, женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой» [3, с. 17, 43].

Неотложным делом провозглашалась реформа образования – обеспечение всеобщего начального обучения, обязательного и бесплатного [10]. Энергично звучал голос Ковалевского и как борца за немедленное устранение всех препятствий для получения женщинами высшего образования [12]. По его мнению, вполне обоснованным шагом в России начала XX в. стало бы введение в сферу политической жизни «самостоятельной половины женского общества» путем допуска «представительниц местных миров» (деятельниц органов местного самоуправления) к выборам в Государственный совет [24, с.34–35]. Столь же своевременной мерой он называл признание принципа равенства полов в наследовании имущества [29, стб.398–404].

Широкий взгляд на женский вопрос был представлен в газете Ковалевского «Страна», издаваемой в 1906 – начале 1907 гг. Эмоционально насыщенные послания выражали чаяния передовой части женского населения. Так, автор одного из обращений в редакцию, «глубоко и искренне» сочувствуя программе Партии демократических реформ, критически оценивала позицию этого политического объединения по вопросу участия женщин в народном представительстве. Декларированное ограничение их допуска к работе в парламенте правом избрания только в верхнюю палату (при наличии опыта успешной работы в органах местного самоуправления) трактовалось в письме как отклонение партии от заявленной ею принципиальной точки зрения по женскому вопросу. «Без сомнения, далеко не все женщины в состоянии обнаружить политическую зрелость, но можем ли мы, положая руку на сердце, приписать эту зрелость всем, кого программа Партии демократических реформ наделила политическими правами?» – задавалась корреспондентка риторическим вопросом. Признавая неосуществимость в России начала XX в. («при нашей косности, застое») принципов женского равноправия во всей их полноте и поддерживая тактику партии, нацеленной на «мирное обновление» страны, она все-таки призывала идеологов демреформаторов не вступать на путь «полумер» в вопросе о женском равноправии: «Пусть это истинное равноправие останется идеалом, не загрязненным действительностью, пусть будет светлой точкой, целью для идейных тружеников, которые путем последовательных усилий, путем объединения прогрессивных народных элементов, достигнут, наконец, в будущем осуществления и этой цели» [4].

**«Вопрос жизни
будущих поколений»**

Гораздо более решительный настрой по вопросу женского политического равноправия демонстрировала жительница Костромы Е.Зотова. Первое

ее письмо в редакцию «Страны» было опубликовано в марте 1906 г., накануне выборов в I Думу¹³. Это был страстный призыв «к русской женщине» («только вы сами, женщины, кузницы своего счастья»), а также «всему мужскому населению страны» с предложением «присоединиться печатно к категорическому требованию женских избирательных прав», осознав его как «вопрос жизни будущих поколений», «единственное верное средство раскрепощения женщин от социального и гражданского неравенства и прямой путь к совершеннейшим формам ее развития». Свой крик души она адресовала народным избранникам («мы требуем этого от страны, в лице Думы, как хлеба и воды»), а в случае отказа предвещала губительные последствия от неизбежной общероссийской женской акции («мы сложим с себя ответственность за достойное развитие будущего поколения») [6].

«Признайте за женщинами права политические, гражданское неравенство отпадет само собой», – таков был лейтмотив еще одного взволнованно-возбужденного послания Е.Зотовой («к народным представителям в Думе и ко всем гражданам»), появившегося в «Стране» буквально накануне роспуска I Думы. Выступая от лица всего женского населения, представлявшего, по словам автора, серьезную общественную силу, Зотова завершала свое обращение очередным предостережением-угрозой в адрес народных представителей: «Или вы хотите со стороны женщин выступления, подобного 9 января?...» [5].

**За «человеческое
достоинство и правду»**

Голоса женщин на страницах прессы были важны для Ковалевского и его единомышленников не только как фактор мобилизации ответственности в решающие периоды политической жизни, но и как призыв к утверждению «строгой и неуклонной» законности, гуманизации

¹³ О характерном революционном пафосе письма дают представление начальные строки обращения автора к редакции «уважаемой газеты»: «Великое время освобождения переживает русская земля. Многовековые цепи-оковы политического и гражданского бесправия спадают с народа русского, как бы по мановению волшебного жезла. Великое чудо совершается на наших глазах. ... Занимается заря новой жизни на началах политического права и гражданской свободы. Близится время созыва Государственной думы. И каждый истинный гражданин должен выйти навстречу грядущему – благу народному – с готовым зажженным светильником. Пусть каждый в нашем дорогом Отечестве вспомнит, что он стоит перед судом будущего...» [6].

судебно-правовой системы. В связи с этим показательны публикации в «Стране» по поводу «процесса М.А.Спиридоновой» – 20-летней эсерки-террористки, смертельно ранившей в январе 1906 г. советника тамбовского губернатора Г.Н.Луженовского. В центре внимания редакции и корреспондентов – «ужас совершенного над ней злодейства» [23;

О Спиридоновой.

— Что же вы ничего не напишете о Спиридоновой?

Но что же можно писать? Есть такіа дѣла, такіа преступленія, для которыхъ не придумано еще слѣвъ на человѣческомъ языкѣ, не создано еще проклятій.

Что можно писать о Спиридоновой?

Мнѣ припоминается разсказъ о старцѣ, который долженъ былъ произнести проповѣдь въ Страстную пятницу, проповѣдь, посвященную страданіямъ и смерти Христа. Потрясенный воспоминаніями обѣ этихъ событіяхъ, старецъ ничего не могъ сказать и только одинъ призывъ вывился изъ его дрожавшихъ устъ: „Братья, давайте плакать!“ И въ отвѣтъ на этотъ призывъ раздались рыданія слушателей.

Что можно написать о Спиридоновой?

Времена этихъ кроткихъ, благочестивыхъ старцевъ, однимъ словомъ вызывавшихъ горячія слезы у своихъ слушателей, давно миновали, затерявшись во мракѣ исторіи. Источникъ тѣхъ чувствъ, какими вызывались такіа слова, давно изсякъ.

Вспомниая о страданіяхъ Спиридоновой, вспоминая весь ужасъ совершеннаго надъ ней злодѣйства, можно сказать только одно:

— Братья, не смѣйте плакать! Братья, чтобы ни единой слезы не было на вашихъ глазахъ. Вы не должны плакать, потому что настало время, когда слезы являются преступленіемъ.

Я не знаю, что еще можно сказать о Спиридоновой...

А. Хирьяковъ.

32], а также несправедливость смертного приговора ввиду очевидности смягчающих обстоятельств («она действовала под влиянием аффекта, а в таких случаях Уложение 1903 года не находит возможным назначать даже каторги»). «Мало того, смертная казнь Спиридоновой была бы тяжким оскорблением правового и нравственного чувства русских людей и потому, что сама Спиридонова подверглась незаконным, ужасающим истязаниям и издевательствам», – обращалось внимание на еще одну сторону процесса. Автор приходил к выводу о том, что, «как бы ни была виновна Спиридонова, теперь она является обвинительницей ее палачей, и пока не будут привлечены к суду ее истязатели, до тех пор не следовало бы говорить не только о казни, но даже вообще о ее наказании» [1].

Вопрос о наказании «агентов власти», виновных в «страданиях Спиридоновой» выходил и на более глубокую проблему – корневой причины революции и эффективных методах «понижения революционной температуры до того градуса, на котором она должна стоять во всяком нормальном общественном организме». «Революция в основе своей есть проявление массовой неудовлетворенности нравственного чувства – чувства справедливости», – полагал историк литературы и публицист Н.А.Котляревский, поэтому следовало изменить «самую основу социальной политики, перестать насмерть раздражать в людях чувство человеческого достоинства и правды». «Нет этой реформы, и все пластыри, наложенные на общественные раны, – одна лишь видимость, лишенная сущности», а революция угрожает «перейти в полнейшую анархию» [20], – убежденно заявлял он.

Редакция «Страны» солидаризировалась с откликом «Русских ведомостей» по поводу «дела Спиридоновой»: «Если среди молодежи создается такое настроение, которое толкает ее на дела, подобные совершенному Спиридоновой, то не репрессии и военные суды со своими приговорами в силах его уничтожить. Чем больше будет репрессий, чем больше будет совершаться ненужных жестокостей, тем сильнее опасность, что по следам Спиридоновой пойдут другие навстречу мучениям и почти верной смерти – и не будет конца насилиям сверху и снизу... Только культурными средствами можно бороться с террором» [22].

В одном из писем в редакцию «Страны» содержался призыв-заклинение («именем Бога живого») ко всем матерям присоединить свои голоса к требованию «для насильников суда скорого, гласного, нелицеприятного»: «не для того, чтобы наказать их (не во власти человеческого правосудия изобрести кару, равную их вине), а для того, чтобы при

свете гласного суда выяснить те порядки, при которых возможны ужасы спиридоновского дела и осудить их бесповоротно навеки» [7].

«Что же должна сделать русская мать?»

Неоднократно звучавшие в «Стране» призывы «к русской женщине» не оставались обращенными в пустоту. Автор одного из откликов

делилась своими размышлениями по поводу причин «немоты» своих соотечественниц: «Что сказать, что сделать, куда бросить крики возмущения? Петиции, газетные статьи слишком слабы, слишком ничтожны для выражения негодования». В ее письме в редакцию был предложен и ответ на вопрос, «что же должна сделать русская мать?» Он сводился к необходимости «всеми силами и способами поддержать ту политическую партию в Думе, которая пойдет против насилия и несправедливости, которая сделает закон священными книгами, которая даст нашей молодежи школы и университеты, а нам – родителям, уверенность, что дети наши всегда найдут в правительстве справедливых и беспристрастных судей» [21]. Очевидно, что на подобный ответ «русской женщины» рассчитывали и авторы публикаций из Грузии, характеризовавшие суровые меры, предпринятые там для подавления революционного движения. «История Спиридоновой, возмущившая всю Россию, бледнеет пред трагедией грузинских женщин, – сообщалось в «письме грузина». – Там, в Грузии, сотни таких и более ужасных тяжких преступлений... Неужели вы, русские женщины, останетесь безучастны? Неужели не выступите в защиту сестер?» – взывал он [2; см. также: 27].

С «примесью» консерватизма и социализма

Очевидно, что позиция Ковалевского по женскому вопросу не укладывается в прокрустово ложе политических направлений. Один

из лидеров отечественного либерализма, он твердо стоял на российской «почве», предлагая решать насущные проблемы с учетом национальной самобытности страны. Выступая против абсолютизации принципа всеобщего избирательного права, он считал допустимым и необходимым ограничение этого юридического основания введением своего рода ценза грамотности (умения читать и писать) для всех без исключения категорий населения. Искренний сторонник свободы и равноправия, Ковалевский полагал, что главным условием приобщения женщин к политической жизни (и, вообще, повышения их общественного статуса) является

рост уровня женского образования, и всемерно содействовал продвижению этой идеи как ученый, законодатель и публицист.

Взгляд Ковалевского на положение женщины в России в контексте революционных событий начала XX в. – одно из проявлений социальной сущности российского либерализма. Некоторую «примесь» социализма в нем демонстрировали и аграрные программы либеральных партий (демократических реформ, конституционалистов-демократов, свободомыслящих), признававших принудительное отчуждение частной собственности в пользу крестьян в таких широких размерах, в каких не решались это делать даже радикальные партии Запада. Это лишь некоторые примеры, свидетельствующие о том, что россияне не только в литературе и искусстве, но и в политике и общественной жизни перестали тогда быть учениками и, творчески переосмысливая уроки своих западных учителей, обретали собственное лицо.

Библиографический список

1. А.Т. Дело Спиридоновой // Страна. 1906. 14 марта. №20.
2. Болквадзе М.Г. Русским женщинам. (Письмо грузина) // Страна. 1906. 17 марта. №23.
3. Женский вопрос в Государственной думе: Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы. СПб.: Тип. Н.Н.Фридберга, 1906. 59 с.
4. З.С. Права женщины. (Письмо в редакцию) // Страна. 1906. №39. 6 апреля.
5. Зотова Е. Граждане, отзовитесь! К народным представителям в Думе и ко всем гражданам. (Открытое письмо) // Страна. 1906. 7 июля. №118.
6. Зотова Е. К русской женщине. (Письмо в редакцию) // Страна. 25 марта. №30.
7. Караскевич С. К делу Спиридоновой. (Письмо в редакцию) // Страна. 1906. 29 марта. №33.
8. Ковалевский М.М. Воспоминания друга // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.386–393.
9. Ковалевский М.М. Действенный феминизм // Там же. С.393–405.
10. Ковалевский М.М. Женский вопрос // Страна. 1906. №94. 9 июня.
11. Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2-х ч. Ч.1 [сост., автор вступ.ст. и коммент. Н.Б.Хайлова]. М.: РОССПЭН, 2010. С.55–156.
12. Ковалевский М.М. Можно ли закрыть женщинам доступ в университет? // Русские ведомости. 1908. №133.
13. Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. Т.1–3. М.: Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1906.
14. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 152 с.
15. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2-х ч. Ч.1 [сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.Б.Хайлова]. М.: РОССПЭН, 2010. С.157–391.
16. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т.1–4. М.: Т-во тип. А.И.Мамонтова, 1895–1897.
17. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.1–3. М.: К.Т.Солдатенков, 1898–1903.
18. Ковалевский М.М. Экономический строй России // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2-х ч. Ч.1 [сост., автор вступ.ст. и коммент. Н.Б.Хайлова]. М.: РОССПЭН, 2010. С.392–572.
19. Корсаков В.В. Женское движение в Китае // Страна. 1906. 26 февраля. №7.
20. Котляревский Н. Неучтенная сила // Страна. 1906. 22 марта. №27.

21. [Мать]. Что нам делать? (Письмо в редакцию) // Страна. 1906. 25 марта. №30.
22. Наша печать // Страна. 1906. 12 марта. №19.
23. О Спиридоновой // Страна. 1906. 22 марта. №27.
24. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
25. Партия демократических реформ. Речи членов партии в первой Государственной думе. СПб.: Русская скоропечатня, 1907. 188 с
26. Патрикеева О.А. «Женский вопрос» в I Государственной думе // Северо-Западная академия государственной службы: ежегодник. 2002 / Под общ.ред. В.М.Ходачека и др. СПб.: Изд-во Северо-Западной академии гос. службы (СЗАГС), Образование-Культура, 2003. С.281–291.
27. Письма из Грузии // Страна. 1906. 28 марта. №32.
28. Погодин С.Н. Несостоявшийся брак // Вопросы истории. 1998. №3. С.142–146.
29. Права женщин на наследование: Речи членов Государственного совета А.Ф.Кони и М.М.Ковалевского, произнесенные в заседании 7-го февраля 1912 г. // Запросы жизни. 1912. 17 февраля. №7. Стб.393–404.
30. Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.
31. Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2022. 640 с.
32. Хирьяков А. О Спиридоновой // Страна. 1906. 11 марта. №18.

Бессмысленная работа
превращает человека
в бюрократа.

Ф. А. Искандер

Бюрократия есть круг,
из которого никто не может
выскочить.

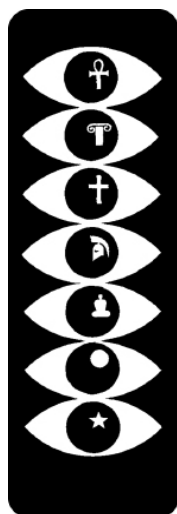
Карл Маркс

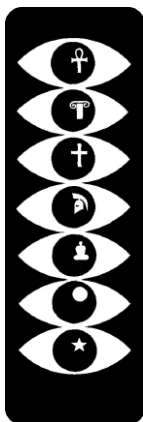
В деле администри-
рования все глупости
материализуются.

Гастон де Левис

Благодеяние – это великий
учитель, но несчастье –
учитель величайший.

Уильям Хэзлитт

Любовь Писарькова

ЛИХОИМСТВО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В 80–90-е гг. XVII в.

ПРИЧИНЫ УСИЛЕНИЯ «НЕИЗЛЕЧИМОЙ БОЛЕЗНИ» БЮРОКРАТИИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

930

Проведенное исследование позволяет заключить, что широкое распространение лихоимства в структурах власти в 80–90-е годы XVII века вызвано следующими причинами. 1. Борьба за власть между наследниками царя Алексея Михайловича, частые изменения в составе правительства, ссылки противников, безнаказанность сторонников и, в конечном итоге, – ослабление контроля верховной власти за деятельностью администрации. 2. Активное сближение Московского государства со странами Западной Европы, вызвавшее серьезные изменения в повседневной жизни правящего класса, его тягу к комфорту и роскоши. 3. Снижение морально-нравственного уровня правящей элиты, пополнившейся после переворота 1689 г. участниками военных игр и потех Петра I. В статье также рассмотрены различные виды должностных преступлений и отношение к ним правительства; особое внимание уделено злоупотреблениям администрации Сибири.

The conducted research allows us to conclude that the widespread use of extortion in the structures of power in the 80–90s of the 16th century was caused by the following reasons. 1. The struggle for power between the heirs of Tsar Alexei Mikhailovich, frequent changes in the composition of the government, exile of opponents, impunity of supporters and, ultimately, the weakening of control of the supreme power over the activities of the administration. 2. The active rapprochement of the Moscow state with the countries of Western Europe, which caused serious changes in the daily life of the ruling class, its craving for comfort and luxury. 3. A decrease in the moral level of the ruling elite, replenished after the coup of 1689 by participants in the military games and amusements of Peter I. The article also examines various types of official crimes and the government's attitude to them; special attention is paid to the abuses of the Siberian administration.

Ключевые слова: злоупотребления; казнокрадство; взятки; наказания; борьба за власть; влияние Европы; Немецкая слобода; администрация Сибири.

Key words: abuses; embezzlement; bribes; punishments; struggle for power; European influence; German settlement; administration of Siberia.

E-mail: afanasiev44@list.ru

80–90-е годы XVII века представляют сложный и противоречивый период российской истории, отмеченный Стрелецким бунтом, правлением двух царей, активным сближением с Западной Европой и борьбой за власть между наследниками царя Алексея Михайловича – Нарышкиными и Милославскими, Петром и его единокровной сестрой Софьей. Также неоднозначна и противоречива оценка этого времени историками. Отдавая должное личности и деятельности Петра I, они далеко не всегда беспристрастно оценивали Софью. Причины вполне объяснимы. П.К.Щебальский, автор первого специального исследования о царевне Софье (1856 г.) признает, что в период ее регентства предпринимались попытки нововведений, хотя были они «слабые и не всегда успешные». И, как бы оправдываясь, он пишет, что отмечает наличие этих попыток, «не думая тем умалить заслуг великого государя» [41, с. 139]. Представляется, что именно опасения «умалить» заслуги Петра I во многом объясняют «умаление» роли его предшественников, прежде всего, царевны Софьи. На эту особенность обратил внимание С.М.Соловьев в отклике на книгу Н.Г.Устрялова «История царствования Петра Великого» (1–3 тома изданы в 1858 г.). Соловьев приводит многочисленные факты, свидетельствующие об успехах правительства Софьи во внутренней и особенно внешней политике, о которых Устрялов умалчивает или подвергает необоснованной критике. Соловьев объясняет позицию автора рецензируемой книги «желанием набросить тень на все распоряжения Софьи» [34, с. 255]. Такой подход к освещению этого периода русской истории в большей или меньшей степени отличает многие исследования XIX–XX вв.

С 1990-х гг. заметно возрос интерес историков к изучению событий последней четверти XVII в., особенно к эпохе регентства Софьи. За 30 лет по этой тематике издано множество работ, включая глубокие исследования А.П.Богданова, А.С.Лаврова, Л.Хьюз, В.П.Наумова, С.М.Шамина [см.: 6; 7; 16; 38; 18; 40]. Современными авторами всесторонне изучены периоды жизни Софьи, ее окружение, состав и деятельность правительства, борьба за власть с царем Петром, а главное – дана объективная оценка заслуг царевны Софьи.

Задача настоящей статьи – установить причины невиданного ранее распространения злоупотреблений, поразивших в 1680–1690-е гг. все уровни власти. Для решения поставленной задачи необходимо в общих чертах рассмотреть главные события этой переходной эпохи, детально изученные авторами специальных исследований.

**Сближение с Западной Европой
как фактор усиления
лихоимства**

Сближению России с европейскими государствами не было альтернативы, и в этом отношении XVII век стал поворотным. Вопрос заключался в том, *что* именно заимствовать у более развитых соседей и как внедрять их достижения в непохожей на них России. В царствование Алексея Михайловича установились более тесные связи Московского государства с европейскими. В Москве появилось множество иностранных специалистов, особенно военных наемников. Так, только в 1661 г. и только из Англии на русскую службу поступило 3000 рядовых (конных и пеших) с офицерами во главе с генералом В.Келетравом [30, с.299].

Сближение с европейскими государствами внесло много нового в жизнь русского общества еще до реформ Петра I. «Любовью к новизнам иностранным» отличались многие представители правящей элиты, в том числе и близкие к царю люди: его двоюродный дядя Н.И.Романов, А.Л.Ордин-Нащокин, Ф.М.Ртицев, А.С.Матвеев и др. Влияние Европы сказалось прежде всего в повседневной жизни правящего класса: пришла

А.С.Матвеев. Посмертный портрет (с парсуны), 1700 г.. Худ. Йоханнес Фоллевенс Старший

мода на комфорт и роскошь. Сановники обставляли свои дома дорогой мебелью, украшали многочисленными зеркалами и картинами. Артамон Матвеев одним из первых убрал свой дом по-европейски: расписной потолок, картины немецких мастеров с изображением святых, многочисленные часы особой конструкции, привлекавшие внимание даже иностранцев... Матвеев устроил у себя театр. Актерская труппа из его дворовых людей играла спектакли, которые посещал и Алексей Михайлович [17, с. 367–368; 35, с. 585]. Неменьшей роскошью отличался и дом кн. В.В.Голицына. Начальникам приказов подражали их подчиненные.

Введению этих новшеств в жизнь московского общества во многом способствовали заграничные походы 1650-х гг., когда во время войн с Польшей и Швецией русские войска под началом царя Алексея Михайловича впервые оказались на территории европейских государств. Но и сама Европа пришла в русские города в виде немецких слобод. В Москве находилась самая большая немецкая слобода, или Кукуй (по названию протекавшего там ручья). Во второй половине XVII в. население Немецкой слободы быстро росло. Это был город в городе, анклав, населенный иноверцами, которые отличались от русских людей не только одеждой, но и жизненным укладом, привычками, бытом. Приказные люди нередко бывали в Немецкой слободе по служебным делам или в качестве участников многочисленных пирушек. В 1680-е гг. в веселых застольях ее обитателей участвовали и представители родовой знати. В их числе кн. Борис Алексеевич Голицын, ближайший сподвижник царя Петра. С конца 1690 г. постоянным посетителем Немецкой слободы стал и 18-летний Петр [8, с. 113].

Отношение к распространению европейских «новизн» в повседневной жизни менялось и на правительственном уровне. Наглядное представление об этих изменениях дают указы последней четверти XVII в., касавшиеся внешнего облика русских людей. Так, в 1675 г. по указу царя Алексея Михайловича запрещалось носить платье и стричь волосы «по иноземному обычаю». Указ именной и адресован кн. А.М.Кольцову-Масальскому. Повелевалось его «из стряпчих написать по жилецкому списку за то, что он на голове волосы у себя подстриг». Предписывалось этот указ объявить стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам, «чтоб они иноземских немецких и иных обычаев не перенимали», волос не подстригали и «платья, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, и людям своим носить не велели». Нарушителям грозила опала, они «из высших чинов написаны будут в низшие чины» [25, №607. 6 авг. 1675 г., с. 1007–1008]. Через пять лет царь Федор Алексеевич

Юный Петр и Лефорт. Кадр из фильма «Юность Петра» (1980 г.)

повелел боярам, окольными и всем служилым людям вместо старинной русской одежды носить кафтаны польского образца. По свидетельству современников, с нарушителей указа у ворот в Кремль караульные «сдирали» русскую одежду [37, с. 446]. Петр I вел беспощадную борьбу с бородами и русской одеждой. С 1700 г. предписывалось носить немецкое платье. С 1701 г. за ношение русской одежды и езду на русских седлах взималась пошлина: с пешего 13 алтын (45 коп.), а с конного – 2 рубля. За изготовление русской одежды и обуви мастерам обещали «жестокое наказание» [27, № 1741. 4 января 1700 г. и № 1887. 30 декабря 1701 г.]. С годами нарушителям царской воли грозили все более суровые наказания. В 1714 г. купцы, торговавшие в Петербурге русским платьем, были биты кнутом и сосланы на каторгу. Впредь изготовление, торговля и ношение русской одежды карались каторгой и конфискацией имущества. С 1715 г. такая участь ожидала и тех, кто изготавливал скобы и гвозди для подбивки обуви, и кто по традиции носил такую обувь [28, № 2874. 29 декабря 1714 г., № 2929. 1 сентября 1715 г.; подробно см.: 1, с. 153–173].

В 1670–1690-е гг. приказные служащие стремились во многом подражать иностранцам. Знакомство с жизнью обитателей Немецкой слободы, этой маленькой московской Европы, вызывало естественное жела-

ние и свой быт устроить по их образцу. Для удовлетворения возросших потребностей приказным людям денежного и поместного жалования не хватало; недостаток средств восполнялся за счет поборов с населения, взяток и обворовывания казны.

Раскол в царской семье и его влияние на внутривластную обстановку в стране

Распространению злоупотреблений способствовало и ослабление административного порядка, вызванное расколом в царской семье. Он возник после женитьбы Алексея Михайловича в январе 1671 г. на Наталье Кирилловне Нарышкиной, родственнице и воспитаннице Артамона Сергеевича Матвеева. Новые родственники и люди из их окружения были приближены ко Двору, а Морозовы (родственники воспитателя царя), Милославские (родственники умершей царицы) и их сторонники под разными предлогами удалены из Москвы. Ключевую роль в правительстве, и не только в нем, стал играть окольничий, а затем боярин А.С.Матвеев. По оценке историков, тогда он «хозяйничал во дворце»; это было «время Артамона Матвеева» [36, с. 178; 14, с. 483–503].

После смерти Алексея Михайловича борьба Милославских и Нарышкиных у престола переросла в битву за престол. У противоборствующих сторон были сторонники и противники в структурах власти, что раскалывало правящий класс, оказывало негативное воздействие на управление. Вступление на престол болезненного Федора Алексеевича (сына покойного царя от первого брака) на время сняло остроту династического кризиса, но не разрешило его.

При царе Федора расстановка сил при Дворе изменилась в пользу Милославских, а Нарышкины и их приближенные, включая боярина Матвеева, были отправлены в ссылку. Молодой царь, не достигший 15-летнего возраста, нуждался в советниках. Вначале это был боярин Иван Михайлович Милославский (до 1679 г.), его сменили «худородные» И.М.Языков и братья Алексей и Михаил Лихачевы, сыгравшие решающую роль в разработке реформ 1680–1682 гг. [29, с. 348–398].

Царь Федор умер 27 апреля 1682 г. В тот же день в обход слабого здоровьем царевича Ивана царем был избран девятилетний Петр. Боярская дума утвердила его кандидатуру, выдвинутую вдовой Федора Алексеевича, царицей Марфой (крестницей А.С.Матвеева), и патриархом Иоакимом. Управлять государством при малолетнем сыне стала царица Наталья Кирилловна. Но ее регентство длилось 18 дней. 15 мая 1682 г. в Москве начался Стрелецкий бунт. За два дня в Кремле были убиты два

брата Натальи Кирилловны, многие вельможи и сторонники Нарышкиных, включая А.С.Матвеева. Убийство И.М.Языкова и думного дьяка А.С.Кириллова стрельцы объясняли их злоупотреблениями по службе. Глава Оружейного приказа Языков «налоги нам великие учинил и взятки великие имал». А дьяка Аверкия Кириллова убили за то, что он «со всяких чинов людей великие взятки имал и налоги народу и всякую неправду чинил» [36, с.261–265; 18, с.50–66; 10, с.37, 41]. Стрелецкое войско потребовало, чтобы царствовали оба брата и чтобы по молодости царей (Ивану было 15 лет) государством управляла царевна Софья [25, 1682 г. 26 мая. №920. С.398; 8, с.46; 18, с.50–66].

В 1682 г. в очередной раз изменился состав правительства. Главами многих приказов назначены сторонники Софьи, в том числе кн. Василий Васильевич Голицын, возглавивший Посольский приказ, и Федор Леонтьевич Шаковитый, глава Стрелецкого приказа. По свидетельству современников, деятельность этого правительства была успешной, что признавалось во многом заслугой кн. В.В.Голицына, человека умного и образованного. Высокую оценку давали и личным качествам царевны Софьи. Даже ее недоброжелатели признавали, что ученица Симеона Полоцкого была «великого ума и великий политик», что царевна «больше мужеска ума исполненная», и «ум ее тонок, пронизателен и искусен» [15, с.53; 32, с.126–127; 19, с.159. За семь лет регентства Софьи произошли заметные изменения во всех областях жизни государства. Было улучшено положение холопов, запрещены особо жестокие виды казни, началось повсеместное межевание земель. В специально построенном здании в 1687 г. открылось первое в России высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия. Важным событием стал переход в 1685 г. украинской православной церкви под власть Московской патриархии. Особой активностью отличалась внешняя политика. В 1684 г. подтверждены мирные соглашения с Швецией, заключен договор с Данией. В 1686 г. Россия присоединилась к антитурецкой коалиции европейских государств («Священной лиге») и заключила «вечный мир» с Польшей. По этому договору Киев и земли, отошедшие к Польше по Андрусовскому перемирию 1667 г., были возвращены «навечно» Москве [19, с.165–166; 9, с.413, 423–438 (примеч. 58; 18, с.140–258)]¹.

По мере взросления братьев-царей положение Софьи Алексеевны становилось все более шатким. Не надеясь на появление мужского потомства у царя Ивана (он женился в январе 1684 г., а первая из пяти дочерей

¹ В примечаниях к работе Богословского опубликованы части текста, исключенные автором при подготовке книги к изданию в 1920 г.

родилась только в апреле 1689 г.), Софья предприняла попытку упрочить собственную власть. В 1687 г. издан указ о внесении ее имени в царский титул [25, 1687 г. 8 января. № 1231. с. 846]. Факт нахождения на престоле двух и тем более трех самодержцев с трудом укладывался в мировосприятие русского человека, убежденного в том, что как на небесном, так и на земном престоле может быть только один царь. Попытка главы Стрелецкого приказа Шакловитого заручиться поддержкой стрельцов, чтобы помочь царевне Софье решить вопрос о власти, не увенчалась успехом.

Почти двадцатилетний период борьбы Милославских и Нарышкиных за престол закончился в 1689 г. победой Петра I. Указом 7 сентября 1689 г. имя Софьи исключено из царского титула, а она сама в том же месяце заточена в Новодевичий монастырь. Князя В.В.Голицына лишили боярства, вотчин, всего имущества и отправили с семьей в ссылку. Третий участник триумvirата окольничий Ф.Л.Шакловитый был казнен как «бунтовщик и изменник» [26, № 1347, 1348, 1349, 7, 9 и 11 сентября 1689 г. с. 32–34].

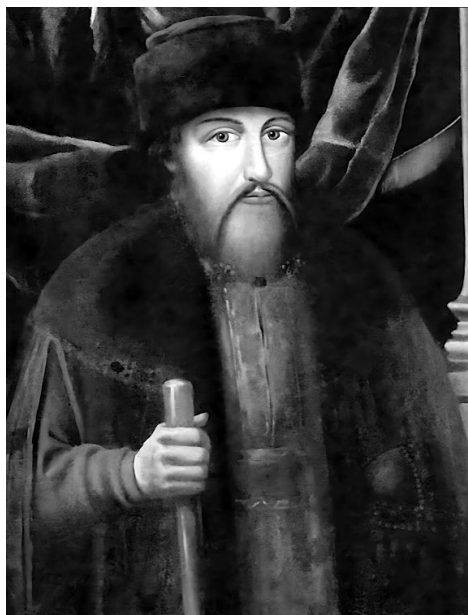
До кончины царя Ивана (в 1696 г.) на русском престоле оставались два самодержца, но Иван Алексеевич в дела не вмешивался; после переворота 1689 г. реальную власть получил младший царь.

Состояние управления в 1690-е гг.

При описании начала царствования Петра I историки отмечают его заслуги в создании новой армии и флота, но, как правило, не касаются области государственного управления [36, с. 425–506; 23, с. 8–63, и др.]. Одержав победу над Софьей, 17-летний Петр делами управления не занимался, у него для этого не было ни желания, ни опыта. По оценке С.М.Соловьева, «семнадцатилетний Петр был еще не способен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого человека на уме были потехи, великий человек объявился после...» [36, с. 453].

В 1690-е гг. всем ведали царица Наталья Кирилловна (до своей кончины в 1694 г.), ее родственники (прежде всего, брат Лев Нарышкин) и близкие к ним люди: Т.Н.Стрешнев, П.В.Шереметев, кн. Б.А.Голицын, Г.И.Головкин и др. После 1689 г. существенно изменился не только состав правительства, но и состав Думы. Если в 1678 г. в Думе состояло 98 членов, то к 1692 г. их число достигло 182. Новые правители рассчи-

тывались со своими сторонниками думными чинами. По оценке одного из сподвижников Петра, дипломата кн. Бориса Ивановича Куракина, правление царицы Натальи Кирилловны было «весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидное». В то время «все дела происходили с великими взятками»; тогда «началось неправо правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донныне продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно» [15, с.64, 74].

Портрет боярина Т.Н.Стрешнева

При жизни матери царь Петр в дела управления не вмешивался. Его царские обязанности сводились к участию с царем Иваном в церковных и дворцовых торжествах. Остальное время молодой царь посвящал военным упражнениям, сражениям потешных полков, веселым пирушкам и «всешутейским» соборам. Поведение царя вызывало недовольство москвичей. «Народ роптал, что царь убежал из дворца, из Кремля, из Москвы, пренебрегает обязанностями семейными, проводит время в потехах, привязался к иностранцам, не радит о делах правительственных, и бояре ближние делают что хотят» [36, с. 524–525].

После кончины царицы Натальи Кирилловны состав правительства в очередной раз изменился. Боярин Л. К. Нарышкин (дядя Петра) был отставлен от всех дел, а Посольский приказ возглавил Ф. А. Головин. Но основное правление по-прежнему находилось в руках боярина Тихона Никитича Стрешнева. По оценке историка М. М. Богословского, деятельность этого правительства нельзя признать успешной. «Правление кабинета посредственностей продолжалось лет десять (1689–1699) и не ознаменовалось решительно ничем выдающимся. По широте своей политики оно много уступало правлению Софьи и В. В. Голицына...» [8, с. 442 (прим. 127)]. Однако следует признать, что правительство второй половины 1690-х гг. проводило более активную политику по противодействию злоупотреблениям администрации, получившим к тому времени широкое распространение, особенно в Сибири.

Злоупотребления администрации в 1680–1690-е гг. Новые явления

В 1680–1690-е годы в связи с шатким положением правительства царевны Софьи и практическим безвластием во время регентства царицы Натальи Кирилловны участие верховной власти в делах управления заметно сократилось. В таких условиях власть глав приказов возросла, а контроль за их деятельностью ослабел. Неудивительно, что в конце XVII в. крестное целование (с обещанием «не брать посулов» и «не красть казну») нарушали даже высокие начальники. Так, в 1695 г. по обвинению в хищении из казны Разрядного приказа 12 100 наградных золотых монет на сумму в 7 428 рублей под следствием оказались думный дьяк, дьяк и подъячий этого приказа. Наградные монеты предназначались для раздачи ратным людям за Крымский поход. В ходе следствия выяснилось, что был еще один участник хищения монет – глава приказа боярин Т. Н. Стрешнев. В расспросе подъячий сказал, «что он те золотые монеты носил на двор к боярину Тихону Никитичу Стрешневу, к жене его, к боярыне Катерине Богдановне, а выписку закреплял думный дьяк Перфилий Федорович Оловянников». Однако боярин Стрешнев по этому делу не проходил, тогда как остальные участники понесли суровое наказание. Подъячего били кнутом, записали в стрельцы и сослали с семьей «на вечное житье». Дьяка также били кнутом, но права на занятие должности не лишили; в 1697–1700 гг. он служил дьяком в Ярославле. Думного дьяка лишили чина (в том же году он умер). У всех троих конфисковали все имущество [12, с. 277; 11, с. 49, 408, 601].

Не отличался бескорыстием и думный дяк Посольского приказа (при боярине Л. К. Нарышкине фактически глава приказа) Емельян Игнатьевич Украинцев. В 1689 г. французский дипломат Невилль писал, что Украинцев «очень корыстен и гребет обеими руками». За 100 дукатов он обещал Невиллю ускорить его отъезд из России. В 1691 г. думный дяк получил взятку в 100 рублей от посадских людей Калуги, приехавших в Москву для решения мирских дел. В 1695 г. за 200 золотых он отпустил подследственного, которому грозило суровое наказание [12, с. 280; 19, с. 128–129].

В те годы среди служащих центральных учреждений (чаще всего подьячих) широкое распространение получил такой вид должностных преступлений, как подделка документов, так называемый «выскреб», когда удаленный текст заменялся другим, часто противоположным по содержанию. Виновных обычно били кнутом перед приказами. В 1690-е гг. за такие преступления служащих ожидали более суровые наказания: пытки, батоги и ссылка. В 1693 г. «за выскреб в деле» подвергли пытке и сослали Леонтия Кривцова; в том же году под пытками оказался дяк Ив. Шапкин [12, с. 266, 268, 270, 271]. В 1700 г. проводилось следствие о злоупотреблениях подьячего Сибирского приказа Ивана Богданова. Дело началось в связи с неточностями в составленном им докладе о злоупотреблениях воеводы города Мангазеи: из документа исчезли пункты, обличающие воеводу, и появились те, которые позволяли его оправдать. «Выскребы» и исправления обнаружились и в других документах. Выяснилось также, что подьячий воровал казенные деньги и товары (соболей), чем нанес казне значительный ущерб. За эти преступления его приговорили к смертной казни, но затем заменили ее торговой казнью (бить кнутом по торгам) и ссылкой в Азов на каторгу «до смерти». О богатстве московских подьячих можно судить по росписи имущества Ив. Богданова в его московской усадьбе с каменными хоромами, построенными на неправедные доходы. Кроме дома в Москве, он владел вотчиной (четыре двора) в Рузском уезде [20, с. 319–320; 11, с. 76].

Многочисленные злоупотребления, прежде всего казнокрадство, допускали чиновники, имевшие отношение к любимому занятию царя Петра – кораблестроению. Московские чиновники брали взятки с тех, кто, получив назначение ехать в Воронеж к корабельному делу, пытался откупиться от такой службы. В 1699 г. за взятку в 20 рублей и бочку вина сурово наказали и лихоимца, и лиходателя: вместо кнута их били плетью в Преображенском приказе. Служба в далеком Воронеже давала больше возможностей для обогащения. Слабый надзор за расходом

Воронеж XVIII века, строительство кораблей

значительных средств, выделяемых на строительство судов, благоприятствовал распространению казнокрадства и прочих злоупотреблений. В 1699 г. под следствием оказался главный «адмиралтеец» А.П.Протасьев. Он брал взятки с городов, приписанных к Воронежскому адмиралтейству, продавал доходные места за большие деньги и заключал сделки на невыгодных для казны условиях. Фигуранта дела допрашивал сам Петр, который приехал в Воронеж, чтобы на месте разобраться в ситуации с постройкой судов. Выяснилось, что Протасьев успел собрать несправедным путем 37 тысяч рублей, из них почти 18 тысяч от продажи должностей. Он во всем повинился и, вернувшись в Москву, вскоре умер «от печали и стыда» [12, с.311, 315; 31, с.87–88].

Доходы чиновников от челобитчиковых дел

Для получения несправедных доходов служащим московских приказов не обязательно было ехать в Воронеж. Источником значительной части их доходов по-прежнему оставались дела челобитчиков. Представление о том, как решались тогда дела в приказах, дают письма калужскому земскому старосте от посадских людей Калуги, посланных в Москву для решения мирских дел. Сохранились 32 письма, написанных с 5 сентября

1690 г. по 2 февраля 1691 г. [33, № 102, с. 325–349]. Хождение по приказам обходилось недешево. Уже в письме от 19 сентября ходоки по приказам просили земского старосту прислать деньги на мирские расходы, в том числе 100 рублей для взятки думному дьяку Е.И. Украинцеву, «чтобы какого порока не было в тех выписках». Эта просьба повторяется во многих письмах. Укоряют старосту, что денег не присылает и мирские дела останавливает, так как без денег они не решаются. «Разве милости нам ни в ком не искать?» В начале декабря торопят старосту с доставкой почести для служащих приказов. Просят к Рождеству прислать меду, масла, рыжиков и рыбы, так как «рыба на Москве вельми дорога, и той нет» [33, с. 337–339]. На Рождество посланцы Калуги носили мед и масло боярам. Л.К. Нарышкин (дядя Петра) и Ф.А. Лопухин (тесть Петра) «милость явили» и почесть приняли, а Т.Н. Стрешнев («дядька» Петра) ее не принял. Выяснилось, что по просьбе Г.И. Головкина (любимца Петра) он поддерживал их противников. 20 пудов меда отвезли Украинцеву, но тот рассчитывал на почесть в 100 пудов. Не лучшим образом вели себя и приказные дьяки. «На нас пеняют и дьяки все, что де праздничного меду к нам не прислали много». Особенно «злые» были дьяки Посольского приказа, которые в отличие от прошлых лет вовсе не получили от калужан годовую почесть медом.

Неизвестно, сколько еще месяцев находились в Москве посланцы Калуги, сколько денег и почестей было «несено» судьям и приказным людям, и чем закончились дела посадских людей. В последнем сохранившемся письме от 2-го февраля 1691 г. земскому старосте Калуги сообщалось, что думный дьяк об их делах еще не докладывал [33, с. 348–349]. Хождение калужан по приказам и отношение московских властей к их делам дают наглядное представление о состоянии правосудия в конце XVII в.

В сложившихся к тому времени условиях исход дела зависел не от действующих законов и даже не от посулов, а от близости к царю лиц, принимавших решение.

Безнаказанность местных правителей

Главы приказов не только сами допускали злоупотребления, брали посулы и принимали в «почесть» мед и масло, но нередко покрывали должностные преступления городских воевод. Покровительство влиятельных особ внушало местным правителям уверенность в собственной безнаказанности. Наглядной иллюстрацией может служить сыск 1696 г.

по делу воеводы Данкова² Назария Ивановича Темирязева. На него жаловались в Разрядный приказ бояре А.С.Шеин и Б.П.Шереметев за задержку в поставке подвод для Азовского похода и высылке ратных людей. В ходе следствия выяснилось, что воевода из всех этих дел извлекал личную выгоду. За каждую невзятую подводу (следовало брать по 2–3 подводы со двора) он требовал по гривне, а за непосылку на строительство судов – по рублю с человека. Кроме того, Темирязов разорял население поборами, брал взятки, присваивал поместные земли в Данковском уезде, «муча» и «держа в тюрьме» или «держа на цепи многое время» их владельцев. Такое «бесстрашие» воеводы объяснялось его близостью к дворцовой и приказной знати. Представление о связях Темирязева с администрацией Разрядного и Поместного приказов дают письма к нему, случайно обнаруженные караульным в приказной избе Данкова [39]. Авторы писем призывали воеводу вести себя «смирно», так как по сравнению со временем царицы Натальи Кирилловны условия жизни в стране заметно изменились. О злоупотреблениях данковского воеводы в Разрядном приказе знали. Но воевода имел влиятельного покровителя: дьяк этого приказа Степан Яковлевич Ступин был его дядей.

Подьячий Разрядного приказа «Лукашка» Толмачев писал воеводе о поступавших на него жалобах и реакции на них руководства приказа. В одном из писем подьячий сообщил воеводе о присланных в Разряд сказках уездных людей, «с кого ты что брал». Автор письма предупредил адресата, что с этими сказками в Данков послан подьячий средней статьи, «а велено ему про тебя там разыскивать» [39, с.37]. Несмотря на многочисленные злоупотребления данковского воеводы, близкие к нему чиновники Разряда всеми силами старались ему помочь. Активные действия в этом направлении предпринимал дьяк Ступин, что вызывало недовольство главы Разрядного приказа. «Боярин Тихон Никитич вельми кручинится на дядю Степана Яковлевича, а он у него упрасивает, чтобы тебе быть воеводой до году» [39, с.38–39].

Усилия покровителей не были напрасными. В августе 1696 г. данковский воевода выступил в Разряде, где отрицал свою вину и был оправдан. Во время следствия должность воеводы исполнял его отец. В апреле 1697 г. «Назарий по-прежнему в Данкове стольником и воеводой» [39, с.33]. Как долго продолжалось его воеводство – неизвестно.

В меньшей степени повезло покровителю Темирязева дьяку Ступину. В 1699 г. «за воровство» он попал под суд, бит плетью, затем кнутом и сослан с семьей в Азов «на вечное житье». (В 1700 г. он постригся

² В XVIII–XIX вв. уездный город Рязанской губернии.

в монахи и вскоре умер). Его имущество, поместья и вотчины (в том числе из приданого жены) «отписаны на государя». Деревни дьяка и двор с каменными палатами пожалованы знаменитому прибыльщику Алексею Курбатову [12, с.311–312; 11, с.543].

Сыск по делу данковского воеводы, а главное – его результаты позволяют в очередной раз заключить, что в 1690-е гг. в судебной практике покровительство влиятельных персон имело большее значение, чем нормы закона.

«Кормление» местной администрации населением

Не исчезло из русской жизни конца XVII в. и такое явление, как «кормление» воевод. Напротив, к концу века «кормление» получило четкое

оформление, не предусмотренное законом, но выработанное житейской практикой. В этом отношении показательны записи в «издержечных книгах» земского старосты Тотьмы за 1691–1692 гг. [13]. В расходных книгах староста отмечал не только стоимость продуктов, но и у кого они были куплены, и кто из целовальников их покупал и носил на воеводский двор. Выборные люди ежедневно поставляли воеводе не только съестные припасы, но и предметы обихода (метлы, веники, лохани, деготь и пр.). Из мирских средств староста оплачивал труд тех, кто работал на воеводу: варил пиво, носил воду, выполнял кузнечные и другие работы, стерег в поле воеводских лошадей. По приглашению воеводы целовальники ходили к нему «хлеб есть», одаривая деньгами за эту честь всех членов семьи и дворовых людей воеводы. Так, 27 декабря 1691 г. обед у воеводы обошелся мирским людям Тотьмы в 44 алтына (1 р. 32 к.). По нашим подсчетам мирские расходы на кормление воеводы Кошелева составляли в день в среднем 1 р. 12 к., т.е. 33 р. 60 к. в месяц и свыше 400 рублей в год. С новым воеводой посадские люди Тотьмы заключили договор, по которому ему выплачивали «кормовые деньги» по 19 рублей в месяц, а съестные припасы носили только в церковные праздники и именины членов царской семьи. За пять месяцев (с апреля по август) на воеводский двор «несено» припасов 42 раза. Порой эти приносы обходились мирской казне недешево. Так, 30 июня 1692 г. «воеводе на разговление» куплено: бык за 4 руб., баран за 8 а³, масло коровье (пуд) за 26 а. 4 д., сыр за 5 а., яйца за 2 а. (в общей сложности на 5 р. 25 к.) [13, с.32]. Кроме того, целовальники по приглашению воеводы у него 10 раз «хлеб

³ Алтын равен 3 копейкам, а деньга – ½ копейки.

ели» и каждый раз носили обитателям воеводского двора в «бумажке» по рублю и более рубля.

Отношения, сложившиеся к концу XVII в. между населением и местными правителями, по традиции называли «кормлением». Между тем оно в корне отличалось от кормления первой половины XVI в., когда размер «кормов» наместников и волостелей определяло правительство Уставными грамотами. Заменяв корма денежным жалованьем, правительство пыталось запретить их получение. В конечном итоге верховная власть смирилась с существованием кормления, а к концу XVII в. в отношениях населения с местной администрацией она оказалась лишним звеном.

Злоупотребления сибирской администрации

В последней четверти XVII в., особенно после смерти царя Федора Алексеевича, московское правительство, вовлеченное в дворцовые интриги, уделяло меньше внимания сибирским делам. Ослабление контроля со стороны центральных властей способствовало распространению злоупотреблений сибирских правителей. Так, только в Якутском уезде за шесть лет (1685–1690) сборщики ясака украли «500 сороков соболей, 20 тысяч лисиц, 2 тысячи рогатого скота и лошадей». Якутские воеводы разоряли население большими поборами; обогащались за счет купцов, торговавших с Китаем и Монголией [2, с. 186–187]. Важными источниками несправедливых доходов сибирской администрации служили незаконная торговля вином, создававшая серьезную конкуренцию казенной винной торговле, и воровство ценной пушнины (соболей, чернобурых лисиц и проч.). Представление об уловках, к каким прибегали воеводы при расхищении государственной казны, дает указ от 24 апреля 1695 г. «Забыв крестное целование и презря жестокие указы», они от винной торговли «многую корысть себе чинят, а на кружечных дворах государева вина в продажу записывают малое число; в год инде по 20 и по 10, а инде написано в продаже всего одно ведро, а в иной год ни одного ведра продать не дали». Кроме того, воеводы «за великие взятки и посулы» отпускали служилых людей для сбора ясака, при этом лучших соболей брали себе, а «худых» отдавали в государеву казну; тем «в малые годы великие богатства наживали» [26, № 1511. 24 апреля 1695 г.]. Для предотвращения казнокрадства правительство ввело суровые наказания. За воровство и «умаление» казны, за самовластные действия в отношении русских и ясачных людей воеводам грозила смертная казнь и кон-

фискация имущества, дворов и вотчин [26, №1526. 26 декабря 1695 г.; 36, с. 572–573]. В 1696 г. выяснилось, что сибирские воеводы часто нарушали утвержденный порядок передачи дел преемнику с росписью казенного имущества. «Ведомо нам учинилось, что сибирские воеводы уезжают из городов к Москве самовольством, не дождавшись на перемену нового воеводу, не дав во всем отчета, без государева указа. <...>. Впредь за такое ослушание брать с воевод в казну пени 400 рублей с человека» [4, с. 466. №255. 1696 г. 9 сент.]. Большими штрафами правительство стремилось сохранить порядок, позволявший центральной власти контролировать деятельность местных правителей. В том же 1696 г. воеводам было запрещено привозить с собой знакомых и определять их к делам, так как от них «чинилась нашим делам поруха, а людям обиды и тягость» [4, с. 466. №256. 1696 г. 17 ноября].

Однако для наведения порядка в сибирских делах эти меры оказались недостаточными. В 1697 г. правительство обратило особое внимание на повсеместное казнокрадство сибирской администрации: хищение ценной пушнины и вывоз ее торговыми людьми за границу. В 1697 г. повелевалось у торговых людей отобрать в казну соболей и чернобурых лисиц, запретить свободную их продажу и вывоз из Сибири в русские города и за границу. Введение этих ограничений объяснялось сокращением поступлений пушнины в казну из всех сибирских городов. Соболиная казна «многую воеводскою вымышленною корыстью, перед прошлыми годами гораздо учала малиться». Воеводы писали в Москву «ложно», что «промыслы были худы» и ясачные люди разбежались. В то же время в русских городах у торговых людей «явились многие соболи», а воеводы посылали соболей в Москву и за границу для продажи «и тем себя чрезмерно богатели». За нарушение указа предписывалось отбирать соболей в казну «безденежно», а при вторичном его нарушении конфисковать имущество. Покупать соболей можно было только в Сибирском приказе [4, с. 470–472. №260. 1697 г. февраля 16 и марта 11]. В развитие этой меры в октябре 1697 г. принят указ, запрещавший всем служилым людям Сибири, их женам и детям носить дорогую одежду, так как они «те богатства себе наживают» за счет казны или грабежа населения [26, №1598. 28 октября 1697 г.; 36, с. 572–573].

В 1690-е гг. обычным явлением стала поставка казне пушнины низкого качества по завышенной оценке, причем разница в оценке ее стоимости сибирскими и московскими ценовщиками была значительной. Так, в 1697 г. в Якутске соболиную казну оценили в 14 272 руб., а в Москве – в 10961, т.е. разница составила 3311 руб. В Нерчинске ее стоимость завы-

сили на 4 171 руб. (13 933 против московской оценки в 9 762 руб.). Разницу в цене велено взыскать с якутского воеводы Михаила Арсеньева и его сына, а в Нерчинске – с выборных людей, ценивших казну, так как «казна худа, а оценена дорого» [4, с. 474 №262. 1697 г. Март 19].

От злоупотреблений воевод неслышны убытки казна: «во всех доходах умаление многое, уценки казны в Москве великие, чего раньше не бывало» [4, с. 475–476. №262. 1697 г. Март 20]. От их лихоимства страдало и население, которому воеводы «чинили разорения и грабительства». В этом отношении особенно выделялись иркутские воеводы кн. Иван Гагарин и Афанасий Савелов, и нерчинские – кн. Матвей Гагарин и Антон Савелов. В связи с сокращением государственных доходов и многочисленными злоупотреблениями по управлению Сибирским краем в 1697 г. принято решение о проведении ревизии администрации всех городов Сибири. Проводить ревизию («про воеводские всякие неправые дела ссыкивать») посланы из Москвы думный дяк Данила Полянский и дяк Данила Берестов. Сыщикам предписывалось расследовать деятельность воевод, подозреваемых в казнокрадстве и прочих злоупотреблениях, начиная с 1682 г. [4, с. 475–476. №262. 1697 г. Март 20], т. е. за время регентства царевны Софьи Алексеевны и царицы Натальи Кирилловны. Под следствием оказались воеводы Енисейска, Иркутска, Красноярска, Мангазеи, Нерчинска, Сургута, Якутска, а также таможенные головы, целовальники, сборщики ясака, служилые и приказные люди многих уездов [5, с. 178]. Одновременно с большим сыском Полянского проводились другие следственные дела. В результате был собран огромный материал о злоупотреблениях администрации Сибири. О масштабах этих злоупотреблений можно судить по денежным суммам, получаемых якутскими воеводами от приказных людей. «Роспись» этих доходов составлена в 1699 г. под колоритным названием: «От чего прежним воеводам в Якутске было прокормление от приказных людей в острожках и зимовьях в 1696–1698 гг.». За три года якутские воеводы «на прокормление» только по этой статье получили 16 975 рубля неправедных доходов [21, с. 133].

Несмотря на наличие неопровержимых доказательств о виновности многих подследственных воевод, большинство из них избежали заслуженного наказания. Не повезло только нерчинскому воеводе стольнику Антону Савелову. 24 марта 1700 г. он бит кнутом на торговой площади в Енисейске, затем в кандалах отправлен в Якутск «в казачью службу». Из описанного у него имущества роздано челобитчикам на 1 669 рублей 27 алтын 2 деньги [20, с. 172; 21, с. 183].

Чарка, выточенная собственноручно Петром I из орехового капа в 1709 г.
и подаренная им М.П.Гагарину, который заказал для нее оправу

Такой исход большого сибирского сыска вызвал недовольство царя Петра, который настаивал на ускорении следствия и применении чрезвычайных мер [5, с. 178–179]. Спасти многих лихоимцев от сурового наказания сумел (небескорыстно) глава Сибирского приказа думный дьяк А.А.Виниус. Не случайно нерчинский воевода кн. Матвей Гагарин называл его своим «милостивцем». Вскоре после окончания сыска Виниус был смещен с должности судьи Сибирского приказа. Поводом отставки стал донос царю кн. А.Д.Меншикова на Виниуса, что тот предлагал ему взятку в 10000 руб. [22, с. 29–30; 3, с. 32]. Тем не менее Виниус не утратил доверия царя: выполнял его поручения по переводу технической литературы, а в конце жизни (умер в 1716 г.) пожалован в думные дворяне [11, с. 113]. Результаты большого сыска не сказались и на дальнейшей карьере бывшего подследственного кн. Матвея Петровича Гагарина. Она хорошо известна. По результатам следствия вместе с братом Иваном они заплатили пеню в 13376 рублей. Уже в 1701 г. кн. М.Гагарин послан в Польшу, в последующие годы выполнял другие важные поручения царя. В 1706 г. он возглавил Сибирский приказ, в 1711 г. назначен губернатором Сибирской губернии, а в марте 1721 г. кн. М.П.Гагарин был повешен за много-

численные злоупотребления [2, с. 142–204; 3, с. 126–146]. Но это произошло уже в другую эпоху государственной жизни России.

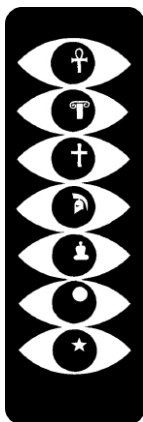
Существование огромного и малонаселенного Российского государства обеспечивала беспримерная централизация управления, выработанная приказной организацией. Раскол в царской семье привел к ослаблению контроля верховной власти за деятельностью администрации и усилению властных полномочий глав центральных учреждений. Нестабильность верховной власти, постоянные изменения в составе «ближних» людей и правительства, бесконтрольность центральных структур – все это расшатывало служебную дисциплину, способствовало невиданному ранее распространению злоупотреблений на местах, особенно в Сибири. Стремление правящей элиты к быстрому обогащению посредством несправедливых доходов легло на подготовленную почву. Сближение Московского государства с Западной Европой внесло серьезные изменения в жизненные ориентиры правящей элиты, признавшей особой ценностью роскошь и комфорт. В сложившихся условиях злоупотребления совершались на всех уровнях власти, включая высший. В конце XVII в. в связи с огромными ассигнованиями на строительство судов широкое распространение получило казнокрадство. Не последнюю роль в распространении лихоимства играло снижение морально-нравственного уровня правящей элиты, пополнившейся после 1689 г. участниками военных игр и потех Петра I.

Библиографический список

1. Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой четверти XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сб. статей. СПб.: Европейский университет, 2013. С. 153–173.
2. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с.
3. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: организация и состав государственного аппарата. М; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.5. 1676–1700. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 539 с.

5. Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М. РОССПЭН, 2003. 478 с.
6. Богданов А.П. В тени великого Петра. М.: Армада, 1998. 327 с.
7. Богданов А.П. Царевна София и Петр. Драма Софии. М.: Вече, 2008. 368 с.
8. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. 436 с.
9. Богословский М.М. Российский XVIII век. Кн.1. М.: Интелвак, 2008. 536 с.
10. Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов / Сост. Н.Г.Савич. Отв.ред. В.И.Буганов. М.: Наука, 1976. 348 с.
11. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
12. Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С.259–358.
13. Книги издержечные тотемского земского старосты Андрея Выдрина 1691–1692 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Синодальная типография, 1908. Кн.4. Смесь. С.21–40.
14. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М.: Молодая гвардия, 2018. 650 с.
15. Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694. Соч. Б.И.Куракина // Архив кн. Куракиных. Т. 1. СПб.: Типография В.С.Балашева, 1890. С.29–78.
16. Лавров А.С. Регентство царевны Софии Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археографический центр, 1999. 300 с.
17. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1837. Ч. 16. С.327–394.
18. Наумов В.П. Царевна Софья. М.: Молодая гвардия, 2015. 367 с.
19. Невилль де ла Фуа. Записки о Московии. М.; Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. 304 с.
20. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и актов Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М.: Университетская типография, 1895. Кн.2. С. 1–422.
21. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и актов Сибирского приказа. (1592–1768 гг.). Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М.: Университетская типография, 1900. Кн.3. С. 1–394.
22. Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1981. 197 с.
23. Павленко Н.И. Петр I. М.: Молодая гвардия, 2000. 428 с.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.; Типография Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 (далее: ПСЗ-1).
25. ПСЗ-1. Т.2: 1676–1688. Там же. 974 с.
26. ПСЗ-1. Т.3: 1689–1699. Там же. 680 с.
27. ПСЗ-1. Т.4. 1700–1712. Там же. 881 с.
28. ПСЗ-1. Т.5: 1713–1719. Там же. 780 с.
29. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М.: Русское слово, 2000. 457 с.
30. Русский биографический словарь. Т.: Гааг–Гербель. М.: Типография Лисснера и Д.Совко, 1914. 494 с.
31. Русский биографический словарь. Т.: Притвиц–Рейс. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1910. 560 с.
32. Русский биографический словарь. Т.: Смеловский–Суворина. СПб.: Типография тов-ва «Общественная Польза», 1909. 608 с.
33. Сборник князя Хилкова. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1879. 612 с.
34. Соловьев С.М. Рецензия на книгу Н.Г.Устрялова «История царствования Петра Великого // Соловьев С.М. Сочинения. Кн.23. М.: Мысль, 2000. С.242–259.
35. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.VI. М.: Мысль, 1991. 671 с.
36. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.VII. М.: Мысль, 1991. 701 с.
37. Тихомиров М.Н. Записки приказных людей XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.XII. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С.442–457.
38. Хьюз Линдси. Царевна Софья. СПб.: ООО «Гранди», 2001. 416 с.
39. Частные грамотки к донковскому воеводе Назарию Ивановичу Темиряеву (конца XVII в.) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1912. Кн.1. Смесь. С.29–40.
40. Шамин С.М. Новые тенденции в изучении стрелецкого восстания 1682 г. // Российская история. 2024. №1. С.67–78. DOI: 10.31857/S2949124X24010066
41. Щербальский П.К. Правление царевны Софии. М.: Типография Т.Т.Волкова и Ком., 1856. 140 с.

**Сергей Костриков,
Ирина Щербакова**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**ОБ УЧРЕЖДЕНИИ
УЧЕБНОГО КОМИТЕТА
ПРИ УЧЕБНОМ ОТДЕЛЕ
МИНИСТЕРСТВА
ФИНАНСОВ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

УДК
378

Рассмотрено развитие отечественного коммерческого образования после принятия предложенного министром финансов С.Ю.Витте «Положения о коммерческих учебных заведениях» в 1896 г. Проведен анализ реализации заложенных в «Положении» предложений и рекомендаций через рассмотрение процесса организации Учебного Комитета, его состава, предмета деятельности и его конкретной работы. Даны характеристики членов Комитета, отмечена их высокая профессиональная квалификация, что обеспечивало объективный контроль за качеством обучения во вновь создаваемых коммерческих учебных заведениях разного уровня.

The article considers the development of domestic commercial education after the adoption of the "Regulations on Commercial Educational Institutions" proposed by the Minister of Finance S.Y. Witte in 1896. The analysis of the implementation of the proposals and recommendations contained in the "Regulations" is carried out through consideration of the process of organizing the Educational Committee, its composition, the subject of activity and its specific work. The characteristics of the Committee members are given, their high professional qualifications are noted, which ensured objective control over the quality of education in newly created commercial educational institutions of various levels.

Ключевые слова: Министерство Финансов Российской империи; Министерство народного просвещения; Учебный отдел Минфина при Департаменте торговли и мануфактур; Учебный Комитет; коммерческое образование; коммерческие учебные заведения; С.Ю.Витте.

Key words: Ministry of Finance of the Russian Empire; Ministry of Public Education; Educational Department of the Ministry of Finance under the Department of Trade and Manufactures; Educational Committee; commercial education; commercial educational institutions, S.Y.Witte.

E-mail: s.kostrikov@mail.ru; ikscherbakova@yandex.ru

В связи с развитием и совершенствованием системы образования в нашей стране, особую актуальность приобретает обращение к его истокам, к его истории. Коммерческое образование появилось с зарождением буржуазных отношений и активным развитием международной торговли. В Европе с ранних буржуазных времен уже существовали различного рода торговые школы, бухгалтерские курсы и узкопрофильные учебные учреждения, главным образом, частного характера [19, 20]. А в нашей стране систематическое коммерческое образование появляется в 1772 г., когда было создано первое Коммерческое училище в Москве. К этому времени происходит активное развитие промышленности и торговли, как за рубежом, так и в России. Екатерининское правительство разворачивает активную внешнеполитическую деятельность, способствует развитию мануфактурной промышленности, выходу традиционных товаров отечественного экспорта, особенно продуктов сельского хозяйства, на мировой рынок [3]. В связи с этим возросла потребность в квалифицированных специалистах в области промышленности, торговли, бухгалтерии и пр., на что, собственно, и была направлена деятельность коммерческих учебных заведений.

Российское коммерческое образование с момента своего появления отличалось от западного широтой и глубиной подготовки по общеобразовательным предметам в сочетании со специальными дисциплинами. Кроме того, со временем ему уделялось большое внимание со стороны предпринимательского класса, выделявшего на открытие коммерческих училищ немалые средства, а также и со стороны правительства. Например, первое коммерческое училище было взято под покровительство императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I, которая относилась к своим обязанностям отнюдь не формально [2]. А сами училища попадали в ведение государственных учреждений: четвертое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (более известное как Ведомство императрицы Марии Федоровны), Министерство государственных имуществ, Министерство земледелия, Министерство финансов. Минфин даже создал специальный Учебный отдел, который осуществлял заведование коммерческими, художественно-промышленными, мореходными (1900–1903), горнотехническими (с 1907) и прочими учебными заведениями, состоящими в ведении Министерства финансов (1900–1905). После выделения из Минфина Министерства Торговли и Промышленности (существовало с 1905 по 1917 гг.) Учебный отдел перешел в его ведение [3]. Основными источниками исследования послужили материалы, хранящиеся в Российском государственном ис-

торическом архиве (РГИА) в фонде Учебного отдела при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов императорской России (в дальнейшем – Учебный отдел Министерства торговли и промышленности)[1,2]. Большинство из них впервые вводятся в научный оборот. Также анализируются и используются результаты исследований отечественных историков по близкой тематике.

Если история коммерческого образования в нашей стране достаточно разработана, освещена и роль царского Министерства финансов в этой сфере [3, 4, 5, 6, 7], то деятельность учебных подразделений Минфина до сих пор изучена недостаточно [16, 17, 18, 19, 20]. Между тем в Российском государственном историческом архиве хранится комплекс документов, в котором содержатся богатые материалы по данному вопросу [1, 2]. В настоящей статье авторы рассматривают процесс формирования и работы Учебного Комитета при Учебном отделе Министерства финансов. Большинство рассмотренных архивных документов впервые вводятся в научный оборот.

В годы царствования императора Александра I коммерческое образование получило свое развитие. Появившееся в 1772 г. при совместных усилиях известного просветителя И.И.Бецкого и известного промышленника и благотворителя П.А.Демидова первое коммерческое училище при Воспитательном доме в Москве в 1799 г. было переведено в Петербург по инициативе его покровительницы императрицы Марии Федоровны, став С.-Петербургским коммерческим училищем, а с 1904 г. получило статус Императорского[12].

Однако московское купечество под руководством городского головы М.П.Губина создало в 1804 г. новое Московское Императорское коммерческое училище. В 1810 г. теоретиком бухгалтерского учета К.И.Арнольдом была основана Московская практическая академия коммерческих наук. В ряде гимназий в разных губерниях страны были открыты коммерческие классы, а в некоторых ввели специальные коммерческие дисциплины (например, политэкономия), которые вошли в гимназическую программу [13].

С воцарением императора Николая Павловича ситуация изменилась. Коммерческие дисциплины были исключены из гимназических курсов, а коммерческие гимназии превратились в обыкновенные. Это было связано с тенденцией того времени, когда некоторые преподаваемые в учебных заведениях предметы казались опасными для «нравственно-го воспитания» молодого поколения. Поэтому из гимназий исчезли все торгово-промышленные дисциплины. Сам император считал политэко-

номию и философию «вольнодумными» науками. Вполне понятно, что здесь свою роль сыграли события декабря 1825 г. Кроме того, император имел личный опыт изучения политэкономии, которую ему и его брату Великому Князю Константину преподавал известный отечественный академик-политэконом А.К.Шторх, о котором положительно отзывался в своем фундаментальном труде «Капитал» К.Маркс. Академик в своих лекциях доказал будущему императору, что труд свободных людей более эффективен, чем труд крепостных, что совпадало в тот период времени с мнениями декабристов [9].

В годы правления Николая I не было открыто новых коммерческих учебных заведений. Но император не запрещал уже существовавшие и даже посещал Московское коммерческое училище и имел в нем пять собственных стипендиатов [10]. Одновременно стали появляться реальные и ремесленные училища и классы, так как этого требовала развивающаяся экономика страны в связи с начавшимся у нас промышленным переворотом.

Лишь в 80-е годы XIX столетия в Москве по инициативе Московского биржевого общества было создано новое Александровское коммерческое училище, процесс организации которого занял целых пять лет – с 1880 по 1885 гг. [8]. Открытие новых учебных заведений в то время было прерогативой самого императора, что уже дело процесс довольно длительным. Александр II дал разрешение на открытие нового коммерческого училища, но трагически погиб от рук народовольцев в 1881 г., что, естественно, прервало на время все намеченные планы. Много времени ушло на согласования программ обучения между Министерством финансов, которому подчинялось училище, и Министерством народного просвещения, которое было не столь динамичным и готовым к нововведениям, как финансовое ведомство.

Александровское коммерческое училище стало последним из подобных учебных заведений, которое открывалось с такими трудностями. Экономическое развитие пореформенной России резко ускорилося. Развитие промышленности, внутренней и внешней торговли, банковско-финансовой сферы, железнодорожного транспорта, добывающих отраслей и т.д. потребовало большого числа квалифицированных кадров. Существовавшие к этому времени средние коммерческие училища, несмотря на высокий уровень подготовки своих выпускников, не могли обеспечить эти растущие потребности. Поэтому по инициативе министра финансов С.Ю.Витте в 1896 г. было принято правительственное «Положение о коммерческих учебных заведениях» [10]. На примере наиболее

передовых коммерческих училищ, были составлены рекомендации, которые вошли в Положение 1896 г. Нами в одной из работ было отмечено, что «оно позволило открыть дорогу распространению коммерческого образования вширь», облегчило процесс открытия новых коммерческих учебных заведений не только государственных, но и частных [10, с.55].

После принятия «Положения о коммерческом образовании», в котором были намечены основные направления работы в его расширении и продвижении, потребовалось создать специальные органы для контроля над этой деятельностью. Еще на стадии подготовки Положения, при оценке его проекта Государственным Советом было высказано мнение, что «при Департаменте Торговли и Мануфактур (Министерства финансов – авт.) имеет быть образованным в непродолжительном времени Учебный Комитет с участием в нем представителя от М-ва Народного просвещения по назначению М-ра Народного просвещения». Об этом сообщал в своем официальном письме министр финансов С.Ю.Витте в Министерство народного просвещения и просил его руководителя «не отказать уведомить», кого именно министр «изволит назначить в означенный Комитет представителем» от Министерства [1, Л. 1].

В подготовительных документах Министерства финансов по организации будущей деятельности Комитета указывалось, что в круг его компетенций войдет следующее:

«а) рассмотрение вопросов и предположений, до педагогической части относящихся, а также проектов уставов учебных заведений, программ преподавания и инструкций по учебной части;

б) выбор учебников и руководств по специальным предметам и обсуждение мер по изданию оных, а также выбор учебников и руководств по общеобразовательным предметам из числа одобренных Министерством Народного Просвещения и Духовным ведомством по принадлежности и в) вообще обсуждение вопросов, касающихся учебной части в учебных заведениях ведомства Министерства финансов» [2, Л. 15–15об.].

Поскольку после введения в действие Положения 1896 г. открывались широкие возможности для создания новых коммерческих учебных заведений без прежних сложностей, в том числе частными лицами и объединениями, неизбежно вставал вопрос о том, что процесс обучения в них не должен быть пущен на самотек и подлежал контролю со стороны курирующих его ведомств. Инициатор расширения коммерческого образования Министерство финансов Императорской России исходило из того, что вновь открываемые учебные заведения должны быть не формальны-

ми, а отвечать насущным потребностям государства и развитию экономики, учить по согласованным и утвержденным программам и по рекомендованной учебной литературе. Предполагалось также подготовить профессиональные кадры преподавателей посредством уже существовавших коммерческих учебных заведений, а кроме того из числа практиков, прошедших специальные курсы.

Для осуществления целей и задач Учебного Комитета нужно было подобрать соответствующие опытные кадры. В письме товарищу Министра финансов от Директора Департамента Торговли и Мануфактур Минфина, известного государственного деятеля и ученого-экономиста В. И. Ковалевского сообщается, что членами учрежденного Учебного Комитета назначаются: директор Гатчинской учительской семинарии Василий Алексеевич Воскресенский, выдающийся педагог, крупный специалист в области методики преподавания русского языка; Дей-

Владимир Иванович Ковалевский
(Фото из открытых источников)

ствительный Статский Советник Николай Христианович Вессель, известный русский педагог, основоположник направления профориентации, публицист; профессор политической экономии Императорского Петербургского университета Леонид Владимирович Ходский, педагог, видный экономист, специалист в области политэкономии и финансового права; преподаватель Петровского училища Петербургского купеческого общества Дмитрий Дмитриевич Морев, педагог, специалист в области политэкономии, истории торговли; инспектор Николаевского Сиротского института известный математик Василий Бернгардович Струве (с 1900 г. руководил Константиновским межевым институтом); Редактор журнала «Счетовод» и учредитель первого Бухгалтерского кабинета в Петербурге Адольф Маркович Вольф; Контр-Адмирал Александр Николаевич Страннолюбский, математик, известный педагог, один из ведущих поборников женского образования, преподавал на Бестужевских курсах [1, Л.9–9об.].

Семен Степанович Григорьев
(Фото из открытых источников)

Николай Иванович Тавилдаров
(Фото из открытых источников)

Председателем Учебного Комитета был назначен Главный инспектор по Учебной части Минфина Действительный Статский Советник Семен Степанович Григорьев, известный экономист, публицист, крупнейший специалист в области коммерческого образования [1, Л. 10.].

Необходимо отметить, что все назначения в Учебный Комитет утверждались главой Минфина С.Ю.Витте по представлению Директора Департамента торговли и мануфактур В.И.Ковалевского.

Отделение промышленных училищ Министерства народного просвещения в письме от 31 мая 1896 г. за подписью министра сообщает, что его представителем в Комитет он «назначает профессора С.-Петербургского технического института, члена Отделения Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения по техническому и профессиональному образованию Действительного Статского Советника Тавилдарова Николая Ивановича» [1, Л. 12–12об.]. Н.И.Тавилдаров был известным специалистом в области химической технологии, а также государственным и общественным деятелем. В 1906 г. был назначен директором Экспедиции заготовления государственных бумаг Министерства финансов.

Таким образом, первый состав Учебного Комитета состоял

из выдающихся представителей науки, педагогов и организаторов образовательной деятельности. Всей своей жизнью и деятельностью они доказали, что работа Комитета будет носить самый серьезный и профессиональный характер. Это в дальнейшем неоднократно было подтверждено.

Учебный Комитет официально начал свою работу с 10 июня 1896 г. и на 14 заседаниях (до ноября) рассмотрел проекты уставов: «Киевского коммерческого училища, Торговой школы Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Харькова, Торговых классов общества распространения коммерческого образования в С.-Петербурге, такого же в Киеве и [торговых классов] Файга в Одессе, частных курсов Смоликовской в Варшаве, Семирадской там же, в Варшаве, Натансона в Киеве, Ивашинцовой в С.-Петербурге, трехклассного коммерческого училища Мазинга в Москве, Лякуса в Варшаве, ... примерной программы трехклассной торговой школы, программы упомянутых курсов Смоликовской и составленный Департаментом Торговли и Мануфактур проспект правил для выдачи свидетельств на право преподавания специальных предметов в коммерческих учебных заведениях» [1, Л.20–20об.].

Работа Комитета с одной стороны показывает его загруженность и интенсивность, а с другой – темпы развития коммерческого образования в России после вступления в силу вышеуказанного Положения. Дальнейшие сведения о работе Комитета показывают, что если к 1896 г. коммерческие учебные заведения можно было пересчитать по пальцам, в 1901 г. их (только в ведении Минфина) было уже 123, в т. ч. 14 полноценных средних коммерческих училища и 109 торговых школ, коммерческих курсов и классов [2, Л.8].

Со временем состав Учебного Комитета менялся, что было связано с переходом его членов на другую работу или с их кончиной. Так, министр народного просвещения предложил сменить своего представителя в Учебном Комитете Н.И.Тавилдарова на преподавателя коммерческого отделения С.-Петербургского 1-го реального училища Статского Советника Колумбуса в связи с большой занятостью Тавилдарова в работе Министерства народного просвещения [1, Л.89–89об.]. В.Д.Ходский вышел из состава Комитета. Вместо него были назначены профессор С.-Петербургского университета Статский Советник И.А.Ивановский, специалист в области государственного права [1, Л.17] и чиновник особых поручений при Министерстве финансов Действительный Статский Советник Александр Григорьевич Неболсин (Небольсин), который был

известным специалистом в области профессионального образования, популяризатором науки [1, Л.25].

Вместо скончавшегося адмирала Страннолюбского был назначен генерал-майор по Адмиралтейству Н.П.Азбелев, астроном и литератор [1, Л.115]. Вместо скончавшегося В.А.Воскресенского в состав членов Комитета введен инспектор 6-й С.-Петербургской гимназии преподаватель русского языка и словесности Алексей Осипович Круглый [1, Л.59].

Поскольку в коммерческих учебных заведениях серьезно изучались иностранные языки, в Комитет назначили лектора немецкого языка и приват доцента по кафедре германо-романских языков Императорского С.-Петербургского университета коллежского советника Федора Александровича Брауна, известного филолога-германиста, в дальнейшем профессора, который в 1905 г. стал деканом в С.-Петербургском университете [2, Л.36] .

Учебный Комитет пополнялся также кадрами специалистов, которые проявили инициативу и желание способствовать его деятельности. Так профессор Станислав Иосафович Залесский (Станислав Иосифович Залесский, как указано в некоторых других документах) указал в своей докладной записке в Минфин В.И.Ковалевскому на то, что ряд специальных дисциплин в коммерческих учебных заведениях нуждается в укреплении и более серьезном отношении, обратив внимание на товароведение с учетом достижений в области прикладных наук. Он полагал, что товароведение из разряда факультативных дисциплин должна перейти в основные. Он связал это, в частности, с вопросами здравоохранения и гигиены. Сам С.И.Залесский был видным врачом, химиком- аналитиком, педагогом, специалистом в области фармацевтики, бальнеологии. Работал в Томском и Дерптском университетах, был ординарным профессором кафедры общей химии и аналитической химии в Петербургском женском медицинском институте [10]. С учетом своего педагогического опыта и научных заслуг он предложил свою кандидатуру в состав членов Учебного Комитета. На это руководство Учебного отдела отреагировало весьма оперативно и предложило включить профессора Залеского в состав его членов [1, Л.86, 87].

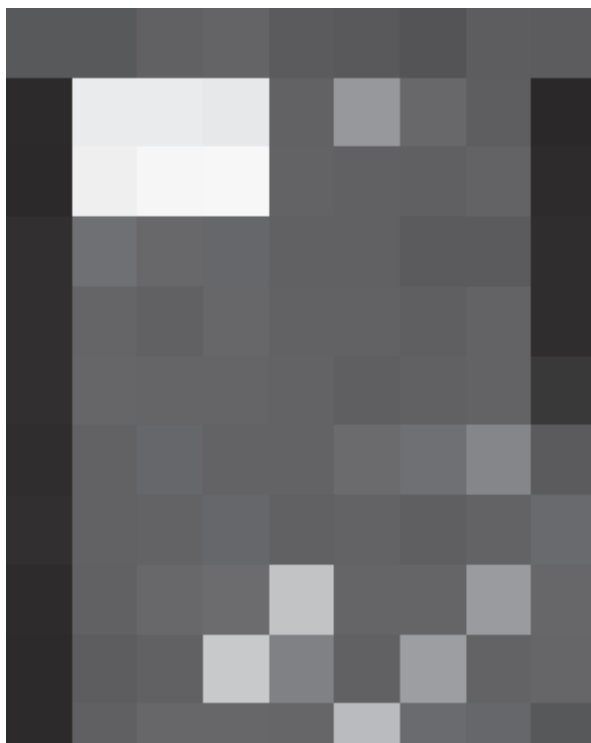
Новые члены Комитета также назначались из видных специалистов в области образования, педагогов, авторитетных ученых и общественных деятелей. Это гарантировало сохранение высоких требований к коммерческим учебным заведениям, как действующим, так и вновь создаваемым. Практика замены членов Комитета или включения новых в его состав продолжалась и дальше, в том числе и в тот период, когда

из Минфина выделилось Министерство промышленности и торговли, куда был переведен и Учебный отдел [14].

Благодаря в первую очередь деятельности своего председателя С.С.Григорьева, Учебный Комитет принял участие в организации и работе в июне 1901 г. первого съезда директоров и представителей попечительных советов коммерческих училищ, подведомственных Минфину. В январе 1902 г. прошел второй аналогичный съезд. Работа съездов освещалась С.С.Григорьевым в ежедневном издании Министерства финансов «Торгово-Промышленной Газете». На съездах обсуждались насущные проблемы коммерческого образования, его развития, совершенствования и продвижения.

* * *

Подводя итог исследованию процесса создания и деятельности Учебного Комитета при Учебном отделе Министерства финансов Российской

(Иллюстрация с сайта minfin.gov.ru)

империи, отметим следующее. Российское коммерческое образование с момента своего появления отличалось от западного широтой, глубиной и разнообразием подготовки по общеобразовательным предметам в сочетании со специальными дисциплинами и практическими занятиями. Российское купечество, как известно, формировалось в основном из крестьян, поэтому в отличие от западных предпринимателей-буржуа отличалось определенным консерватизмом и в массе своей не помышляло о политических изменениях. Оно, если судить, по наказам в Уложенную комиссию, учрежденную Екатериной Великой мечтало не об участии во власти, а о «выведении» его «из подлого сословия». Т.е. о получении некоторых привилегий по сравнению со своим прошлым крестьянским положением.

Реформатор российского образования И.И.Бецкой мечтал о создании просвещенного человека, который был бы полезен развитию государства в сущности по буржуазному пути развития по аналогии с ролью западного «третьего сословия». Именно с такими задачами задумывалось первое коммерческое училище в России. Однако этот первый опыт оказался неоднозначным. Екатерининская Уложенная комиссия была распущена, так и не дав просвещенческого выхода. По приходившим наказам и разгоревшимся спорам между собравшимися делегатами стало ясно, что собственного предпринимательского класса у нас еще не сложилось. А занимавшее его место российское купечество к подобным переменам не было готово ни идейно, ни организационно. Оно удовлетворялось теми привилегиями, которые им определила Екатерина II.

На учебу в первое коммерческое училище семьи купцов и мещан отдавали своих детей крайне неохотно, не понимая до конца пользы от получаемого образования. Тем более, что в соответствии с канонами просвещенческого идеала в училище помимо общеобразовательных и специальных предметов обучали пению, танцам, рисованию и даже фехтованию. Зато отсутствовал Закон Божий. Поэтому его первый выпуск насчитывал буквально единицы подготовленных специалистов. Но зато подготовленных очень хорошо. Практически все они были востребованы [10, 17].

Лишь к началу XIX столетия передовая часть российского купечества осознала пользу от коммерческого обучения как для своего дела, так и для получения качественного образования для своих детей. Поэтому многие купцы и их объединения жертвовали немалые средства на его развитие, на открытие новых коммерческих училищ.

Со стороны правительства, в частности – Министерства финансов, которое курировало большинство коммерческих учебных заведений, также был проявлен большой интерес к развитию и распространению коммерческого образования в России, поскольку это совпадало с теми либерально-экономическими настроениями, которые активно проявлялись в Минфине при большинстве министров, особенно в годы министерства С.Ю.Витте. Можно сказать, что русский просветитель И.И.Бецкой, учреждая первое коммерческое училище и иные новые для страны учебные заведения, мечтал о создании «просвещенного человека, укрепляющего государство своими ремеслами и искусствами» [9]. А С.Ю.Витте пытался в том числе и через коммерческое образование воспитать предпринимательский класс, осознающий свою роль в социально-экономическом и политическом развитии государства.

Учебный Комитет стал важным инструментом в развитии отечественного коммерческого образования, реализуя идеи Положения 1896 г. В его состав входили ведущие российские специалисты в области педагогики, развития профессионального образования, крупные ученые теоретики и практики, руководители и преподаватели высших и средних учебных заведений, видные общественные деятели, сотрудники Министерства финансов. Это обеспечивало высочайший уровень контроля над активно развивавшимися коммерческими учебными заведениями разного уровня. Благодаря его деятельности не только утверждались учебные программы и учебная литература для этих заведений, но и решались вопросы соответствия учебного процесса потребностям российской экономики.

Деятельность Учебного комитета отвечала насущным потребностям государства и экономики в конце XIX – начале XX веков. Его работа повлияла, способствовала организации съездов директоров и представителей попечительных советов коммерческих училищ, подведомственных Минфину, рассматривавших насущные проблемы развития, совершенствования и продвижения коммерческого образования в дальнейшем. Он продолжил свою деятельность и после 1906 г., когда из Министерства финансов выделилось Министерство торговли и промышленности, и к нему перешли под контроль все коммерческие учебные заведения, в том числе и возникшие в период Первой русской революции Высшие коммерческие курсы, первое высшее коммерческое учебное заведение в России.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф.25, Оп.5, Д.270.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф.25, Оп.5, Д.344.
3. Бессолицын А.А. Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Рос. акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М.: [ИРИ РАН], 2014. – 226 с.
4. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: В 2 т. – М: ТЕРРА – TERRA, 1997. Т.1. – 1997. – 350 с.
5. Воробьева Ю. Высшее коммерческое образование в России в начале XX века. – Московский журнал. – 1994. – №3. – С.8–10.
6. Григорьев С.С. Высшие коммерческие учебные заведения в Западной Европе. – СПб.: Тип. М-ва фин. В.Киршбаума, 1900.
7. Григорьев С.С. Коммерческое образование в России и его нужды. СПб.: Тип. М-ва фин. (В.Киршбаума), 1898.
8. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. – М.: Мысль, 1994. – 765 с.; Краткая история СССР. В 2-х частях. Часть первая. – Л.: Наука, 1972. – 440 с.
9. Костриков С.П. Становление управленческого образования в России. XVIII – начало XX вв. – М.: ГУУ, 2010. – 268 с.
10. Костриков С.П. Положение о коммерческих учебных заведениях 1896 г. // Власть. – 2009. – №7. – С.52–55.
11. Материалы по коммерческому образованию [Текст] / М-во финансов. Учеб. отд. Вып. I–IV. СПб.: тип. и лит. В.В.Колсарова, 1901–1905. Вып. 1. 1901. VIII, 163, III с.; Вып. 2. 1902. 695 с. разд. паг.: ил.; Вып. 3. 1905. VIII, 298 с., 7 л. ил.; Вып. 4: Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903/4 учебный год в учебных заведениях Министерства финансов. 1905. VII, 103 с.81.
12. Московское общество распространения коммерческого образования:1897–1907 / под ред. П.Н.Сакулина, при участии: А.С.Вишнякова, С.Н.Баторовского, С.С.Григорьева и др. – М.: Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1907.
13. Мартынов, С.Д.Государство и экономика [Текст]. Система Витте / С.Д.Мартынов. СПб.: Наука, 2002. 402, [3] с.: ил.
14. Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). – СПб.: Тип.М-ва фин. (В.Киршбаума), 1902. –673 с.
15. Образование в Москве. История и современность. – М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, Московские учебники, 2000. – 413 с.
16. Распространение образования среди торговых служащих: Доклады С.В.Курнина и С.С.Григорьева. – М.: Тип. М.Г.Волчанинова, 1897. – 53 с.

17. Разманова Н.А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX века). – М.: Изд-во Московской сельскохозяйственной академии, 2002. – 331 с.

18. Суоров С.Б. Государственная политика России в сфере образования [Текст] / под ред. В.М.Долгова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 55 с.

19. Тетенькина Е.В. Зарубежный опыт в процессе становления системы российского коммерческого образования (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – Выпуск 11 (80) 2021. – Том 1. DOI 10.35775/PSI.2021.80.11.016.

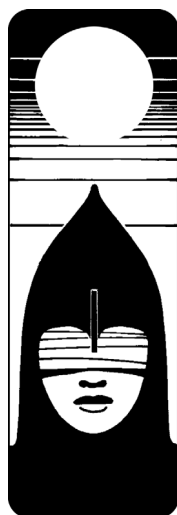
20. Фортунатов А.Ф. О высшем коммерческом образовании [Текст] / А.Фортунатов. [М.]: Типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и К0, [1906]. 23 с. Отг. из журн. «Вестник воспитания», 1906 г., №6, стр. 44–46.

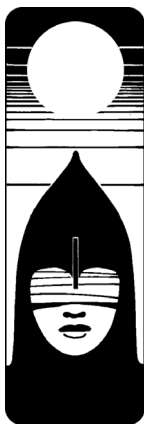
Всякий труд бесплоден,
когда нет любви.

Джебран Халиль Джебран

Если успеха достичь трудно,
нужно приложить больше
усилий.

Ричард Брэнсон

Любовь Лазарева
Валерий Журавлев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

**«ЭНЕРГИЯ МЕЧТЫ»:
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
КАК МЕХАНИЗМ
ВОСПИТАНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ
(СЕР. 1920-х – НАЧ. 1950-х гг.)**

УДК
93/94

Культурная политика, «транслировавшая» идеологию в массы, была одним из механизмов воспитания коммунистического отношения к труду. В этом процессе представляется важным этапом активное включение в литературное творчество самих рабочих. Анализ проекта программы ВКП(б) (1947 г.) выявляет, что стратегия строительства коммунистического общества связывалась лидерами партии с прорывом на передовые рубежи инновационных технологий. Реакция ЦК ВКП(б) на доклад К.М.Симонова на XIII Пленуме правления союза советских писателей демонстрирует корреляцию культурной политики со стратегией модернизации.

Cultural policy, which "transmitted" ideology to the masses, was one of the mechanisms for fostering a communist attitude to work. In this process, the active involvement of the workers themselves in literary work seems to be an important stage. An analysis of the draft program of the CPSU(b) (1947) reveals that the strategy of building a communist society was associated by the party leaders with a breakthrough to the forefront of innovative technologies. The reaction of the Central Committee of the CPSU(b) to K.M.Simonov's report at the XIII Plenum of the Board of the Union of Soviet Writers demonstrates the correlation of cultural policy with the modernization strategy.

Ключевые слова: культурная политика; созидательный труд; проект программы ВКП(б); советская литература; догоняющая модернизация.

Key words: cultural policy; creative work; draft program of the CPSU(b); Soviet literature; catching up modernization.

E-mail: laz_dom@mail.ru

Актуальность проблемы

В современной историографии заметен тренд на признание эффективности «сталинской» социально-экономической модели, успешно решившей мобилизационные задачи и обеспечившей победу в Великой Отечественной войне [6; 8; 15]. Вызовы современности актуализировали запрос на анализ сформировавшихся в середине 1920-х – начале 1950-х гг. управленческих механизмов. В этом контексте представляется важным рассмотреть советский опыт воспитания мировоззренческих ценностей в социуме – в т. ч. «коммунистического» отношения к труду, подразумевавшего созидание на благо общества. Тем более, что Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» категория «созидательный труд» включена в число важнейших нравственных ориентиров, передаваемых от поколения к поколению, которые государству необходимо поддерживать и охранять [19]. Представляется корректной оценка к. и. н., директора Российского Государственного Архива Литературы и Искусства (РГАЛИ) О. А. Шашковой: «...единственная сфера, связанная с работой "людей с людьми" – идеологическая, может считаться "полезным прошлым", поскольку воплощавшиеся в СССР методы пропаганды и агитации и сегодня впечатляют достигнутым результатом» [21, с. 116].

Исследовательская методология

Один из авторов данной статьи, В. В. Журавлев, разработал объяснительную модель особенностей отечественной модернизации. Причиной ее «лихорадочного пульса» ученый считает догоняющий тип развития: «В итоге на протяжении всего XX в. "верхи" брали на себя роль самовластных и самодостаточных "вершителей прогресса", традиционно придавая своей миссии сакральный, мессианский характер, но вполне рационально, взвешенно вводя модернизационные процессы в рамки, в наибольшей степени соответствующие потребностям сохранения и укрепления существующего политического режима, всевластия правящей страной бюрократии» [13, с. 11].

Своеобразие же *советской* модернизации дополнялось еще и тем, что многоукладный характер российской экономики выдвинул на авансцену борьбы с самодержавием разноликую когорту революционеров. В своей

массе это были представители интеллигенции, склонной «...выдавать свои часто умозрительные представления и убеждения за голос народа...» [13, с. 11–12].

Объяснительная модель В.В. Журавлева создает фундамент для глубокого понимания сложных и противоречивых процессов перехода от традиционного общества к индустриальному, реализованного на советском этапе отечественной истории в виде рывка «через тернии к звездам» – к тысячелетиями вожделенному обществу социальной справедливости. Как отмечает Валерий Васильевич, представления революционеров о цели и результате их борьбы – «царство справедливости и труда» – коррелировали с менталитетом нации, сформированным идеалами православия [13, с. 12]. Таким образом, именно специфика модернизации «по-советски» формировала концептуальную установку воспитания строителя общества социальной справедливости.

Основываясь на марксистской философии (рассматривавшей человека, как продукт материальных условий бытия и воспитания, сущностным отличием которого от животного является способность к труду), представители революционной мысли видели в созидательном труде способ самореализации индивида и связывали воспитание члена нового общества с социальным творчеством в процессе равного для всех участия в делах общества и государства [10]. «...Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу...» – объяснял В.И. Ленин на I съезде земледельческих коммун в декабре 1919 г. [11, с. 380–381].

**Культурная политика как механизм
повышения эффективности
форсированной индустриализации**

В обозначенных в заголовке хронологических рамках (сер. 1920-х – нач. 1950-х гг.) ленинская стратегия развития страны трансформирова-

лась в «сталинскую» социально-экономическую модель, цель которой постулировалась как построение в СССР коммунистического общества. Выступая на первом Всесоюзном совещании стахановцев, И.В. Сталин доходчиво объяснял трем тысячам делегатов, прибывших в Москву из разных уголков страны, что такое коммунизм: «...в коммунистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по той работе, которую он произвел, а по тем потребностям культурно развитого человека, которые у него имеются» [16, с. 533]. Причем, переход к распределению «по потребностям» ли-

дер ВКП(б) увязывал с необходимостью уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом (требовавшего подъема культурно-технического уровня рабочего класса) и обеспечением значительного роста производительности труда [16, с. 534]. Таким образом, установка на всестороннее развитие личности каждого члена общества и воспитание коммунистического отношения к труду «встраивалась» в форсированное наращивание темпов индустриального перехода. К тому же мир стремительно несся в пропасть надвигающейся катастрофы Второй мировой войны – это усиливало мобилизационную составляющую «сталинской» социально-экономической модели: «...Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. [...] Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!» [16, с. 362].

Совещание стахановцев; в президиуме Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Микоян

За 1927 г. число рабочих в крупной промышленности увеличилось на 118 тыс. человек, за 1930 г. – на 398, 3 тыс., за 1931 г. – на 1356,1 тыс. человек [7, с. 20]. Вчерашние крестьяне, «унесенные» вихрем «великого перелома» на стройки пятилетки, не обладали необходимым для индустриального производства уровнем квалификации и культуры труда. Руководители страны сделали ставку на социальное творчество масс: в их выступлениях рефреном звучал тезис – выполнение заданий пятилетки реально, но для этого требуется железная воля пролетариата, его

трудовой подвиг во имя социалистического Отечества. Д.ф.н. Л.А.Булавка-Бузгалина считает, что именно включенность в социальное творчество – сама логика этого процесса – сформировала у трудящихся масс потребность в знаниях, умениях и в культуре в целом [5, с. 111].

Представляется аргументированным утверждение к.э.н. А.В.Сафронова – советские общественные организации стали тем самым инструментом, который формировал у граждан модели поведения, обеспечившие индустриальный рывок в предельно короткие сроки [14, с. 160].

Культурная политика стала еще одним важнейшим механизмом, работавшим на эффективность советской модернизации. Установки на «коммунистическое» отношение к труду транслировал «эпос» индустриализации – серия «История фабрик и заводов», выходившая с 1932 по 1950-е гг. [4]. В фондах РГАЛИ отложились документы, наглядно демонстрирующие массовую «включенность» и энтузиазм писателей, композиторов, художников, сценаристов, артистов в пропаганду созидательного труда на благо общества [21, с. 117].

«Стахановцы» А.Дейнека, 1937 г.

Как раз на рубеже первой и второй пятилеток, почти в то же время, когда И.В.Сталин, выступая перед приглашенными в ЦК ВКП(б) руководителями хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба, директорами крупнейших промышленных предприятий и строек, требовал

сохранения высоких темпов индустриализации, один из идеологов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) А. А. Фадеев призывал на пленуме ее правления поставить в центр молодой советской литературы героев пятилетки [20, с. 3]. При этом он требовал не ограничиваться лишь публицистическим подходом к проблематике. Александр Александрович считал, что пролетарская литература приобретет мировой масштаб и будет интересна за рубежами Отечества лишь в том случае, если удастся раскрыть трансформацию внутреннего мира человека, вступившего в бригаду ударников, показать, как в его сознание проникает коллективизм, взаимопомощь, сознательная дисциплина: «люди, переделывая мир, переделывают и себя...» [20, с. 9]. Так, «агитируя без агитации», литература прославляла энтузиазм, приравнивала к подвигу трудовые достижения и формировала эталонный образ советского рабочего человека.

Но делали это не только профессиональные писатели – в мае 1931 г. в газете «Ленинградская правда» вышла статья А. М. Горького «Ударники – в литературу» [12] в поддержку широкой кампании, развернутой РАПП по организации литературных кружков на производстве. Классик советской литературы объяснял: «Очерков, написанных ударниками, – не мало. Всесоюзный Центральный Совет Профсоюзов издает их десятками, издал уже не менее сотни. Эти очерки – сырье, руда, но в ней содержится немало признаков высокой ценности, из этой руды можно извлечь кое-что драгоценное и глубоко поучительное. Сами ударники в большинстве, очевидно, не считают себя литераторами, хотя наличие способностей к этой работе у некоторых заметно» [12].

В конкретных исторических условиях советской индустриализации в творчестве литераторов «от станка», пожалуй, самым ценным было декларируемое ими отношение к труду – органичная связь их личного жизненного сценария с успехами своего предприятия и всего создающегося при их участии промышленного кластера. «Жизнь – разлив корпусной зари, / Будто мы в ней горим и плавимся. / Я сейчас говорю и давно говорил, / Что мне жизнь эта очень нравится» – написал молодой тульский рабочий из заводского литературного кружка [9, с. 26].

Пришедшие в литературу ударники воплощали в жизнь то, к чему призывал А. А. Фадеев – писали, как они сами менялись, изменяя мир. Причем, на основе собственного жизненного опыта: «...Приступили к раздаче премий. Кому сапоги, кому костюм. Один за другим шли ударники к сцене. – Круглов Иван! Премия за хорошую работу. Премия – костюм, – объявил председатель собрания. Оркестр играет туш. Зал по-

лон рукоплесканий. Иван спускается со сцены с мыслью: не так важен костюм, как важно то, что я выполнил свой долг перед государством, перед пославшим меня колхозом и перед самим собой» [9, с.30–31].

Безусловно, приобщение трудящихся к литературному творчеству умело использовалась в целях пропаганды: «...Именно та часть человечества, для которой в прошлом каждый шаг к общественно-культурной жизни был неизмеримо труден, люди, которые не допускались близко к культуре, именно эти люди, совершив пролетарскую революцию, овладевают вершинами знаний, берут в руки литературное дело, выдвигая такое количество талантов, о котором в прошлом нельзя было и мечтать» [20, с.19].

Современники связывали «призыв ударников в литературу» со стратегией строительства вожаемого коммунистического общества, считая, что таким образом происходит сокращение пропасти между физическим и умственным трудом.

Обложка сборника «Ударники литературы»

Вместе с тем открытые для рабочих театральные студии, вовлечение их в литературное творчество и т.п. – не только раскрывали таланты (биографии многих знаменитых советских режиссеров, актеров и писа-

телей тому подтверждение), но и повышали эффективность модернизации «по-советски»: способствуя адаптации вчерашних крестьян к новым условиям, увлекая их идеями грядущего коммунистического будущего: «...На определенные массы новых кадров рабочего класса, идущих из деревни, художественное слово иногда действует сильнее, чем непосредственная публицистическая агитация» [9, с. 6].

Управленцы на местах использовали этот актив социальной энергии для решения производственных проблем, рассматривая пролетарскую литературу как одну из «...форм проявления активности рабочего класса» [9, с. 6], причем направленную на выполнение политических и хозяйственных задач! Например, в выписке из протокола заседания президиума Орехово-Зуевского городского совета от 8 января 1931 г. отмечалось, что ассоциация пролетарских писателей организовала не только 7 литературных кружков, но и посты «по борьбе с прорывами» [9, с. 6].

Проблема созидательного труда в литературе военных лет

В годы Великой Отечественной войны тема созидательного труда на благо Отечества оставалась в актуальной повестке творческого сообщества. Очень емко важность ее объяснила известный советский писатель и драматург, корреспондент главной партийной газеты «Правды» на Урале (1941–1943 гг.), А. А. Караваева. С трибуны IX пленума Правления Союза Советских писателей (ССП) СССР в феврале 1944 г. она заявила: «... в нашей жизни сейчас все решают эти двое: человек-воин, который истребляет врага, напавшего на нашу землю, наш храбрый воин Красной Армии, который гонит лютые фашистские орды с нашей земли, и человек-мастер, который вооружает этого воина всем необходимым для боя» [2, д. 662, л. 43].

В развернувшемся на Пленуме очень непростом и откровенном разговоре о том, какой должна быть советская литература – о чем и как писать, чтобы внести достойную лепту в Победу – Анна Александровна отстаивала проблематику нравственного преображения человека труда: «Война раскрыла нравственную силу свободного труда и бесконечное богатство индивидуальности рабочего человека, трудового народа [...]. Радостно в самые тяжкие для нашей родины дни видеть и чувствовать вот эту богатую человеческую душу, которую человек вкладывает в свой труд [...]. Как органично сливаются в человеке его личная трудовая биография, так крепко связанная с общей огромной биографией народа» [2, д. 662, л. 44–45].

-42-

43

тов. ПАВЛЕНКО: Продолжаем наше заседание. Слово имеет тов. А.А.Караваева.

т. КАРАВАЕВА. В воспоминаниях Крупской о Владимире Ильиче приводятся следующие слова его из письма к Аксельроду из далекой сибирской ссылки:

"Я ничего так не желал, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих".

Ленин-литератор оставил нам высокие образцы того, как надо писать для рабочих и о рабочих. Сколько раз эти ленинские слова, в которых очень сдержанно выражено чувство, какое это счастье для человека писать о борьбе и великом подвиге труда, вспоминались мне и думалось: да, это конечно, великое счастье, особенно сейчас писать о трудовом подвиге нашего рабочего класса. Если ты художник слова, не связан непосредственно с битвой, ты должен писать о труде и быть связанным с трудом своего народа. Ведь в нашей жизни сейчас все решают эти двое: человек-воин, который истребляет врага, напавшего на нашу землю, наш храбрый воин Красной Армии, который гонит лютые фашистские орды с нашей земли, и человек-мастер, который вооружает этого воина всем необходимым для боя. Помните, как Алексей Максимович Горький был справедливо недоволен всем тем, что было написано о труде. Он считал, что наша советская литература, качественно новой чертой, которая была темой труда/и она была показана во многих произведениях/ должна была сделать гораздо больше. Горький, его слова, все его священное беспокойство, что великое человеческое делание в нашей стране не показано

Выступление А.А.Караваевой на IX Пленуме Правления
Союза Советских писателей СССР РГАЛИ Ф.631. Оп.15. Д.662. Л.43

Хотя, конечно, писатели в годы войны трудились не только на литературном поприще: нередко и на фронте, и в тылу они вдохновляли своим примером. Например, Кретьева Ольга Капитоновна летом 1942 г. обратилась через газету «Красный Курган» с призывом заменить механизаторов, призванных на фронт. Она и сама окончила школу механизации и стала штурвальным на комбайне Шмаковской машинотракторной станции Курганской области!

**Послевоенная стратегия
«броска в коммунизм»**

Целеполагающая установка «сталинской» экономической модели – бросок в коммунизм – потребовала раньше, чем в послевоенном СССР

отменили карточную систему снабжения, вернуться к анонсированной еще на последнем предвоенном партийном съезде в 1939 г. разработке алгоритма движения к обществу социальной справедливости. Уже летом 1947 г. четыре авторских группы ведущих советских обществоведов получили задание написать проект новой программы ВКП(б) [3, с. 104–113]. Анализ материалов «сталинского» этапа разработки III программы партии позволяет сделать вывод, что, по сути, философы и экономисты, под пристальным вниманием руководителя страны, создавали стратегию нового модернизационного рывка. Он планировался в уже знакомой нам парадигме: достичь роста национального богатства, позволяющего перейти к распределению по потребностям. Все участники «мозгового штурма» считали необходимым создавать экономическую базу для броска в коммунизм на основе внедрения наукоемких технологий. В итоговом проекте (написанном после тщательного ознакомления с результатами творчества каждой рабочей группы И.В. Сталиным и острого обсуждения на заседании комиссии ЦК ВКП(б) 8 августа 1947 г.) ставилась задача в ближайшие 15–20 лет превзойти уровень производства на душу населения в развитых капиталистических странах. Для этого, по мнению разработчиков, требовалось обеспечить непрерывный технический прогресс и в кратчайший срок превзойти достижения зарубежной науки [18, с. 178]. Поэтому далее шла речь не только о росте производительности труда за счет улучшения планирования, воспитания коммунистического отношения к труду, сочетания морального и материального поощрения и т. п., но и о необходимости «неуклонно повышать производственную квалификацию всех тружеников массовых профессий города и деревни через систему техникумов, школ фабрично-заводского обучения, государственных трудовых резервов и индустриального обучения» [18,

с. 180]. Кроме того, в разделе мероприятий, необходимых для построения коммунизма в СССР в области культуры и быта трудящихся, шла речь о расширении сети высших учебных заведений и строительстве научно-исследовательских институтов [18, с. 181]. При этом здесь же ставилась задача «...содействовать полному расцвету советской литературы и искусства, созданию высокохудожественных произведений, отображающих величие советской эпохи, героизм и благородные черты советского человека, повышать роль литературы и искусства в коммунистическом воспитании трудящихся» [18, с. 181].

Итоги послевоенного «мозгового штурма» – разработки алгоритма созидания нового коммунистического общества – подвел И.В. Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Вождь большевиков в ответе т. Ярошенко подчеркнул: «...раньше, чем перейти к формуле "каждому по потребностям", нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность – в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества» [17, с. 66]. Воспитание «коммунистического» отношения к труду было включено руководителем страны в число важнейших условий, необходимых для достижения более совершенной формы общественного устройства.

Корреляция культурной политики с послевоенной стратегией модернизации

Таким образом, можно констатировать – модернизационная стратегия «сталинской» социально-экономической модели базировалась на интен-

сификации труда. Одной из центральных задач культурной политики оставалось воспитание «коммунистического» отношения к труду: превращение его из необходимости – в первую жизненную потребность. Вместе с тем новый виток научно-технического прогресса требовал обеспечения страны высококвалифицированными кадрами, формируя запрос на рост образовательного и культурного уровня советских граждан. Анализ материалов XIII Пленума Правления ССП СССР позволяет выявить корреляцию требований модернизационной стратегии и культурной политики. 26 января 1950 г. на вечернем заседании с докладом «О современном состоянии и некоторых вопросах развития детской литературы» выступил К.М. Симонов. Подчеркнув, что основная задача детской литературы воспитывать строите-ля коммунизма, знаменитый советский писатель обращал внимание коллег

на то, что для подрастающего поколения мало создано интересных книг, раскрывающих процесс формирования характера человека, ставшего сейчас передовиком производства, выдающимся инженером или ученым. [2, д. 1141, л. 66]. По мнению Константина Михайловича, т. н. «школьная повесть» рассказывала, главным образом, о ребятах, не связанных с трудом на производстве или в колхозе, занятых только учебой [2, д. 1141, л. 34]. Ушла из актуальной повестки тема труда подростков – «тема необыкновенно важная, нужная и детской литературе...» [2, д. 1141, л. 34] – утверждал докладчик. Резюмируя сказанное, Симонов заявил: «... хотел бы привлечь внимание писательской общественности, внимание детских писателей к такому простому и важному обстоятельству, что из каждых 100 детей, занимающихся в школе, по крайней мере 40 становятся впоследствии тружениками социалистических полей и по крайней мере еще 40 становятся работниками наших заводов, шахт, рудников, железных дорог. Об этом простом, но необычайно важном обстоятельстве обязаны помнить детские писатели, пишущие для детей всех возрастов, а главное, решающие общие задачи воспитания всех детей – будущих взрослых граждан Советского Союза» [2, д. 1141, л. 34–35].

Замечания, высказанные К. М. Симоновым, сочли в корне неверными министр просвещения РСФСР И. А. Каилов и его заместитель Л. В. Дубровина (много лет возглавлявшая Детгиз). Они направили докладную записку в ЦК ВКП(б), в которой критиковали тезис, что детская литература должна готовить к выбору профессии рабочего или колхозника. Чиновники настаивали на том, что нельзя вопрос о трудовой деятельности детей отрывать от учебно-воспитательных задач школы: «Товарищ Симонов забыл, очевидно, что для школьника именно учение является важнейшим видом его труда...» [1, д. 240, л. 37–44]. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддержал позицию представителей министерства просвещения РСФСР. В варианте Постановления XIII Пленума Правления ССП СССР от 15 февраля 1950 г. «О современном состоянии и некоторых вопросах детской литературы» констатировалось: «...Важнейшей задачей нашей детской литературы является создание книг о жизни советской школы. В них должна быть отражена идейно-воспитательная работа школьников по овладению основами наук, благородный труд учителя, жизни комсомольской и пионерской организации...» [1, д. 240, л. 62]. Задание детским писателям создать произведения, воспевающие героинку труда и готовящие к выбору рабочих профессий, оставалось актуальным, но стояло теперь после тезиса о приоритетности именно учебной деятельности.

3

Проникновение в будущее для нас сейчас - это планы новых великих работ и строгое выполнение этих планов. Проникновение в будущее - это небывалые скорости резания, достигнутые на наших заводах, это небывалый выход стали в нашей металлургии, небывалые урожаи на наших полях.

Люди, воспитанные партией, ведомые ею и творящие эти великие дела, проникают в будущее. Они - герои нашего времени. Они - образцы для подражания молодежи. И в то же время они сами, зачастую, - молодежь.

Итак, первая задача, стоящая перед нашей литературой, перед нашей детской литературой, в частности, это задача воспитывать активно действующего строителя коммунизма. Не благожелательного наблюдателя, а человека, строящего коммунизм, засучив рукава, отдающего этому делу всю свою силу и всю свою страсть; человека, если образно выразиться, строящего коммунизм так, как будто от успеха или неуспеха порученного ему лично дела зависит успех построения коммунизма вообще. Причем, это выражение звучит как образное в применении к отдельно взятому человеку. Но если собрать всех этих отдельно взятых людей, в сумме составляющих общество, - то это выражение становится буквальным.

Но перед нашей литературой, в частности, перед детской литературой, стоит и вторая задача, смыкающаяся с первой.

Наша страна строит коммунизм не в безвоздушном пространстве. У нас за рубежом есть друзья, которым мы помогаем и которые участвуют у нас. Но у нас за рубежом есть и враги, вооруженные враждебной нам идеологией и вооружен-

Заключение

Итак, одной из ключевых ценностей, формируемых стратегией модернизации «по-советски», выступал созидательный труд на благо Отечества (в политической лексике тех лет – «коммунистическое отношение к труду»). Очевидна важность сохранения памяти трудового подвига поколений, создавших материальную основу современного общества. Будущее Российской Федерации во многом зависит от того, кто станет примером для вступающих в жизнь поколений: блогеры, рекламирующие идеалы общества потребления или человек труда, создающий ценности для общественного блага. Поэтому представляется важным осмысление опыта советской политики в области культуры – на принципах научной объективности и историзма – без его мифологизации и демонизации.

Библиографический список

1. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф.17. Оп.132.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф.631. Оп.15.
3. 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. Материалы XV Международной научной конференции. Сер. «История сталинизма. Дебаты». Отв. редактор А.К.Сорокин. М.; Политическая энциклопедия, 2023. 623 с.
4. А.М.Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов в СССР / сост. Л.М.Зак, С.С.Зими́на. М.; Соцэкгиз. 1959. 363 с.
5. Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. СССР: Оптимистическая трагедия. – М.: ЛЕНАНД, 2018. 440 с.
6. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.
7. Зайцев Л.П. Ленинские принципы социалистической дисциплины труда. М.; Издательство «Знание», 1972. 33 с.
8. Катасонов В.Ю., Платонов О.А. Экономика Сталина. М.: Кислород, 2014. 416 с.
9. Киршон В.Мазнин Д. На высшую ступень. Призыв ударников в литературу и критику. Государственное издательство художественной литературы. Москва – Ленинград. 1932. 117 с.
10. Легчилин В.В. Советские ценности и формирование новой российской идентичности. Гуманитарный вестник, 2015, вып.9. [URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/293.html>]. Дата обращения: 13.04.2025.
11. Ленин В.И. Речь на I съезде земледельческих коммун. 5 декабря 1919. ПСС. Т.39. [URL: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-39/381/>]. Дата обращения: 13.04.2025.
12. Ленинградская правда. 1931, №138 от 21 мая. [URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-41.htm>]. Дата обращения: 13.04.2025.
13. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т.3: Социалистические партии / отв. ред. В.В.Журавлев. 902 с.
14. Сафронов А.В. Большая советская экономика: 1917–1991. М.; Individuum, Эксмо, 2025. 792 с.
15. Спицын Е.Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с.
16. Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев / Вопросы ленинизма. Издание 11-е. Государственное издательство политической литературы, 1952 г. 651 с.
17. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.; Государственное издательство политической литературы, 1952. 95 с.

18. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. Сост. В.В.Журавлев, Л.Н.Лазарева. М.; Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

19. Указ президента РФ об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей №809 от 9 ноября 2022 г. [URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>]. Дата обращения: 13.04.2025.

20. Фадеев А.А. За большую литературу пролетариата. Речь на пленуме правления РАПП в сентябре 1931 г. / Какая литература нужна рабочему классу. Государственное издательство художественной литературы. Москва – Ленинград. 1932. 40 с.

21. Шашкова О.А. Идеология советской индустриализации в культуре довоенного СССР (по материалам РГАЛИ) / Советская экономическая модель и судьба союзного государства. (Материалы круглого стола) В.Журавлев, Л.Лазарева, Е.Беспятова, Е.Курапова, О.Шашкова, Н.Суханова, Д.Маслов / Россия XXI. №6. 2022. С.104–129.

Законодательная власть –
сердце государства, власть
исполнительная – его мозг.

Жан-Жак Руссо

Людские ссоры не длились бы
так долго, если бы вся вина
была на одной стороне.

Франсуа де Ларошфуко

Андрей Юрганов

**МОТИВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ
УТОПИИ В КАМПАНИИ
ПО ЧИСТКЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
АППАРАТА
(НАРКОМФИН СССР)**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94 (47) 08

В статье рассматривается кампания по чистке государственного аппарата в конце 1929 г. в одном из главных учреждений страны по управлению экономикой нэпа – в Наркомфине СССР. В ходе исследования обнаруживается связь между конкретными мероприятиями по чистке государственного аппарата и целевыми установками, в которых просматривается возрождение утопической модели построения идеального общества, в котором не должно быть аппарата вообще – вместо него будет действовать сознательный социалистический человек, готовый заменить собой любой орган принуждения. Выявляется генеральная установка этого утопического сознания, которая предусматривает насилие как способ преобразования общества на коммунистических основаниях.

The article examines the campaign to clean up the state apparatus at the end of 1929 in one of the main institutions managing the economy of the NEP – the People's Commissariat of Finance of the USSR. The research reveals a connection between specific measures to purify the state apparatus and the targeted goals that reflect a revival of the utopian model for constructing an ideal society, in which there should be no apparatus at all – instead, a conscious socialist individual will act in place of any coercive organ. The overarching intention of this utopian consciousness is identified, which envisions violence as a means of transforming society on communist foundations.

Ключевые слова: тоталитаризм; сталинизм; чистка государственного аппарата; Наркомат финансов СССР; Л.Н.Юровский; Н.Д.Кондратьев.

Key words: totalitarianism; purification of the state apparatus; People's Commissariat of Finance of the USSR; L.N.Yurovsky; N.D.Kondratiev.

E-mail: Iurganov@yandex.ru

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 году В.М.Молотов сказал, что «генеральная чистка партии стучится к нам в двери». В Бюллетене ЦКК-НК РКИ в ноябре 1928 г. был опубликован проект плана работ НК РКИ СССР на 1928/1929 г., который содержал преамбулу о состоянии государственного аппарата в целом. Чистка партийная и чистка государственного аппарата были едины в необходимости репрессивных мероприятий при переходе от нэпа к ускоренной индустриализации, но они радикально отличались по смыслу стоящих задач и методов проведения общей кампании. В чистке государственного аппарата основное внимание уделялось социальному происхождению работника, тогда как в чистке партийного состава обращали внимание только на «колебания» от генеральной линии [2; 6; 9; 12].

Наркомат финансов СССР был детищем новой экономической политики, воплощавшем в себе интегрированную модель, в которой находили свое место рыночные механизмы финансового регулирования и принципы плановой экономики. При переходе от нэпа к практике военного коммунизма, которую Сталин назвал «реконструкцией народного хозяйства», именно НКФ СССР стал *первой и главной* мишенью атаки.

В конце 1929 г.¹ состоялось собрание сотрудников Наркомфина СССР с приглашенными рабочими «Электрозавода», чтобы обсудить чистку аппарата. С докладом выступил нарком А.Н.Брюханов. Рабочим не понравилось, что нарком не счел положение в своем ведомстве катастрофическим. И даже похвалил работу аппарата. Выступавшие рабочие высказывали мысли, которые никак не совпадали с идеями опытных руководителей ведомства.

Рабочие и нарком говорили на разных языках.

Критика рабочих и мнение наркома

Первым выступил т. Пузырев. Он задал тон обсуждения: «Как сам докладчик (Брюханов. — *А.Ю.*) сказал, в настоящее время в Наркомфине

имеется 180 человек классово чуждых. Товарищи, из общего числа сотрудников в Наркомфине в 900 человек, 180 человек являются классово чуждыми. Если посмотреть по занимаемым ими должностям, т.е. проверить, какие они занимают должности, то вы увидите и скажете, что не место классово чуждым элементам в таком наркомате... Крупных чиновников царского времени, занимающих ответственные должности в настоящее время в Наркомфине 47 человек. В наркомате мы имеем

¹ Точная дата в стенограмме не указана; скорее всего, это конец ноября 1929 г.

9 управлений, на которые этот наркомат делится. Некрупных, мелких чиновников бывшей России – 79 человек, офицеров из кадрового состава старой армии – 7 человек, а остальные – то же самое, мелкие чиновники старого времени... Как обстоит дело с выдвиженцами? С выдвиженцами очень слабо обстоит в Наркомате. Там в настоящее время намечается всего 39 выдвиженцев. Относительно подхода к выдвиженцам, я бы сказал, что он не тактичный и не проработанный... У нас как раз чистка аппарата на носу, она уже начинается, и мы как раз чистим аппарат, а что делает Наркомфин по вопросу подготовки этих выдвиженцев? Абсолютно ничего» [1, д. 49, л. 70–70а].

Рабочий по фамилии Белебей не согласился с тезисом Брюханова – «что если даже в наркомате есть кто-нибудь чуждый, то эти люди, которые не вредят» [1, д. 49, л. 74]. Он не согласился и с тем, что «выдвиженцам надо годами учиться, чтобы охватить аппарат»: «это неправильная установка. Годами учиться мы не имеем времени и сил также не имеем. Конечно, мы должны учиться, но должны одновременно и руководить и на деле учиться, а не на подчиненных должностях сидеть» [1, д. 49, л. 74об.]. Билибей подчеркнул: «Партия наметила Наркомфин к чистке первым потому, что он стоит первым в участке борьба против капиталистических элементов...» [1, д. 49, л. 75об.]

Проблемы экономические – с точки зрения Брюханова – это задачи, требующие интеллектуального решения; с точки зрения рабочего Челнокова – надо вычистить чуждых людей, именно в них кроются все трудности экономики [1, д. 49, л. 75об.].

Брюханов говорил о невозможности обойтись без специалистов – слишком уж сложна область финансов и финансового управления; рабочий Ладыгин утверждал, что эта проблема решается «выдвижением» рабочих, а не их затиранием, и, как только они придут в аппарат наркомфина, ситуация изменится к лучшему [1, д. 49, л. 76об.].

Нарком говорил, что экономической науке учатся годами, Ладыгин утверждал, что дело заключается в «аппарате», который не желает отдавать власть молодым рабочим-выдвиженцам: «Наркомфиновцам представляется, что молодняк своей горячностью захватит и напортит. Конечно, молодняк не так будет поступать, как старики. Он начнет работать со свежими силами, будет бороться, чтобы вырвать всю гниль, которая там находится» [1, д. 49, л. 77об. –78].

Другой рабочий по фамилии Туров, в ответ на опасения Брюханова сказал о выдвиженцах: «...сегодня мы можем выбросить не только 180,

а 280 человек, и дать гарантию т. Брюханову, что с работой т. Брюханов справится при помощи этих работников» [1, д. 49, л. 79].

Наркома финансов не слышали – не понимали смысла его слов...

Туров продолжал разжигать классовую ненависть в воображаемом конфликте: «Мы здесь, рабочие Электrozавода, просили т. Брюханова прийти не для того, чтобы указать, какая система в финотделах, мы ее великолепно знаем (! – А.Ю.), а мы просили т. Брюханова указать нам, кто там разложился, кто там чуждый и в чем заключается его разложение» [1, д. 49, л. 79]. В словах рабочего – явное недоразумение: если ты «великолепно» знаешь систему финансов, то само по себе это знание – уже успех, ценность деловая, административная, но это «знание» в глазах рабочего – совершенно ни к чему.

Никто из руководителей партии и государства не утверждал, что для чистки госаппарата достаточно обвинения, что человек принадлежал к другому классу, к буржуазному обществу. Напротив – во всех методиках говорилось, что этого недостаточно. Происхождение учитывается как возможная причина чистки, если человек не признает своей идейной капитуляции перед властью. В нашем случае речь идет о живом классовом сознании рабочих, которые говорили ровно так, как думали. Именно это классовое «думание» и считалось в то время основанием законности самих чисток. Формальная законность рассматривалась, как проявление буржуазного права.

Рабочий по фамилии Митягин особенно остро реагировал на слова Брюханова, что в аппарате наркомата нет больших проблем. Как это нет? «Никому не секрет, что в Наркомфин целиком переехало бывшее министерство финансов, в составе которого были попы, генералы, бароны и т.д. Спрашивается, будут ли эти товарищи с нами работать так, как полагается? Безусловно, нет. Может быть, одна ничтожная доля их раскаялась, а остальные, как тут правильно сказали, это волки в овечьей шкуре» [1, д. 49, л. 79–79 об.].

Дух сталинских решений о преодолении нэпа путем борьбы с «аппаратом» был созвучен многим рабочим, которые искренне не понимали – почему они, «хозяева», не могут жить так, как живут настоящие хозяева жизни. Рабочий Ефремов наполнял классовую ненависть своими наблюдениями еще не угасшей нэповской Москвы: «Вчера я шел по Ильинке к Китайскому консульству, *чтобы посвистеть и сказать, что они нам враги* (курсив мой. – А.Ю.). Смотрю, по дороге по всей Ильинке то Всекобанк, то Промбанк, то еще какой-то банк. Сколько банков у нас, оказывается! Это прямо дворцы. А кто занимает и кто управляет этими

банками? И вот в докладе сказано – верно или нет, об использовании этих зданий. Справедливо ли они используются? Дороги ли нам эти здания сейчас? Дороги, товарищи. Мы Красную Армию уплотнили для наших школ, а вот этих зданий мы еще не знаем – уплотнить ли нам их, или нет. А у нас сказано, товарищи – мир хижинам, война дворцам, а она здесь еще идет. Я считаю, что с сегодняшнего дня мы должны сказать: а кто там в этих дворцах живет? Вы взгляните на швейцаров, там они старые еще, с ливрейным уклоном. Они старого барина встречают и оттуда провожают. Затем, товарищи, кому у нас распределяют из банков ссуды? Вы взгляните только на это! Для частного капитала. Там все есть к вашим услугам, а вот для нашего маленького хозяйства, для клуба Электрозавода, говорят: обождите. Поэтому нам нужно сейчас сказать: взгляните на наш аппарат. Мы хозяева, в чем дело? Кто же распоряжается этими ссудами?..» [1, д.49, л.80].

Вывод простой: «Владимир Ильич сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. А почему? Потому, что все заветы Ильича мы должны выполнять!» [1, д.49, л.80]. В этом высказывании можно заметить одну, не бросающуюся в глаза, странность: каждая кухарка должна управлять государством не потому, что надо научиться управлять, а потому, что Ленин повелел все так устроить, чтобы кухарка (ничему не обучаясь), могла управлять государством. Вопреки этой логике, Брюханов говорил в своем докладе как раз о том, что управлять государством кухарка пока не может: широкие массы «еще недостаточно культурны, недостаточно еще имеем навыков, чтобы уметь руководить и быть на руководящей работе» [1, д.49, л.81 об.].

Рабочий Бобылев возразил: «В своем докладе т. Брюханов отметил, что мы еще недостаточно культурны, недостаточно еще имеем навыков, чтобы уметь руководить и быть на руководящей работе» [1, д.49, л.81 об.]. Бобылеву не понравилась мысль, что выдвиженцы должны лет десять учиться, чтобы потом стать полноценными работниками наркомата. Для него и другого выступавшего рабочего по фамилии Копченков суть вопроса не в саморазвитии – а только и исключительно в максимальном сокращении аппарата: «Тов. Брюханов говорит, что вот мол идем вперед: у нас было 1.600 чел., а теперь 900. Мы, значит, на 40 % сократили наш аппарат. Товарищи, ведь это недостаточно. Если Наркомфин был настолько раздут, что оказалось возможным сократить его на 40 %, то надо т. Брюханову покопаться в своих недрах и может быть можно еще на 40 % сократить. Это положение надо гвоздить!» [1, д.49, л.82].

Логику замещения специалистов выдвиженцами выразил т. Данилов, рабочий завода. Он тоже был не согласен с Брюхановым, что у масс нет еще культурности, чтобы управлять государством. Не нужна эта культурность! Выдвиженец не знаниями своими богат, а классовым сознанием. Знания, которым надо учиться, почти у всех выступавших связаны с формальностями – а значит и с бюрократизмом – поэтому упираться следует не на знания, а на убеждения! Формальное знание не ведет к победе над бюрократизмом, а правильные убеждения – ведут. Он так и сказал: «Нам, товарищи, нужно прямо сказать, что надо давать выдвиженцев с завода, потому что выдвиженец, *может быть, формально не будет прав, но по существу он всегда правильно разрешит вопрос* (курсив мой. – А.Ю.). Чиновники же, которые там сидят, они всегда формально правы, у них всегда есть под руками бумажка. Но взгляните, товарищи, в существо. Существо самое гнилое. Тут написано 180 человек, а на самом деле их может быть больше, чем 180 человек» [1, д. 49, л. 73 об. – 84].

Общее настроение рабочих – не видеть проблему в том, что из аппарата уйдут знающие люди. В глазах рабочих, которым предстоит «чистить» аппарат, специалисты не представляют ценности. Разумеется, иного мнения были руководители наркомата – они понимали, что любой отчет о деятельности наркомата основан не на классовых убеждениях, а на глубоких экономических знаниях. Но чистят *именно рабочие*, среди которых далеко не все читали инструкции по чистке – скучные и монотонные. Рабочие знали, что в любой из этих методичек все равно будет сказано о законности классового сознания рабочих.

Брюханов как нарком финансов, защищал нэповскую модель управления финансами и экономикой, основанную на рациональных основаниях компромисса, о которых много и убедительно говорил Н.И. Бухарин. Но времена меняются – и на смену рационализму нэпа надвигался мир иррациональный, разбуженный партией большевиков во главе со Сталиным. «Реконструкция народного хозяйства» предполагала, что вместо знаний, ограничивающих своеволие в экономике, в финансах, теперь будут главенствовать предельные коммунистические мечтания, требующие только одного – убеждений в правильности именно такой «реконструкции».

Нарком финансов не был мальчиком в политике и прекрасно понимал, что этот переход ломает всю прежнюю систему управления экономикой, финансами, ведет к деградации. Но бесконечно долго сопротивляться «своевольцам» он не мог, ибо классовая борьба «усиливается», и он явно не хотел быть на политической стороне 180 «негодяев» наркомата.

Ему пришлось согласиться, что он не сторонник «негодяев», они чужды ему, но приходится их терпеть... и бороться с ними... – словом, получилось неуклюжее объяснение: «...один из последних товарищей, выступающий здесь, говорил: прогнать эти 180 негодяев, сидящих в Наркомфине и этим осуществим пятилетний план. Этим пятилетний план мы не осуществим. Наша задача – этот план осуществить во что бы то ни стало. Что негодяи не только мешают, а прямо вредят нашему аппарату, кто же это отрицает, но сказать, что всякий, кто является чиновником или даже сыном чиновника, есть негодяй, сказать, что всякий, кто по своему происхождению не принадлежит рабочему классу, есть негодяй, это, товарищи, значит обойти вопрос, это значит легко разрешить на словах то, что трудно разрешить нам на деле. <...> Я не отрицаю необходимости самой беспощадной борьбы со всяким негодяйством, от кого бы это негодяйство ни исходило» [1, д. 49, л. 90].

Переход к сталинской «реконструкции народного хозяйства» при построении социализма в отдельно взятой стране можно описать как *возрождение* социально-утопических настроений, почти угасших в новой экономической политике, но теперь получивших толчок к раскрытию себя в массовом сознании.

Язык социальной утопии эпохи «чистки» в сталинской «реконструкции народного хозяйства»

Привычные слова и термины, которые не принято пояснять ввиду их очевидности, таят в историческом контексте другие смыслы. Например, нетрудно представить себе, что такое «борьба с бюрократизмом». Кто потребует объяснений? Всегда понятно! Но исторический контекст – это обманчивый горизонт времени и пространства. Историк не может мыслить «по аналогии» – ему необходимо знать язык именно этого времени и параметры этого пространства.

Рабочие «Электроставрополя», выступая с критикой наркома финансов в 1929 г., видели в «бюрократизме» враждебный *интеллектуализм* рыночной экономики. Так и говорили: «Это затуманивание глаз. Надо прямо сказать, что этот бюрократизм сознательно заведен для того, чтобы темнить крестьян и рабочих» [1, д. 49, л. 73].

Можно выделить целый ряд понятий, через употребление которых формировалась социальная утопия «реконструкции народного хозяйства». Перечислим их:

«Вредные люди»; «идеологическое вредительство»; «упрощение аппарата»; «бюрократизм как форма классовой борьбы»; «орабочение»

аппарата, «освежение аппарата»; «выдвиженцы»; «шефство»; соцсовместительство».

Этими ключевыми словами и формулами маркировалась причинно-следственная связь утопического сознания не только широких масс, но и организаторов проводимой кампании по чистке госаппарата.

Теоретические установки в лексическом оформлении

Яков Петерс (1886–1938) был одним из главных руководителей всей кампании, он лично присутствовал при чистке сотрудников НКФ СССР

и по ходу этого мероприятия в разных учреждениях успел опубликовать две небольшие книжки [10;11]. Его, как и всю партию, беспокоил вопрос социального происхождения служащих государственного аппарата. Статистика, по его мнению, была удручающая:

78% наших служащих – бывшие чиновники. Необходимо еще отметить, что среди бывших чиновников много стариков: от 40 до 50 лет, по данным Укр. РКП, в 1927 г. было – 24%, а в 1928 г. – 23%; свыше 50 лет в 1927 г. – 11 %, а в 1928 г. – 9,5 %. Приблизительно такие же данные имеются и по учреждениям РСФСР. Эти цифры говорят о том, что прослойка рабочих и крестьян в нашем советском аппарате чрезвычайно тонка; а кадры работников – это те служащие, которые работали в государственном аппарате в 1913 г. [10, с.31].

На первом месте по неблагополучию – наркомат финансов СССР:

Там и сестра знаменитого Родзянко и б(ывший) граф Шидловский – завхоз больницы, там же служит Верховская, княгиня Тучкова и сын чайного фабриканта Высоцкий... В этих учреждениях скрываются и такие, как сын жандарма Банина, и сын богослова Введенского, как это скоро в свое время разоблачила «Рабочая газета». Музеи руководятся и возглавляются графом Олсуфьевым, бароном Дервизом, княгиней Шаховской, помещиками из рода Тютчевых, Мамонтовых и Мордвиновых [10, с.31].

Общий тезис кампании – чистка должна касаться тех «бывших», которые «вредны нашему аппарату» [10, с. 79]. Возникает вопрос – как понимается «вред», если стильщики осознают, что не могут остаться совсем без специалистов?

«Вредные люди»

Я.Петерс приводит примеры «вреда» и «вредных людей», обращаясь к чистке НКФ СССР [11, с. 7]. В наркомате он видит самое враждебное

место: это Планово-экономическое управление. В нем, как отмечал Петерс, работало 80 сотрудников, среди которых было около 30 человек известных ученых – «главным образом из буржуазных профессоров». Такие люди, сетовал Петерс, могли бы стать «колоссальным подспорьем в практической работе коллегии НКФина». Это управление получает в год 500 000 рублей – деньги немалые! Но... «мало пользы для НКФина». Существенно, что Петерс сам объяснил природу «вреда» и «вредных людей». Оказалось, что управление стало «лабораторией чуждых нам идей». «Вред» – это инакомыслие, а «вредные люди» – те, которые свои неправильные мысли пытаются реализовать на практике. Люди, которые еще недавно управляли экономикой, финансами, в условиях нэпа стали «вредными» и совершенно ненужными, какими бы знаниями они ни обладали. Как и в разговоре Брюханова с рабочими, так и в книге Петерса, друг другу противостоят правильные убеждения и неправильные знания.

Почтенные профессора собирались на научный совет, обсуждали конъюнктурные вопросы, вопросы денежного обращения и нашей политики в деревне. И в то же время на этом совете раздавались и вносились предложения отменить запрещение продажи промышленных товаров (в частности, сельскохозяйственных машин и орудий) зажиточным слоям населения деревни. Предлагали усилить производство текстильных тканей за счет металлургии. Требовался плана капитальных работ. Советовалось не усиливать распределения по карточкам, ни в коем случае не допускать повышения заработной платы рабочим и т. д. Во время прений всем известный проф. Кондратьев современный период реконструкции сельского хозяйства называл не иначе, как эпохой военного коммунизма. Кондратьев требовал пересмотра плана капитального строительства и объявил вредной и ненужной монополию хлебной торговли. Проф. Железнов истолковывал нэп как освобождение всех сих хозяйства, а нынешнюю эпоху – как возвращение к военному коммунизму [11, с. 7–8].

Только тот специалист, который согласен со всеми тезисами партии и правительства, может быть востребован как специалист «с высшим образованием». Во всех случаях уклонения в буржуазные теории высшее образование как бы аннулируется, считается ненужным – и даже «вредным».

Петерс нашел скрытых классовых врагов в статистике личного состава финансовых органов СССР, где была указана категория «прочие». В 1926 г. в НКФ СССР было 8,8 % рабочих, крестьян – 33,2 %, а «про-

чих» – 58 %. В 1928 г. рабочих в составе НКФ СССР было 10,2 %, крестьян 10,5 %, а «прочих» – уже 79,3 % [11, с. 20].

Он писал: «Как видно из приведенных цифр, удельный вес рабочей прослойки повышался слабо. Резко уменьшилась крестьянская прослойка, но зато сильно увеличилась группа прочих. Что это за группа прочих, установить нам так и не удалось. Но если судить по центральному аппарату НКФина, где больше 200 человек "бывших" людей, и вскрытым гнойникам в финансовых аппаратах на местах, то можно предположить, что эта группа прочих в большей своей части состоит из чуждых нам людей» [11, с. 20].

Еще хуже обстояло дело с центральным аппаратом НКФ СССР. В 1929 г. рабочих в нем было 8,2 %, крестьян – 1,8 %, а вот «прочие» составляли 90 %.

Для того, чтобы сменить старых аппаратчиков на выдвиженцев, требовалось, чтобы выдвиженцы освоили необходимые специальности. Они массово шли в управленческие структуры, но также массово и уходили, потому что им не хватало ни опыта, ни знаний. Внимание Петерса было приковано к наркомату финансов, в котором дела выдвиженцев были хуже, чем где бы то ни было. Он с горечью писал, что в 1927 г. было зачислено 34 стажера, в результате – 17 человек отчислены (50 %). Петерс недоумевал, почему в курсе «Банковское дело» не дается та «наука», которую он проводит в жизнь, а учат по курсу А. Соколова «Теоретические основы системы налогов», в котором говорится, что «улучшение нашей экономики возможно за счет увеличения роли частного» [11, с. 23]. Впрочем, после проведенной чистки в НКФ СССР, как он отметил, количество выдвиженцев увеличилось: если до чистки было 33 человека, то после стало 110.

В 1932 г. вышла книга, написанная тремя авторами (Г. Шкловский, Н. Челяпов, М. Хаевский), в которой подводились первые серьезные итоги всей кампании. В ней определяется, что есть «идеологическое вредительство»: это «всякие теоретические установки», которые не совпадают с генеральной линией партии. Неверные «установки» или вредные идеи срывают темпы строительства социализма. Для авторов книги идеальный пример практического вредительства, проистекающего от неверной установки – деятельность беспартийного начальника Планово-экономического управления НКФ СССР Леонида Наумовича Юровского, выдающегося экономиста, одного из архитекторов новой экономической политики.

Идеологические извращения, имевшие место в работе этого управления, проходят абсолютно по всем важнейшим участкам нашей хозяйственно-политической жизни. Так, например, в области народно-хозяйственного плана утверждалось, что план пятилетки не реален и является «психологической категорией», в которой «желательное принимается за реальность». При этом руководитель управления проф. Юровский с настойчивостью, достойной лучшего применения, развивал мысль, что запроецированные темпы пятилетки являются результатом бюджетной и экономически беспочвенной инфляции. Он не переставал бить тревогу по поводу «напряженного» и «перенапряженного» плана. Он грозил катастрофой в случае «пересмотра самого решительного и срочного» запроецированных показателей по отдельным группам хозяйства в сторону резкого снижения. Другие ученые мужи этого управления, конечно, не отставали от своего начальника. Поэтому спрашивается, не являлось ли актом вредительства пропагандирование Юровским этих идей и проведение этой линии во всех его выступлениях, докладных записках, в печати и т. д.? [13, с. 94].

Упрощение аппарата

Это словосочетание не кажется на первый взгляд странным – может даже показаться, что речь идет о сокращении аппарата. Однако это

не так. Сама доктрина партии большевиков строилась на том, что приход к власти пролетариата позволит уничтожить «буржуазное государство», стереть с лица земли его ненавистный аппарат. Но, согласно учению Карла Маркса и его последователей в лице меньшевиков, социализм – это стадия развития, которая в недрах капитализма создает условия для перехода к новой социальной организации. Маркс ничего не писал о строительстве социализма в отдельно взятой стране. Он считал, что культура масс возрастет в процессе эволюции таким образом, что станет возможной форма народного самоуправления вместо «буржуазного аппарата». Словом, Маркс обещал меньшевикам долгую историю существования капиталистической формации, от которой отмахнуться было нельзя.

Большевики были другими марксистами. Они ругали меньшевиков за то, что те были против взятия власти в стране, где вся масса населения еще не готова к социализму, ничему не обучена, неграмотна, необразованна. Авторы упомянутой выше книги отмечали, что Ленин в работе

«О нашей революции»² соглашался с тем, что для социализма требуется определенный уровень культуры, но он спрашивал: «...почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы... Для создания социализма – говорите вы, – продолжает Ленин, – требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [13, с. 75].

«Буржуазное государство», согласно Ленину, это иерархическое господство «привилегированных чиновников». Его удалось сломить в октябрьском перевороте. Но как быть с тем, что народные массы отсталой страны не могут заменить иерархию чиновников в уже пролетарском государстве? Перепрыгнув через одну стадию, хотелось перепрыгнуть и через другую. Военный коммунизм не оправдал себя. Голод и восстания крестьян заставили большевиков действовать не сообразно теории, а сообразно обстоятельствам. В эпоху нэпа, после долгих и мучительных лет гражданской войны, приучились рационально и спокойно относиться к недостаткам государства, называя их проблемами технического свойства.

На уже упомянутом совместном собрании аппарата НКФ СССР с рабочими «Электровозода», проходившем перед началом чистки, рабочий по фамилии Белебей объяснял, как он понимает «упрощение» аппарата, – этот взгляд ничем не отличался от общего настроения рабочих:

Надо уметь упрощать аппарат так, чтобы каждый рабочий, выдвинутый с производства, мог взять руководство в свои руки после краткого обучения (курсив мой. – А.Ю.). <...> Не должно быть положения, которое нарисовал тов. Гордеев, что в старое время 10 лет готовились, затем 10 лет жили, пока выходили в люди. Позвольте, тов. Гордеев, мы всего 12 лет существуем и уже пятилетний план наметили, уже к социализму движемся, а вы нам намечаете, что выдвигенец должен 20 лет учиться и только тогда выйдет в люди. Надо строить аппарат Наркомфина, чтобы каждый трудящийся, придя в аппарат, разбирался в том, что аппарат делает [1, д. 49, л. 74об.].

²Работа В.И.Ленина «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)» была написана 16–17 января 1923 г., а опубликована в газете «Правда» 30 мая 1923 г.

**Бюрократизм как форма
классовой борьбы**

Поворот Сталина от нэпа к так называемой «реконструкции народного хозяйства», которую Кондратьев определил как практику военного

коммунизма, требовал чистку госаппарата как высшую задачу в построении социализма в одной отдельно взятой стране. «Правые» обвинялись в том, что они рассматривают проблему бюрократизма как технико-административную задачу вместо того, чтобы видеть в ней «форму классовой борьбы» [13, с. 74]. В условиях нэпа боролись не с самим аппаратом, а с его свойствами или недостатками, которые можно преодолеть. В эпоху сталинской «реконструкции» была поставлена задача бороться с бюрократическим аппаратом как таковым. Это означало возвращение в мир социальной утопии.

Авторы итоговой книги о чистке писали: «Бюрократизм как форма классовой борьбы с нами в сильнейшей степени используется нашим классово-враждебным окружением, а потому мы должны и здесь, всячески упрощая аппарат, выбить из-под ног классовых врагов и эту возможность вредить делу социалистического строительства» [13, с. 78]. Упрощение аппарата – не техническая проблема, а классовая. Придуманный классовый враг для носителей утопического сознания – враг реальный, и чаще всего это те знающие люди, которые могли противопоставить классовым убеждениям свои знания экономики. Именно так: сталкивались убеждения и знания.

Авторы книги цитируют Сталина, его брошюру «Об основах ленинизма», в которой он высказал общую идею построения пролетарского государства на *неправовой* основе.

Сталин писал: «Советская власть, объединяя законодательную и исполнительную власть... непосредственно связывает рабочие и вообще трудящиеся массы с аппаратом государственного управления (курсив мой. – А.Ю.), учит их управлению страной» [13, с. 77].

В сознании большевиков власть в СССР – народная. Это власть Советов. Направляет народную энергию «диктатура пролетариата», в которой нет учреждений, кроме партии большевиков – авангарда рабочего класса. Для полноты искомой «безаппаратности» не хватает народа, который был бы способен осуществлять прямое управление страной. Тезис об отсталости людей повторяли многократно на всех уровнях. Говорил об этом и Сталин. Но отсталость в их понимании – это не то, о чем можно подумывать, имея в виду, например, широкий круг гуманитарных знаний, – нет! Отсталость – это *неспособность людей* быть идеальным

носителем коллективистских начал, такой самоорганизованности, которая могла бы заменить собой бюрократический аппарат. Это – глубокий слой утопического сознания (14; 15; 16; 17).

**Категории очищаемых,
«орабочение» и «освежение»
аппарата**

В чистке государственного аппарата была создана оценочная шкала, по которой тот или иной совслужащий проходил проверку. Всего было

три категории [8, с. 17]. Первая категория – самая тяжелая. В нее попадали те лица, «оценка работы которых, – как отмечал А. Мишурис, – показывает абсолютную неспособность их исправления и безусловность вреда (курсив мой. – *А.Ю.*), наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса. Такие лица должны вычищаться без права работы в советском аппарате. Постановление о них должно быть заносимо в их трудовой список³ и должно быть опубликовано в печати. Вычищенные из учреждений по первой категории лишаются права на выходное пособие, права на пенсию по социальному страхованию, права на пособие по безработице, подлежат снятию с учета как временнообязанные, принимаются на биржу труда на особый учет и не посылаются на работу в какие бы то ни было советские, хозяйственные, кооперативные и прочие предприятия и организации социалистического сектора» [8, с. 17].

Во вторую категорию попадали люди, «которых вредно оставить на работе в данном учреждении или в данной местности, но которые, по мнению комиссии, могут исправиться и могут быть использованы в учреждениях другого типа или в другой местности» [8, с. 17].

К третьей категории относились лица, «которых нецелесообразно использовать в дальнейшем на ответственных должностях, но которым может быть без вреда для советского государства представлена работа технического порядка в этих же и других предприятиях и учреждениях» [8, с. 17].

Дозволялось устанавливать сроки действия для второй и третьей категорий – обычно это определялось временем от одного года до трех.

Кроме того, комиссиям по чистке госаппарата было дано право увольнять людей вне упомянутых категорий. В документах чистки наркомата финансов СССР в декабре 1929 г. в изобилии присутствуют формулировки подобного рода:

³ Аналог трудовой книжки.

Слушали:

Рыбинский Сергей Филиппович, рождения 1874 г. Консультант по финвопросам. Докладчик т. Котков.

Постановили:

Снять из аппарата в порядке освежения. Срок увольнения до 1 января 1930 г.

Слушали:

Скловский Виктор Львович. Рождения 1880 г. Старший инструктор. Докладчик – Духан.

Постановили:

Снять из аппарата в порядке освежения. Срок увольнения – 1-е декабря 1929 г. [1, д. 49, л. 44–45].

Или:

Слушали:

Гуревич (докладчик Бондаренко)

Постановили: предложить администрации в 2-хмесячный срок снять Гуревича в порядке орабочения и укрепления аппарата [1, д. 49, л. 28].

Я.Петерс писал о том, как связаны между собой «освежение» и «орабочение» с «конечной целью» большевиков – избавиться от бюрократического аппарата: «Гигантский темп роста нашего хозяйства требует освежения нашего аппарата, требует того, чтобы мы сделали еще один решительный шаг по пути приближения к нашей конечной цели, когда общественные обязанности будут выполнять *не платные чиновники, а трудящаяся армия граждан после окончания производственной работы* (курсив мой. – А.Ю.). Пока же этот решительный шаг должен заключаться в том, чтобы вовлечь десятки тысяч рабочих в советский аппарат» [10, с. 81].

Естественно, что вычищаемые могли жаловаться, и они жаловались. Времена были еще вегетарианские, и Петерс сетовал, что те, кого лишают работы, а иногда и источников существования, обращаются к букве закона, чтобы оправдаться, и нередко это им удавалось. Один из главных руководителей кампании по чистке демонстрировал удивительное отношение к советскому закону, который мешает «обновлять» аппарат: «...мы попадаем в плен собственных законов» [10, с. 88]. Каков же выход? Петерс предлагал фактически уничтожить те советские законы, которые как-то еще защищали граждан от насилия: «Надо изменить *наше законодательство* (курсив мой. – А.Ю.) так, чтобы оно отвечало установке партии – систематически обновлять аппарат и приблизить его к трудящимся» [10, с. 88]. Не успокаиваясь, он твердил одно и то же:

«Надо, повторяю, максимально сократить апелляции... Установить для апелляции одну инстанцию, чтобы не ходили из одного учреждения в другое с бесконечными жалобами» [10, с. 91]. И в числе главных учреждений, к которым следует применить такой прессинг, Петерс называл Наркомфин СССР [10, с. 92].

Шефство и соцсовместительство

Что такое «шефство», как не помощь кому-то в благих целях?

Но не так думали во время чистки.

Объяснение шефства над госаппаратом относилось к такому допущению, в которое трудно поверить, если не погружаться в исторический контекст. Об этом писал со всей серьезностью не кто-нибудь, а Ленин в работе «Очередные задачи советской власти» (1918). Авторы коллективного труда о чистке цитировали Ленина: «...целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии восьмичасового "урока" производственной работы» [13, с. 22]. Иными словами, человек, отработавший рабочий день, настолько сознателен, что, не чувствуя усталости, идет в управленческие структуры, чтобы в них наводить пролетарский порядок, — и это все бесплатно!..

В книге о чистке упоминается инициатива рабочих «Электроставрополя» в шефстве над НКФ СССР и отмечается, что это не просто «шефство» в привычном смысле, а реализация ленинских идей о замене буржуазного аппарата самостоятельностью народных масс, бесплатным выполнением государственных обязанностей [13, с. 165].

Казалось бы, речь идет о том, чтобы прежний иерархический аппарат власти заменить сознательным трудом пролетариата: меньше властных функций — больше народоправства, граничащего с разумной анархией. Однако утопическая мысль шла другим путем. Уничтожение бюрократизма как корпоративно-кастового управления ведет к усилению мощи пролетарского государства. Иными словами, чтобы максимально ослабить «бюрократию» надо усилить диктатуру пролетариата: «...рабочие идут в аппарат не в "гости", не на проведение очередной кампании, а как хозяева со всеми вытекающими отсюда последствиями» [13, с. 167]. При этом авторы коллективной книги о чистке дают ссылку на политический доклад Сталина на XVI съезде партии (1930).

Шефство рассматривали не как временную меру, а как способ достичь результата — слияния народной активности с управленческими структурами. С точки зрения современного человека, некоторые факты мо-

гут показаться нелепыми, если не смешными, но утопическое сознание не выдумка, а сама реальность поступков и действий.

Пролетарское влияние шефского штаба сказалось на всех участках сберкасс. *«Шефы систематически ведут наблюдение за продолжительностью операций в отдельных сберкассах* (курсив мой. – А.Ю.) и с конкретным материалом выступают на производственных совещаниях. В результате этой работы операция, стоившая 20–22 коп., снизилась до 8–10 к., продолжительность операции, доходившая до 15–18 мин., равна теперь 3–4 мин» [13, с. 171].

Или – еще:

«В своем обращении ко всем заводам и фабрикам, шефствующим над филиалами Госбанка, рабочие 2 гособувной фабрики заявляют, что свое внимание в данный момент они сосредоточивают на реорганизации банковской системы, на осуществлении контроля рублем со стороны банка, на проверке своевременного представления хоздоговоров и балансов, на ежедневном участии в работе кредитного совещания и на мобилизации внутренних ресурсов» [13, с. 172].

В.И. Ленин писал в октябре 1917 г. в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» что надо распрощаться с интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники [13, с. 178]. Эти слова Ленина породили так называемое социалистическое совместительство. Впервые термин «соцсовместительство» появился в апреле 1931 г. в газетах «Ленинградская правда», «Смена», «Красная газета» [5, с. 21–30]. Это был почин ленинградских властей. Но, поскольку мало кто понимал, что это такое, потребовалось объяснить суть почина. В постановлении президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 19 августа 1931 г. говорилось, что совместительство, возникшее на базе шефской работы, «является новой формой непосредственного участия рабочих в управлении государством и создает новые возможности для привлечения рабочих масс к борьбе с бюрократизмом» [5, с. 25]. На практике это означало, что руководителей крупных предприятий обязывали направлять в управленческие структуры рабочих, которые бы добровольно и бесплатно искореняли недостатки в аппарате. На XVI съезде партии С.Орджоникидзе говорил, что, когда рабочие чистили аппарат, было весело, а когда стали посылать в подшефные учреждения помогать с повседневной работой, то оказалось, что активных людей не так уж много [5, с. 26].

Авторы коллективной брошюры о чистке аппарата приводили примеры успешной работы соцсовместителей:

...т. Филоновский был прикреплен к сельскохозяйственному тресту... По приходе в аппарат он занялся организацией совхозной сети., причем к этой работе он привлек шефский актив завода «Электросила» в составе 60-ти человек. Чрезвычайно ценный материал, добытый тов. Филоновским, послужил основой для дальнейшего планирования и руководства работой совхозов. В настоящее время т. Филоновский уже настолько хорошо изучил свое дело, что вполне самостоятельно разрешает текущие практические вопросы в области молочных ферм... [13, с. 178].

Однако итоговые суждения контрольных органов констатировали крайне низкий уровень участия масс в руководстве аппаратом государства. Не стеснялись даже высмеивать эту практику, подчеркивая пресловутую отсталость народа: «...в Ленинграде имел место случай выделения в органы прокуратуры 16-ти летнего мальчика...» [13, с. 180].

Роман «Красная звезда» (1908) как образец утопического проекта коммунистического будущего

Сознательно-социалистический человек существует! Но только в романе-утопии А. А. Богданова, увидевшем свет в 1908 году. Рассмотрим,

как в своем воображении видный большевик и писатель сумел воплотить идею о существовании коммунистического самоуправления. Удалось ли ему придумать убедительную картину возможного существования такого общества, в котором никого не нужно уговаривать идти в органы управления и бесплатно работать вместо чиновника?..

В статье «Собирание человека» (1904) он задается вопросом: «Что такое человек?» и дает ответы, главный из которых заключается в тезисе: «"Человек" есть целый мир опыта» [4, с. 159]. Богданов предлагал увидеть историю человека через идею его «собираения». Мысли о свободе и равенстве возникают не сами по себе – они результат неравенства и угнетения в обществе. Опыт индивида всегда вторичен по отношению к опыту коллективному. Человек может осознать себя только как отражение того общества, в котором живет.

Ответ на вопрос «Что такое человек?» к которому в конце концов пришел Богданов, не может не удивлять своей мрачной прозорливостью: «Признаем ли мы человеком существо эмбрионально-простое, стихийное, чуждое развития? Мне кажется, нет. Признаем ли мы человеком существо неполное, часть, оторванную от своего целого, дисгармонически развивающуюся? Мне кажется, нет. Но если человеком мы при-

знаем развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: Человек еще не пришел; но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте» [4, с. 175].

Человек «дробный», не принадлежащий эпохе коммунизма, согласно логике А.А.Богданова, – всегда недочеловек, потому что человеком он может стать, только слившись со своей «целостностью».

В романе «Красная звезда» случилось чудо – большевик-писатель изобразил эпоху коммунизма, когда индивидам удалось слиться с коллективным сознанием.

Правда, на Марсе.

Не на Земле.

Главный герой романа, Леонид, летит на Марс, куда увлекает его Мэнни, марсианский ученый, предложивший побывать в коммунистическом раю. Леонид, превратившись для своих новых друзей и подруг в Ленни, становится наблюдателем марсианского общества. Он описывает ситуацию, когда народные массы перестали быть отсталыми – они созрели до полного слияния личных интересов с общественными. Каким же предстает это устройство коммунистической жизни?

Ход космической истории и на Марсе, и на Земле – от дробного состояния к коммунизму – единый: это концептуальная основа романа. Но на Марсе переход к коммунизму не был слишком тяжелым. Разумеется, не обошлось без классовой борьбы, однако отсутствовала эпоха рабства, а в феодализме не проявила себя военщина, так что «капитализм очень рано освободился от национально-государственного дробления...» [3, с. 44].

Ленни не тратил времени на изучение флоры и фауны марсианской природы, его внимание было обращено на чудо человеческое.

Это был завод...

Он увидел ровный механический процесс, в котором машины и люди сливались в одно целое. Ленни спросил: «Я видел машины и работников, но самой организации труда совершенно себе не представляю» [3, с. 58]. Его подвели к строению, на стенах которого он увидел «таблицы статистики труда». В них указывалось, сколько машинное производство имеет излишек. Указывалось также количество часов необходимых для других отраслей.

Мэнни объяснял, что посредством таблиц *надо* влиять на распределение труда: «Для этого необходимо, чтобы каждый мог видеть, где рабочей силы не хватает и в какой именно мере. Тогда, при одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, человек

выберет то из них, где недостаток сильнее. А об излишке труда знать точные данные достаточно только там, где этот излишек имеется, чтобы каждый работник такой отрасли мог сознательно принять в расчет и степень излишка, и степень своей склонности к перемене занятия» [3, с. 59].

На Марсе нет проблем с «соцсовместительством» – оно органично по самой природе развитого социалистического человека. По словам Мэнни, «влияние статистики непрерывно сказывается на массовых перемещениях труда, но каждая личность – свободна» [3, с. 63].

В основе рассуждений Мэнни (и Богданова тоже) – установка, что «труд – естественная потребность развитого социалистического человека, и всякие виды замаскированного или явного принуждения к труду совершенно для нас излишни». Но как управлять без аппарата? Богданов пытался уйти от конкретных объяснений.

Мэнни говорит, что каждый час цифры потребностей в производстве меняются и люди сами смотрят на табло, чтобы в нужный момент перейти в другую область производства.

Ленни спрашивает: «Но каким образом центральная статистика устанавливает цифры излишка и недочета?»

Мэнни отвечает: «Институт подсчетов имеет везде свои агентства, которые следят за движением продуктов в складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать по каждой отрасли труда разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть, и сообщить об этом повсюду. Поток добровольцев тогда восстанавливает равновесие» [3, с. 60].

Богданов уходил от того, чтобы признать, что и при коммунизме нельзя обойтись без аппарата управления. Кто такие «агенты», каковы эти «агентуры», сколько времени понадобится, чтобы подсчитать движение экономической статистики, – это ведь огромная работа специалистов! Потребовалось бы Планово-экономическое управление, подобное тому, какое было при Наркомфине СССР...

На Марсе нет ни денег, ни собственности.

Ленни спрашивает: «Но если потребление ничем не ограничено, то не возможны ли в нем резкие колебания, которые могут опрокинуть все статистические расчеты?»

Мэнни отвечает: «Конечно, нет. Отдельный человек, может быть, станет есть то или иное кушанье в двойном, в тройном против обычного

количества или захочет переменить десять костюмов в десять дней, но общество в три тысячи миллионов человек не подвержено таким колебаниям. При таких больших числах уклонения в ту и другую сторону уравниваются, и средние величины изменяются очень медленно...» [3, с. 60].

Впрочем, Мэнни не скрывает трудностей существования системы распределения, однако они преодолеваются на основе нерушимого фундамента – человечество воспринимает *всякий труд и всякое научное развитие* как врожденную потребность.

Трудности тут очень большие. Институт подсчетов должен зорко следить за новыми изобретениями и за изменением природных условий производства, чтобы их точно учитывать. Вводится новая машина – она сразу требует перемещения труда как в той области, где применяется, так и в машинном производстве, а иногда и в производстве материалов для той или другой отрасли. Истощается руда, открываются новые минеральные богатства – опять перемещение труда в целом в ряде рельсовых путей и т. д. Все это надо рассчитать с самого начала если не вполне точно, то с достаточной степенью приближения, а это вовсе нелегко, пока не будут получены данные прямого наблюдения [3, с. 60–61].

Какие бы ни возникали реальные проблемы для идеального общества коммунизма, важнейшее условие его жизнедеятельности состоит в том, что человек способен быть равным своей «целостности». Но если этого тождества нет, то человек в виде «недочеловека» становится причиной зла для Утопии.

В коммунистическом Марсе допускается насилие над неразвитым обществом людей. Один из умнейших марсиан, Стэрни, предлагал уничтожить земное человечество, поскольку на Марсе может не хватить сырья для производства материальной жизни. Его аргументы рассматривались как убедительные, но недостаточные, чтобы совершить уничтожение землян. Марсианский коммунизм как образец для подражания, соединяющий (по аналогии) человека с человечеством, не способен объединить человека с человечностью. Логика примечательная: «Высшей жизнью нельзя жертвовать ради низшей» [3, с. 123].

Нэтти, любовница Ленни, рассказала на собрании о своеобразии земного человечества, но она не обличала Стэрни в жестокости и расизме, что было бы уместно, она фактически соглашалась со Стэрни во всем, кроме одного пункта: «Если бы они (земляне. – А.Ю.) были совершенно похожи на нас во всем, кроме ситуации развития (! – А.Ю.), если бы они были тем, чем были наши предки в эпоху нашего капитализма, тогда

со Стэрни можно было бы согласиться: низшей ступенью стоит пожертвовать ради высшей, слабыми ради сильных» [3, с. 124].

Философия большевика Богданова и в романе, и в публицистике начала XX в. утверждала, что людьми с неразвитым чувством коллективизма можно жертвовать ради высоких целей человечества. А высшей целью является коммунизм. Эту мысль о жертве развивал и его единомышленник А.В. Луначарский. В недрах эмпириокритицизма формировалась матрица русской Утопии.

В 1904 г. Луначарский опубликовал статью «Жизнь и литература». В ней он признал глобальное столкновение двух мировоззрений – модернистского и позитивистского. Но изобразил это столкновение как драматург, вставив в полемическую статью придуманный фрагмент своеобразной пьесы, где Доктор (позитивист) – защитник интересов человечества, а Некто (модернист) – защитник интересов и прав личности. На хирургическом столе – болеющее тело человечества...

Н(екто). О, доктор, плачьте же, плачьте, по крайней мере, над жизнью тех клеток, которые вы разрушаете. Разве вы не собираетесь пустить в ход метод, подобный самой болезни, не собираетесь ли вы разрушить высокоразвитые маленькие организмы, мускульные, нервные клетки, внося смерть вашим ножом!

Д(октор). Ну, они все равно умерли бы рано или поздно. В этом разлагающемся теле им предстоит гнилое полусуществование. Пусть умрут некоторые из них, но останется жить целое. Ведь если умрет целое, то уж ничего нельзя будет спасти. Здесь можно достигнуть здоровья только путем жертвы. Дело очень просто: у нас нет выбора!

Н(екто). Вы готовы бы были точно также пожертвовать отдельными людьми ради целого человечества?

Д(октор). Не колеблясь. Я жертвовал бы неудачными индивидами, жизнь которых все равно осуждена быть прозябанием, если не мукою, – возможности роскошного расцвета жизни.

Н(екто). Но личность, личность?! Ведь она живет только один раз?!

Д(октор). Тем хуже для такой личности...

Н(екто). Но где гарантии, доктор? Где гарантии?

Д(октор). Их нет [7, с. 266–267].

Если в мире по-прежнему господствует человек «падший», а власть в государстве, в силу совершившейся революции, принадлежит пролетариату, его диктатуре, то вина неурядиц в непостроении коммунизма ложится на человека «падшего».

«Чистка» в СССР была не только аппаратная, но и человеческая. Утопизм сознания грозил террором всякому за его неразвитость, неспособность утолить жажду завершения мировой истории коллективистским образом жизни.

Даже в выдуманном мире марсианского благополучия у писателя не получилось изобразить то, к чему стремилась большевистская душа, жаждущая коммунистического самоуправления. Невозможность получить желаемого стала травмой утопического сознания. Такой травмой была и чистка государственного аппарата в СССР, при которой открывалась правда неколлективистского человека, – он не выражал собой идею, что «труд – естественная потребность». Он, в отличие от марсиан, не был заинтересован в марсианском стимуле развития. История чистки полна огромным количеством примеров, когда те или иные научные изобретения забывались при первой же возможности – рабочие бригады находили их в архивах, а иногда и на помойках.

Одним из проявлений травмы неосуществимой мечты было острое желание найти «вредителей» [17, с.480–494]. В утопическом сознании они были повсюду, везде, они не разделяют коллективистского идеала. Ко всему, что противоречило этому идеалу, применялось единственное средство – насилие, изначально заложенное в ядре социальной Утопии.

(Окончание следует)

Библиографический список

1. ЦГА Москвы. Ф.П-388. Оп.1. Д.49.
2. Анфертьев И.А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП (б) – ВКП (б) как инструменты борьбы за власть: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.
3. Богданов А. Красная звезда (Утопия). СПб.: «Т-во Художественной Печати», 1908. 155 с.
4. Богданов А. Собрание человека // Правда. 1904. №4. С.158–175.
5. Булюлина Е.В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. Т.25, №3. С.21–30.
6. Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: Основные комплексы источников, их анализ и значение: дисс. ... кандидата ист. наук. М.: Институт Российской истории Российской Академии наук, 2014. 179 с.
7. Луначарский А. Жизнь и литература // Правда. 1904. №11. С.217–238.

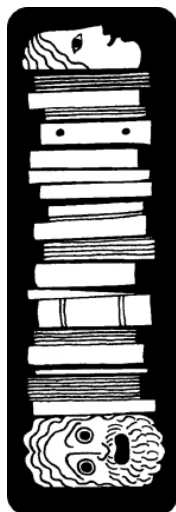
8. Мишурис А. РКИ за работой по улучшению госаппарата. Крымское государственное издательство, 1930. 57 с.
9. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачения и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 397 с.
10. Петерс Я. О чистке советского аппарата. М.; Л., «Московский рабочий», 1929. 95 с.
11. Петерс Я. Чистка соваппарата и контроль масс. М.; Л.: «Государственное издательство», 1930. 47 с.
12. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Издательский дом «Мир истории», 2003. 296 с.
13. Шкловский Г., Челяпов Н., Хаевский М. Чистка как метод борьбы за пролетарский аппарат. М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1932. 185 с.
14. Юрганов А.Л. Судьба русского модернизма: Жизнь и творчество Марка Криницкого. – М.: РГГУ, 2019. 786 с.
15. Юрганов А.Л. Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 219 с.
16. Юрганов А.Л. В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х – начале 30- годов. – М.; СПб. Центр гуманитарных инициатив, 2022. 494 с.
17. Юрганов А.Л. О первоначальной редакции пьесы «Страх» сталинского драматурга Александра Афиногенова. 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. №2. С.480–494.

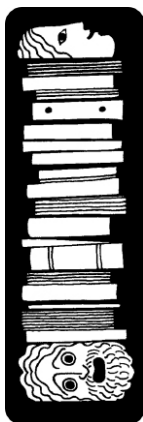
Хорошее в человеке
приходится проектировать,
и педагог это обязан делать...

А. С. Макаренко

Годы учат многому,
чего дни и не знают.

Ральф Эмерсон

Олег Волобуев

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
КРЫМПЕДИНСТИТУТА.
СИМФЕРОПОЛЬ.**

АВГУСТ 1965 – ИЮЛЬ 1972

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

929

Автор, в прошлом молодой преподаватель кафедры всеобщей истории Крымского педагогического института, излагает опыт профессионального становления и свое видение жизни историко-филологического факультета. Широко используется такой источник, как воспоминания студентов-историков той поры. Из фигурирующих сюжетов выделим три. Первый – студенты на сельскохозяйственных работах. Второй – общественные и групповые настроения в студенческой среде в брежневское время и борьба органов государственной безопасности с инакомыслием. Третий – решение коллегии Министерства просвещения УССР о тематике и содержании первоначального замысла докторской диссертации автора («Меньшевистская историография в России»).

The author, a former young lecturer at the Department of General History of the Crimean Pedagogical Institute, shares his experience of professional development and his vision of life at the Faculty of History and Philology. The author widely uses the memoirs of history students of that time. Of the featured stories, we will highlight three. The first is students doing agricultural work. The second is public and group sentiments among students during the Brezhnev era and the fight of state security agencies against dissent. The third is the decision of the board of the Ministry of Education of the Ukrainian SSR on the subject matter and content of the original plan of the author's doctoral dissertation («Menshevik Historiography in Russia»).

Ключевые слова: Крымский педагогический институт; историко-филологический факультет; преподаватели; студенты; формирование личности преподавателя; инакомыслие; С.А.Секиринский.

Key words: Crimean Pedagogical Institute; Faculty of History and Philology; teachers; students; formation of the teacher's personality; dissenters; S.A.Sekirinsky.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

^{*} Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2021. №2, 5–6; 2022. №2 ,3, 4; 2023. №1, 2, 5.

**От старшего преподавателя
до доцента**

После окончания учебы в аспирантуре я (уже с авторефератом кандидатской диссертации) был зачислен старшим преподавателем кафедры

всеобщей истории Крымпединститута. Основным моим учебным предметом стала методика преподавания истории. На первых порах пришлось много времени уделять разработке лекционного курса. Конечно, нужно было вводить студентов в круг тех актуальных и дискуссионных вопросов, которые волновали методистов-историков и учителей. Но при этом я часто недооценивал значение практических рекомендаций. Оценка моего курса студенческой аудиторией была неожиданно для меня дана в шуточных, отразивших его содержательную направленность, стихотворных строках двух студентов – Валерия Носатова и Бориса Балашова. Оба они поступили в институт, демобилизовавшись из армии, и ответственно относились к учебе и будущей специальности. В дальнейшем Валерий Тимофеевич Носатов стал кандидатом психологических наук и деканом одного из гуманитарных факультетов.

Итак, представляю оценку этими студентами стараний молодого вузовского преподавателя.

**Авторитетное методическое
слово студентов Носатова
и Балашова**

Сквозь методическую призму
Смотри на эти афоризмы.
Урок без целевой установки
Все равно, что солдат без винтовки.
Чтоб дети знали историю мира,
Их познавательность активизируй.
Оборудованию на уроке важное место
Такое же, как в праздничном меню – тесту.
Каждый ученик за каждой партой
Должен работать с картиной и картой.

У нас такое мнение:
Главное – изложение и закрепление.
Чтоб ученики работали, как осы,

Задавай побольше вопросов.
Чтоб заинтересовать класс,
Применяй сюжетный рассказ.
Чтоб урок эффект имел,
Используй доску и мел.
Чтоб историю знал и стар и млад,
Опрашивай пройденный материал.

На уроке говори ясно и четко,
Как будто пляшешь чечетку.
Не применяй розг –
Активизируй мозг.
Перед классом не моргай глазом.
Перед вопросом не шмыгай носом.
За наглядностью надо гнаться:
Создавай схемы и аппликации.

На уроке нужен Гомер,
Только ты его не уродуй.
От удовольствия щеки в румянце,
Если читаешь Карцова.
Восхищаться не спеши до поры,
Если читаешь статью Горы.
Приятней консервов из сайры
Статья методиста Дайри.
Если не можешь организовать вечер,
В школе тебе делать просто нечего.
Готовясь к педагогической жизни,
Запомни эти афоризмы.

В те годы ориентация на активизацию познавательной деятельности учащихся (о которой не раз упоминается в афоризмах) начинала маячить в виде педагогических рекомендаций, но еще не воплотилась в установках Министерств просвещения СССР и союзных республик. Это произошло позже, в 1970-х гг. Я уделял внимание такой дидактической направленности лекций и практических занятий без оглядки на моду или рекомендации с высокой административной крыши. Просто видел в этом путь к преодолению зубрежки и схематизма, которые преобладали в преподавании истории в школе.

Названные в поэтических афоризмах авторы Г.И.Годер, П.В.Гора, Н.Г.Дайри, В.Г.Карцов – известные в то время методисты-историки. Не могу не упомянуть еще в числе авторов, начавших разрабатывать тематику проблемно-познавательных заданий для учащихся, И.Я.Лернера [1], официального оппонента по моей кандидатской диссертации и замечательного педагога, в дальнейшем академика Академии педагогических наук СССР (с 1992 г. – РАО).

В своей педагогической работе я постоянно старался активизировать познавательную деятельность учащихся. Преподавая в школе рабочей молодежи, часто приходил на урок с документальными хрестоматиями и комментировал тексты источников с привлечением в ряде случаев к обсуждению самих учащихся. В дальнейшем написал в соавторстве с К.К.Когонашвили несколько статей по этой тематике [см., напр.: 7].

Учебный курс за несколько лет был устно и письменно отработан. Однако на втором году моей работы произошел у меня из-за двоих студентов неприятный конфликт с деканом факультета Вероникой Николаевной Кулипановой, уважаемым преподавателем, участницей партизанского движения в Крыму. Я был резок и не во всем прав в своих претензиях к деканату, но агрессивное по отношению ко мне (я повода не давал) поведение пары студентов, один из которых был сыном крымского партийного босса, сказывалось на ходе лекций и раздражало. Зато до и после со всеми остальными студенческими группами я был не то что в ладу, а даже во взаимном расположении. В выступлении по телевидению экс-министр культуры, известный телеведущий и опытный лектор М.Е.Швыдкой признался, что как-то ему попался курс, с которым у него так и не установился контакт. Так что, как ни старайся, но конфликтов избежать в общении с людьми, включая и учеников, трудно. Надо, однако, стремиться к тому, чтобы конфликты носили характер единичных случаев и не влияли на учебный и производственный процесс.

Прошло несколько лет, и мне поручили читать еще один учебный курс – Новую историю стран Востока. Не помню только до или после годовичного преподавания этого курса я был направлен на повышение квалификации в Киевский университет. В университете меня прикрепляли стажером к доценту З.А.Энольскому. Зелик Афроимович, 1902 года рождения, участник Великой Отечественной войны, был автором ряда пособий по Новой истории стран Востока, выходивших для студентов на украинском языке. Больше всего его интересовали Ближний Восток и Южная Азия. У меня сложилось впечатление, что специального востоковедческого образования у Энольского не было, но он имел авторитет

как автор ряда учебных пособий. Некоторые написаны З.А.Энольским в соавторстве с профессором Львовского университета Романом Михайловичем Бродским, специалистом по международным отношениям на Дальнем Востоке [см., напр.: 2; 10]. По рекомендации Энольского, я съездил в Львовский университет и познакомился с профессором Бродским. Особенно мои знания эта краткая встреча не обогатила, зато город мне понравился. Это был первый увиденный мной город западноевропейского образца. До этого я был знаком с западноевропейской архитектурой только по книгам и альбомам. Произвели впечатление на меня и сам город, и львовское кладбище с его памятниками и склепами.

Общая картина вырисовывалась такая: история стран Азии и Африки периода Нового времени не имела на Украине исследовательских и педагогических кадров высокого уровня. Лучше дело обстояло со средневековой историей стран Востока: арабистов-историков, например, мог готовить Харьковский университет. Вывод, который я сделал, был прост: главное – самообразование и самоанализ опыта. Педагогический опыт мало зависит от специализации в профессиональной рамке «история» (за исключением таких учебных дисциплин, как, например, археология). В дальнейшем, в 1970-х гг., я в соавторстве написал рецензию на учебное пособие Р.М.Бродского и З.Н.Энольского [8] и статью (проблемный обзор публикаций по новейшей истории) в журнале «Народы Азии и Африки» [9]. На этом мой опыт преподавания Новой истории стран Востока и закончился.

Этот учебный курс я больше не вел, но интерес к Новой истории Востока и к восточным цивилизациям у меня остался. Крепче всего я прилип к истории и культуре Китая и Японии благодаря раннему знакомству с китайской и японской поэзией и в целом с восточной литературой. Японская поэзия врезалась в память колдовской силой образов-символов, невыразимой тонкостью ощущений и вместе с тем графической четкостью стихотворчества. Все это передалось и современной японской прозе, начиная с новелл в исповедальной «Жизни идиота» Акутагава Рюноскэ. В этом отношении китайская современная литература отстает в своем развитии в отличие от рвущегося вверх дальневосточного кинематографа, включая и его корейский вариант. Не менее интересен для меня оказался и модернизационный процесс для всех стран дальневосточного цивилизационного круга, который не перестает ставить проблемы конкретно-исторической интерпретации путей к современному обществу. Они начинаются уже с противоречивой характеристики первого «японского чуда» поразительно успешного периода Мэйдзи (обнов-

ления), который одни историки трактуют только как реформаторскую политику, а другие как революцию. Начавшаяся с этих преобразований «эпоха войн и революций» породила азиатско-тихоокеанских «драконов», включая самую последнюю их поросль – Вьетнам, Таиланд, Малайзию, Индонезию.

У меня есть отзывы студентов о моем преподавании. Это прежде всего воспоминания Сергея Кулешова, ставшего в Москве моим соавтором и другом. В юбилейном сборнике, посвященном моему 70-летию, он писал: «На следующий год этот же почти по-мальчишески молодой доцент читает нам учебный курс по Новой истории стран Востока. Читал, помнится, добротнo, обстоятельно, как он это делал все, что приходилось, но кумиром душ не стал. И вряд ли мог стать тогда. Во-первых, лекции его были густо насыщены фактографическим материалом, а теоретические сюжеты требовали вдумчивости и прилежания. И не по причине низкого IQ присутствующих. Наоборот (и это отмечал сам Олег Владимирович), состав подобрался сильный. Но вектор интересов был другой» [17, с. 14].

Со временем Сергей Анатольевич Секиринский поручил мне, молодому преподавателю, вести спецкурс по историографии. Тему спецкурса я выбрал сам и приступил к ее разработке. Это были персоналии видных историков последних десятилетий XIX – начала XX века. В спецкурс включались наиболее известные ученые, занимавшиеся как российской, так и всеобщей историей. Первоначально спецкурс состоял из четырех персоналий: русскую историю представляли В.О.Ключевский и его ученик Н.А.Рожков, всеобщую – М.М.Ковалевский и Н.И.Кареев. Рожков был предметом исследования в моей кандидатской диссертации, а Кареев – в диссертации моего сокурсника по аспирантуре В.П.Золотарева [см. о нем: 19]. Спецкурс был воспринят студентами с интересом. Уже будучи в Москве, я выступил на научной конференции в Смоленске с докладом «Из опыта чтения специального курса "Русские историки периода империализма"» [5].

Последний раз я встречался в Симферополе с бывшими студентами Крымпединститута в 2018 г. Это был выпуск 1969 г. Если бы встреча состоялась годом позже, то можно было бы отметить полувековой юбилей окончания вуза. Мы собрались в Доме-музее Ильи Сельвинского. Мне было приятно, что в Симферополе появился Дом-музей поэта, стихотворное мастерство которого ценю. Запомнилось его стихотворение «Человек выше своей судьбы». Название – прекрасный афоризм, и ко многим людям, упоминаемым в моем мемуаре, подходит.

Главное здание Крымского педагогического института
(ныне – Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского)

Директором Дома-музея тогда была выпускница нашего вуза Людмила Еремина (ныне Дайнеко). Ее отец преподавал политэкономию в пед-институте. Я слушал его лекции, с разложенными по полочкам категориями и понятиями политэкономии. Но, признаюсь, догматическая политэкономия (особенно социализма) была мне не по душе. Дайнеко-Еремина вложила много труда и забот в создание (и строительные работы) Дома-музея вместе с падчерицей поэта, Цецилией, и его дочерью, Татьяной.

Собравшиеся на встречу бывшие студенты преподнесли мне (со своими дарственными подписями) юбилейную книгу об историческом факультета, посвященную 100-летию нашей альма-матер. Подписей было шесть: Кокошкина, Мазуркевич, Васина, Фортунатова, Кожекин, Дайнеко.

Но вернусь к педагогической деятельности. Я быстро продвигался по служебной лестнице. Зачислен был на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории 25 августа 1965 г. А в июле 1969 г. был утвержден в звании доцента по кафедре всеобщей истории. Т.е. достиг этого звания через четыре года работы. Хотя в дальнейшем мне

пришлось вести научную работу по истории России, знания по всеобщей истории очень расширили мое понимание исторического процесса. Они мнегодились в дальнейшем, когда я принял участие в подготовке учебников по школьным курсам «Россия и мир» / «Россия в мире» и «Всеобщая история»¹.

Окружение

Твое окружение – это прежде всего люди. У Евгения Евтушенко есть великое, но не очень памятное для многих стихотворение «Людей неинтересных в мире нет...». Прочитирую его последние четверостишия:

Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?

Что знаем мы про братьев, про друзей,
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная все, не знаем ничего.

Уходят люди... Их не возратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать.

Да, уходят люди, и хочется «от этой невозвратности кричать». Но на то даны человеку письмена, чтобы запечатлеть хотя бы на время, хотя бы штрихами тех людей, которых ты знал. Мемуарный жанр – наиболее подходящий для этого.

И я стараюсь восстановить то, что удержалось в моей памяти и отчасти уже содержится в опубликованных очерках. Тайные миры чувств и мыслей человеческих, конечно, непостижимы для окружающих, но какими-то чертами своей индивидуальности все встреченные на длинном жизненном пути – и близкие тебе по духу, и далекие по несовпадению

¹ Учебник «Россия и мир» для 10 и 11 класса издавался с 2001 по 2014 годы, а после переименования (новое название – «Россия в мире») дожил до 2023 г.

натур, мелькнувшие как падающие звезды и надолго задержавшиеся в твоей судьбе, – достойны Памяти.

И да простят мне те, кого я забыл...

Окружение в институте/университете – это преподаватели и студенты. Одних ты со временем забываешь, других помнишь долго. И это естественно. Помнишь тех, с кем общался не только в вузе, но и после.

Сергей Анатольевич Секиринский

Кафедра всеобщей истории была невелика. Заведовал кафедрой Сергей Анатольевич Секиринский, медиевист (по кандидатской диссертации), в те годы завершавший докторскую диссертацию «Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в 1873–1917 гг.» (защищена в 1975 г.). Он был замечательным и эрудированным лектором и внимательным к преподавателям кафедры и студентам человеком. Историю Древнего мира вел выпускник МГУ В.А. Коростелин, Нового времени – Е.А. Ненастьева и З.Н. Иванова, Новейшего – Г.С. Бабичев. Все преподаватели кафедры относились друг к другу уважительно и заботливо. Это был сплоченный преподавательский коллектив любящих свое дело людей. Организационной и интеллектуальной осью, его душой являлся интеллигентный Сергей Анатольевич. И он же, единственный, стал для меня наиболее близким по совпадению натур человеком². Сер-

² Подробнее о Сергее Анатольевиче Секиринском см.: [4, с. 7–22].

гей Анатолевич был склонен к теоретическому осмыслению прошлого. Он вел на факультете философский семинар, где рассматривались такие вопросы, как переход от доклассового общества к классовому, генезис феодализма, закономерности развития капиталистического общества и переход к социализму.

Немного о характеристике студенческого коллектива. Состав студенчества дневного отделения очень изменился со времен моей учебы в пединституте. Не было, как в 1950-е годы, особо возрастных. Самые старшие – это отслужившие в армии (в основном, два года). Вторая группа – это школьные комсомольские активисты. Вместе они – костяк и опора общественной студенческой жизни в начальные годы брежневской поры. Сказывалась на их формировании и специфика крымской курортной жизни, знакомство с молодежью из разных городов советской страны, прежде всего таких, как Москва, Ленинград, Киев, Днепрпетровск, Харьков. Но самое главное – это XX съезд КПСС со всеми его последствиями.

Студенты на уборке урожая

Ближе всего общаться со студентами приходилось на ежегодных выездах на сельскохозяйственные работы. Мое знакомство со студенческой

братией (группа, спаянная общим делом, учебой) началось сразу же после зачисления на работу. Сентябрь – время уборки урожая, время обязательных общественных студенческих полевых работ в помощь колхозам. Меня прикрепили к группе старшекурсников, будущих выпускников, в качестве куратора. Село, в котором находились студенты, было расположено в бывшем Фрайдорфском еврейском национальном районе (в ноябре 1941 г. все евреи этого района были уничтожены оккупантами). Меня определили на постой (поселили) к вернувшемуся в свои родные места (скорее всего, он в годы войны служил в Красной армии) пожилому человеку. Замечу, что кормили студентов в этом колхозе (да и в других) просто, но вполне удовлетворительно: каши, супы и борщи, молочные продукты, овощи и фрукты. Хозяин, у которого я квартировал, был человеком благожелательным, старательным тружеником. У него были (в отличие от студентов) бросающиеся в глаза широкие и грубые мозолистые руки. Он служил наглядным примером для тех, кто представлял себе евреев в качестве только горожан. Израиль с его кибуцами поколебал этот миф, но не изжил окончательно.

Студенты-старшекурсники вели себя по отношению ко мне относительно независимо, но не позволяли себе панибратства. Их использовали в мою первую командировку на сельхозработы – не будем удивляться – на уборке хлопка. Хлопок был низкорослый и неказистый, собирать его было трудновато. «Увлечение хлопком» в Крыму экономически было невыгодным и шло сверху, по партийно-бюрократическим каналам.

Был я куратором и других подобных групп, в частности, тех, в которых студенческие коллективы возглавляли официально (комиссары) и порой нелегально сами студенты, ставшие для меня «своими» в дальнейшей жизни. Это – коллега и соавтор Сергей Кулешов и крымский политолог (тогда комиссар) Александр Форманчук. Их воспоминания я использую в этом очерке.

Не могу не написать об одном инциденте, который произошел со студенческой группой, направленной на сельхозработы в село Краснолесье (прежнее название – Тавель), расположенное недалеко от горы Чатырдаг, Краснолесье – чрезвычайно живописное место с озером – славилось, в частности, своими табачными плантациями. Студенты работали на сборе табака (ломка листьев), который там же нанизывали на стальные прутья, напоминающие шампуры для шашлыков, и сушили под навесами. Отношения со студентами у меня были хорошие. Спустя две недели студенты запросились «на помывку» домой, в Симферополь, транспортная связь с которым была регулярной по трассе, ведущей в Алушту. Договорились, что в понедельник все будут на работе. Но случилось непредвиденное. В воскресенье в Симферополе меня оповестили, что с утра я должен быть, не помню, то ли в парткоме, то ли в ректорате института. Когда шел по институтскому коридору, то обратил внимание, что встречающие коллеги как-то странно на меня смотрят. Скоро выяснилась причина: в воскресенье в селе произошла серьезная драка между студентами и местными парнями и, понятно, что я должен нести ответственность за этот инцидент, так как самовольно отпустил студентов и тоже уехал в Симферополь.

Далее предоставляю слово Сергею Кулешову, который был не только участником этих событий, но являлся инициатором возвращения небольшой компании студентов в Краснолесье: «Одна поездка в колхоз... закончилась грандиозной дракой с местными парнями. Естественно, все были под градусом, но они под большим. И потери понесли более значительные. А поскольку среди пострадавших был солдат срочной службы, приехавший в отпуск, то делом занялась военная прокуратура. Началось хождение по судебным кабинетам. И здесь О.В. Волобуев

проявил качества, которые мы, признаться, не ожидали увидеть от человека, казавшегося нам абсолютно книжным и увлеченным сугубо историей. Он же показал себя хорошо знающим жизнь в ее разных аспектах, понимающим психологию различных, как бы сейчас сказали, социальных и профессиональных групп. Во многом благодаря его усилиям дело для нас закончилось благополучно. Волобуев для нас стал "своим", "настоящим мужиком"» [16, с. 15–16]. Позволю себе несколько комментариев. Драка, по Кулешову, все же не была грандиозной ни по количеству участников, ни по числу пострадавших. Я, естественно, старался выручить студентов из неприятной ситуации, хотя на суде не был (не свидетель), но мне было жаль солдата (помнится, у него была фамилия Феодориди), получившего отпуск в поощрение за хорошую службу. Возможно, сломанную челюсть студента на него все-таки повесили.

**Студенты: молодежное
инакомыслие на рубеже
1960–1970-х гг.**

Отправная точка для воспоминаний и рассуждений на эту тему – инакомыслие как общественное явление и его сущность и формы в студенческой среде.

Приведу одно из толкований этого термина (из Интернета): «Инакомыслие – понятие, которое пронизывает историю человечества, вызывая дебаты, споры и иногда даже конфликты. Это качество, которое выражает отличие в мнениях, взглядах и убеждениях. Инакомыслие играет важную роль в формировании общественных и культурных ценностей, а также в развитии личности» [15]. Студенческая среда – время формирования личности молодых людей. Они вырываются из-под опеки родителей и школы, попадают в поле эмансипации и реактивного развития личности. Вуз – не просто высшая школа профессиональных знаний, но и место социальной ориентации молодых людей. А всякая социальная ориентация требует поиска общественной опоры. Отсюда индивидуальный поиск и проверка себя и своих взглядов неизбежно приводит к групповой консолидации инакомыслящих. Возникают группы «понимающих друг друга», которые, как правило, не во всем разделяют доминирующие и поддерживающиеся правящей политической элитой «установки, правила, призывы».

XX и XXII съезды КПСС разделили студентов на два лагеря – сталинисты-культовики и антисталинисты³. Среди последних, однако, следу-

³ Игорь Татаринцев вспоминает: «трехтомник стенограмм XXII съезда КПСС был для нас главной иконой в красном углу» (письмо О.В. Волобуеву от 12 июля 2025 г.). Он же предложил термин «культовики».

ет выделять тех, кто воспринял критику сталинизма, но сохранял при этом верность советским идеологическим установкам, и тех, кто шел дальше в размышлениях о реформировании общества. О них, радикалах по тому времени, я и поведу свое повествование. И прежде всего буду предоставлять слово самим студентам. Они ведь лучше ориентировались в настроениях студенческой среды. Их трое: Сергей Кулешов, Александр Форманчук, Александр Зарубин.

А.Форманчук так характеризует, с точки зрения состояния советского общества, время учебы в пединституте: «В среде интеллигенции еще не утихло движение "шестидесятников". Ведь нам еще никто официально не объявил о завершении хрущевской "оттепели", и мы по-прежнему верили в провозглашенные ею ценности искренне, считая себя приверженцами новых перемен. Студенты, как известно, во все времена выполняли функции самого чувствительного барометра общественных настроений и реакции на нежелательные изменения в государстве. На этот раз эти изменения связаны с наступлением в Советском Союзе политического периода, который можно назвать частичной реанимацией сталинизма, а точнее – неосталинизма» [22]. С.Кулешов, младше курсом, писал: «Конец 60-х годов. Наше поколение оказалось как бы модератором между поздними шестидесятниками и ранними семидесятниками. И соответственно соединило в себе наивный романтизм первых и "апофигейный" цинизм вторых» [16, с.14].

Культурный ландшафт студенческого бытия, ненасытно ищущего и не находящего интеллектуального и эмоционального пристанища, рисует А.Зарубин. «Что же объединяло или, скорее, с поправкой на индивидуальность, сближало нас? – вопрошает он. – Кого-то рок, длинноволосие, кого-то журнальные баталии и все, что за этим стояло. Стихотворчество и стихотворчество. Спиртное..., но не как цель, а как средство. Всех – книжная горячка, задерганное ныне словцо "нонконформизм", коим в ту пору козырял Лакшин⁴, бесконечные словесные посиделки и всякие духовные составляющие: от японской культуры до импрессионизма, от запретного Галича до "Артиста миманса"⁵. И, конечно же – полная, лейкоцитозная несовместимость с культом личности, как в те годы скупно именовался сталинизм. Она была крепкой, само собой разумеющимся. И лакмусовой бумажкой. Как и отвращение

⁴Лакшин В.Я. – литературный критик и ведущий публицист журнала «Новый мир».

⁵Артисты миманса – сокращение от выражения «мимический ансамбль» (группа артистов, участвующих в массовых сценах оперных и балетных постановок).

к "идейным" (кстати, почему тогда идейность так часто стала сопрягаться с тупоумием и не менее часто с карьеризмом?) дуракам» [12, с.14].

Итак, комментарий к высказываниям о студенческих увлечениях. «Кого-то рок, длинноволосие...» – это о западной музыке; «журнальные баталии и все что за этим стояло» – это отсылка к спорам о событиях в культурной жизни, которые, как правило, сопровождались обсуждением острых общественных проблем «текущего момента».

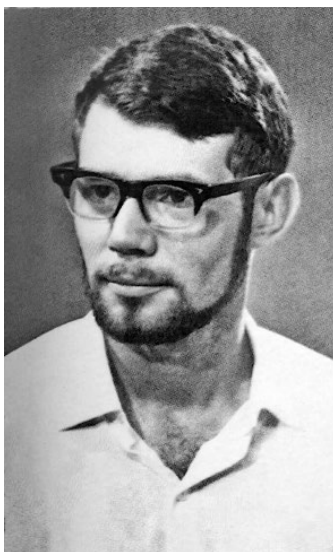
И, наконец, «стихотворчество». По этому пункту сошлемся еще и на Сергея Кулешова, писавшего о своем курсе: «... шел интенсивный процесс перекрестного писания и чтения поэтической продукции» [16, с.14]. Но то, что якобы (по словам Кулешова) «почти весь курс писал стихи» – это явное преувеличение. Я бы скорректировал: почти на каждом курсе кто-то писал стихи. Это были как бы эмоциональные выбросы, сопутствующие процессу становления личности. Впоследствии некоторые студенты (как Сергей Новиков, Виктор Зуев и Борис Кочерга) стали печатающимися поэтами. Из статьи А.Г.Зарубина и других авторов можно условно выяснить круг литературы, которая была популярной в наиболее образованной части студенчества. Среди авторов числились Аксенов, Стругацкие, Оруэлл, Платонов, Солженицын, Гашек, Ильф и Петров, Твардовский, Ахматова, Гумилев, Мандельштам⁶. Разумеется, этот круг можно многократно расширять.

Волны от литературных споров докатывались до вузовского и партийного руководства. О них упоминается и в юбилейной книге, посвященной 100-летию Крымского университета. Там, в частности, обращено внимание на то, что «диспут по книгам Василия Аксенова, организованный кафедрой русской литературы под руководством М.И.Новиковой, подвергся резкой критике на партсобрании и Ученом совете. Отмечалось, что некоторые студенты высказали "неправильные взгляды, сделали неправильные выводы, но ни товарищ Новикова, ни другие студенты не могли доказать и показать неправильность их суждений, и студенты разошлись, оставшись убежденными в своей правоте"» [21, с.70–71].

И снова – да простят меня – обращаюсь к очерку А.В.Зарубина. Он ценен (не говорю об эрудиции и талантливости автора) тем, что в нем даны портретные зарисовки студентов-авангардистов. Итак: «Игорь Та-

⁶Трое поэтов, замыкающих перечень, именовали себя «акмеистами». Интерес молодежи к акмеизму как литературному течению, думается, связан с заостренно-чувственным отношением к «вещной» стороне мира. Например, у Гумилева капитан, обнаружив бунт на корабле, «из-за пояса рвет пистолет так, что сыпется золото с кружев, с розовых брабантских манжет».

таринцев из Феодосии, успевший отяготиться известным жизненным опытом ("кровью харкал – социализм строил") и некими контактами на взрослом уровне. От него исходили мощные импульсы инакомыслия (новомирские страсти, письма Солженицына, "Реквием", "По праву памяти", "Наследники Сталина"). Миша Лачугин, тогда безалаберный, остроумный и презрительный ко всему "не нашему"... Как-то поочередно возникали и сгущались филологические фигуры: ялтинцы Сережа Новиков, ныне заметный поэт, Витя Зуев, окололитературная и околокиношная богема; евпаториец Женя Никифоров, уже поживший, солидный и рассудительный⁷. Затем истфак был осчастливлен исключенным из Ростовского университета за попытки разобраться в истории партии Сережей Кравченко... Он-то совместно с Зуевым, еще с Перзекке, преподавательским отпрыском, сколотил некое тайное сообщество. Кстати, традиция подобных деяний в нашем вузе наметилась ранее, еще в середине 60-х прошелестела с "нелегальщиной"» [12, с.160]⁸.

Александр Форманчук – комиссар крымского объединенного стройотряда. 1968 г.

⁷ См.: [18]. В этом фантастическом по сюжету романе события разворачиваются в 1970-е гг., уже после окончания университета, в Ялте, Симферополе, Коктебеле. В нем фигурируют в качестве персонажей из упоминаемых в статье С. Новиков, А. Зарубин, В. Зуев. Умер Е. В. Никифоров в июле 2024 г.

⁸ Читавший черновой текст статьи Игорь Татаринцев заметил, что речь может идти лишь о дружеских связях, а не тайных обществах. Это верно с позиции здравого смысла,

А.А.Форманчук на презентации своей книги «Крымская власть (от Багрова к Аксенову)». 2021 г.

Заметим, традиция с 1960-х гг. А теперь вернемся к А.Форманчуку. Форманчук пишет, что его «... легко вовлекли в одну, на первый взгляд безобидную студенческую авантюру. Вовлекли мои однокурсники Дима Секиринский и Анатолий Кожекин. Вместе со своими друзьями детства, которые к тому времени учились на других факультетах пединститута – Виктором Лебедевым и Евгением Маликовым. Первый осваивал английский на факультете романо-германской филологии, а второй мечтал стать учителем русского языка и литературы. <...> Хотя по большому счету никакого "заговора" и не было. Это больше напоминало игру в "революционных заговорщиков", которые, хлебнув хрущевской оттепели, достаточно прохладно встретили приход на кремлевский олимп консерватора Леонида Брежнева. Дима Секиринский уже перевелся в МГУ, на исторический факультет, и привозил в Симферополь различную самиздатовскую литературу. В том числе и письма академика Сахарова...» [22, с.22, 23].

Форманчук описывает проведенную КГБ «операцию» по раскрытию «заговора» неблагоденственных студентов. «До сего времени не знаю, кто нас "сдал", но в ноябре 1967 года всех членов студенческой заговорщической организации за двое суток, как цыплят, собрали под крышей управления КГБ по Крымской области, расположенного на уютном

но ведь надо учитывать информационную реальность тех лет, в формировании которой особая роль принадлежала как партийно-государственным органам, так и слухам.

бульваре Франко...». С растерянными ребятами провел перекрестный допрос подполковник Павленко и следователи его отдела. «Результатом этих допросов, – вспоминает Форманчук, – стало наше собственное чистосердечное "признание" в том, что мы осознанно создали "разветвленную студенческую антисоветскую организацию с целью свержения советского общественного строя". Не больше и не меньше. В один миг по "прихоти" бдительного начальника отдела КГБ мы превратились в злостных антисоветчиков-заговорщиков». Главными заговорщиками были назначены Дима Секиринский и Саша Форманчук, заметная фигура в институтской комсомольской организации. По словам последнего, ему вменялось в вину то, что он «как бы "целенаправленно" проник в комитет комсомола института, чтобы сделать головокружительную карьеру и занять в огромной стране должность "министра внутренних дел"». «Все попытки студентов убедить подполковника в том, что они не антисоветчики и желали лишь "улучшения советского строя", воспринимались как отговорки, – заключал Форманчук. – Их признания в этом не могли быть услышаны. Заранее "контролеры умов" были нацелены на другое. На усиление вины и масштабов злостного "заговора". Ведь о нем предстояло докладывать более высокому начальству» [22, с.28].

В МГУ поступили с Димой Секиринским быстро и решительно⁹. Он был исключен и направлен в армию. Однако заместитель начальника Крымского КГБ, прежде чем принимать окончательное решение, решил провести обсуждение с приглашением руководства пединститута и отцов «заговорщиков». В мотивы «почему» не стану вторгаться. «Первым взял слово ректор Александр Федорович Переход, – вспоминает Форманчук. – Он хорошо понял азбуку сталинизма и знал, что такая «вина» заслуживает сурового наказания. Но, очевидно, он усвоил и другое: **те времена ушли. Или должны уйти окончательно**. Поэтому убежденный сединами ректор сказал, что коллектив института вполне способен воспитать этих "заблудших овец" и вернуть их на путь истинный. Это выступление выглядело несколько неожиданно, и все ждали продолжения» [22, с.30]. Вслед за ректором выступил секретарь парткома Николай Васильевич Багров. Как замечает Форманчук, «тогда все происходило, словно в тумане. Хотя голос молодого парторга звучал страстно и как-то по-особому аргументированно» [22, с.31]. Позицию Багрова воспроизвела и секретарь вузовского комитета комсомола Марина Арефьева. В заключение полковник Беляков заявил, что так тому

⁹ В МГУ помнили о деле «молодых историков» (группа Л.Краснопевцева – Л.Ренделя) 1957–1958 гг.

и быть, выразив надежду, что ходатайство руководства Института будет оценено признавшими вину студентами. Был 1967-й год и кто знает, как повернулось бы дело, если бы оно рассматривалась в 1968 году...

Прошло всего три года после первого удара по студенческому вольномыслию и инакомыслию в провинциальном педагогическом институте, и подобная история повторилась, но уже в более суровом варианте. «На дворе стояли 71–72-й годы, – вспоминает Зарубин. – Наш пред– и последний курс Симферопольского пединститута (с новой наклейкой – университет) Истфил только что, как инфузория, распавшийся на истфак и филфак, но еще скрепленный центростремительными силами» [12, с.159]. И наряду с этим внешним фоном внутренние процессы: «В лекции и семинары все чаще вставали дифирамбы Иосифу Виссарионовичу и его практике (иногда у философа Енина, никогда у Волобуева, что терроризировал нас методикой преподавания истории и был зело уважаем и за террор, и за ум, и за принципиальность, никогда у Ненастьева и Ивановой, что вкладывали в нас Новую историю); комсомольские собрания под водительством вождей типа спящего с Марксом, но не с его диалектикой, Островского – все чаще срывались на истерику об обострении классовой, простите, идеологической борьбы; трое "демократов"¹⁰, как они сами себя называли – Татаринцев, Лачугин, Зарубин – в наказание за самобытность удостоились неудов по политэкономии, где, да еще, пожалуй, на научном коммунизме – естественно, ... осели самые тугие сталинисты. Между прочим, отвечая по научному (??) коммунизму (??) ни в коем разе, – ибо санкции, – нельзя было употреблять краткое "Брежнев"...». Пишет Зарубин и о реакции противодействия факультетскому и вузовскому вразумлению инакомыслящих: «Муторно это было. А действие рождало противодействие. "Но суть не в малых перегибах, когда великий перелом", – саркастически вразумлял Твардовским очередного сталинизирующего доцента Татаринцев. Следовала трясушка в деканате, парткоме и т.д. И вразумления пополам с угрозами. И даже тех из нас, кто постарше, отличала безбрежная (–брежневая) наивность и бесшабашность. Разумные предостережения (того же Волобуева) падали в пустоту» [12, с.161].

Откровенно говоря, я не помню, какие предостережения исходили из моих уст. Но не в этом дело. Дело в другом: уже тогда у самых стой-

¹⁰ Игорь Татаринцев утверждает, что не может припомнить хождения в студенческой среде применительно к той или иной ее группе термина «демократ». Может быть, он фигурировал в узком, замкнутом круге общения друзей или же это – экстраполяция перестроечного времени.

ких был потерян страх. Это фрондирование студентов отмечает Зарубин, и спустя десятилетия так оценивает их, тогдашних: «Вздохом угнетенной твари назвал бы я сие выкобенивание сейчас. Барахтанием на волнорезе тоталитарного и авторитарного режимов. По всей видимости, это был обязательный этап, как ответ на приближавшийся сверху пресс. Или маятник (см.: Эдгар По). Тем паче, что этот этап был духовно – хотя и ущербно – насыщен, идейно и морально (какие звучные слова) обоснован. Все более эволюционировавшая в абсурд действительность предопределяла абсурдность поведения» [12, с.164].

О финале «выкобенивания» услышим тот же голос Зарубина: «А был еще и коллективный – отметился почти весь курс, что кое-кому из числа далеких позднее вышло боком – протест против присутствия советских войск в Чехословакии, были тошнотворные комсобрания, где и лес рубили, и щепки летели... Было, наконец, чистилище, т.е. здание на бульваре Ив.Франко, где благополучно осели наши послания. Да и поныне, наверное, там пребывать изволят. Вспоминаю, там для начала мило предупредили, что у нас не 37-й и пыток – спасибо! – не предвидится и что никого из вуза они (их прерогатива!) исключать не собираются. Но лучше рассказать все» [12, с.166].

Нравоучительные беседы проводил в КГБ, как и раньше, Павленко. И о следственном процессе пишет наш рассказчик: «Итак, знакомство с "миром державным", воистину ребячливое, прояснило все-таки некоторые его затвердевшие составляющие: балансирование между кнутом и пряником, философию отвертки и винта – хочу, верчу туда, хочу, верчу сюда, на моей стороне свобода действий, на твоей "огуречик, не ходи на тот кончик", страх, который я тебе внушу, и надежда на лучший исход, который я могу, если пожелаю, внушить тоже. Взяли подписку о неразглашении». И, наконец, судимый о судилище: «Сценарий отшлифован – сколько их было по стране? Где историк, подсчитающий? Хотя содержание обвинительных выкладок можно предсказать заранее: обороты, резюме и т.д., пролонгация "Краткого курса". С поправкой на либеральное время» [12, с.167].

Далее Зарубиным цитируется заказная пропагандистская книжонка с броским названием «Визитеры из чужого мира» [20]. «Комсомольское собрание двух факультетов Симферопольского госуниверситета осудило поведение студентов Кравченко, Татаринцева и Новикова, которые размножали и распространяли среди соучеников порочные сочинения, а также пасквили Солженицына, Кузнецова и других отщепенцев. За проступки, порочащие звание советского студента, общее собрание

приняло решение просить ректорат вуза отчислить их из университета. Эта просьба была удовлетворена» [12, с.167–168].

Среди опальных упоминается и студент Кравченко, которого я лично помню, а он был не из компании Зарубина и Татаринцева. Дело с ним было посерьезнее. У него были не только слова, но и программа действий. Суть ее сводилась к активному участию и проникновению в комсомольские, партийные и государственные органы с задачей их обновления и реформирования партии и общества. Казалось бы, страшно для власти. Но смысл программы заключался в ином: сделать партию и державу более демократичными. С реально налаженной обратной связью управленческих структур с партийными и беспартийными массами. Короче, замысел «мыслепреступников» (использую оруэлловскую терминологию) укладывается в лозунги будущей политики Перестройки.

А теперь о будущем (то, что я знаю) некоторых бывших «заговорщиков». В 2021 г. в Крыму отмечали 75-летие известного общественного деятеля, председателя Общественной палаты автономной республики и политолога (призвание, по его словам) Александра Андреевича Форманчука. В связи с юбилеем у А. Форманчука было взято интервью, опубликованное в периодическом издании «Крымские известия», органе Госсовета республики [23]. В нем он вспоминает и свои студенческие, по молодости, искания и «прегрешения»: «В результате всей этой истории я не потерял веры в советский строй, наоборот, укрепился в ней, но мне было обидно, что меня признали в качестве "мыслящего иначе", и этот статус закрепился за мной на многие годы», «но я никогда не держал обиду на советскую действительность. Всегда принимал ее такой, какой она была. Мое диссидентское прошлое, казалось бы, позволяло пойти по "демократическому пути", набивать себе авторитет, прорываться на этой волне во власть, как делали другие. А я сделал наоборот. У меня было много возможностей войти во власть, но я не хотел и оставался около власти, определив себе роль аналитика, советника». Комментирую: «наоборот» – значит связать себя с обкомовской властью, неконсервативной (подтверждаю, будучи знаком с этим человеком) в лице секретаря обкома Н.В. Багрова (ученый по специальности «экономическая география»). Выбор Форманчука был обдуманным и оказался успешным. А его путь описан в обстоятельном трехтомнике «Крымская власть (от Багрова к Аксену)». Считаю, что Крыму повезло: у его новейшей истории оказался летописец.

Анатолий Георгиевич Кожекин, проходивший по следственному делу 1968 г. вместе с Форманчуком, стал кандидатом исторических наук

и доцентом Симферопольского университета. Последний раз я с ним встречался в 2018 г.

Особо выделю и одного из самых способных студентов – Александра Георгиевича Зарубина (1951–2003). В студенческие годы он бросался в глаза длинноволосьем, и своей одеждой, и всем своим обликом человека искусства. И действительно Александр Зарубин был разносторонне одаренным человеком: историком, поэтом, прозаиком, меломаном (рокоманом) и музыкальным критиком. Он защитил кандидатскую диссертацию по истории меньшевизма и был членом Союза русских, украинских и белорусских писателей. Как историк он вместе с братом Вячеславом написал основательную, вышедшую двумя изданиями (1997, 2008) монографию «Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму» (лучшее, с моей точки зрения, исследование по этой тематике) [см.: 13]. Как писатель Зарубин известен, в частности, своей фантастикой [см.: 11 и др.]. С ним у меня была нерегулярная переписка (когда он преподавал в Симферопольском и Кемеровском университетах). После смерти Александра я получил письмо от его жены из Кемерово, и в нем были такие слова: ушел любимый человек и «я потеряла собеседника».

О.В.Волобуев и И.Н.Татаринцев. «Встреча полжизни спустя». Феодосия, 24 июля 2012 г.

В 2012 г. я был проездом в Феодосии, и в этом древнем городе я быстро встретился с Игорем Татаринцевым. Отслуживши свой срок в армии, он окончил Симферопольский университет и стал инженером-геодезистом. Со временем – 27 лет спустя – мой бывший студент в очередной раз сменил профессию, занявшись журналистской деятельностью. Работал Татаринцев на разных должностях в городских газетах, писал статьи и очерки, в том числе по истории родного города. Мне он потом переслал фотографию, где мы запечатлены вдвоем, с подписью «Встреча полжизни спустя».

Не могу не сказать и о ялтинце Сергее Леонидовиче Новикове (1951–2002). Он одноклассник с Зарубиным, да и умерли они почти вровень. У Сергея был несомненный значительный поэтический талант. Его стихи печатались во многих популярных журналах московских («Новый мир», «Огонек») и киевских («Радуга»). Сергей – автор трех поэтических сборников. В книге Евгения Никифорова «Дом-музей» немало страниц отведено Сергею Новикову. Последний раз в Ялте я видел его на непозитической работе: выдающим курортникам газеты и журналы в читаль-

ном зале Приморского парка. И его все время тянуло на выпивку, как и ставшего кандидатом исторических наук Диму Секиринского. У тех, кто не в силах переносить (хрупкость нервов и шаткость опор) удары судьбы, алкоголь отбирает талант и жизнь.

Да, все студенты, попавшие в перечень инакомыслящих, несомненно, были способными людьми, а некоторые из них даже более чем. Несмотря на «подозрения» и «ограничения», они в послевузовской жизни доказали свои возможности. И «полиция мыслей» (опять использую оруэлловскую терминологию), к счастью, не смогла полностью разрушить их будущее.

Завершу свое повествование констатацией очевидного: инакомыслие – необходимое условие и импульс социокультурной динамики и развития. Свободная мысль, рождающаяся в раздумьях и спорах, расчищает путь к пониманию ошибок и заблуждений, и она же способствует становлению творческой инициативы.

Научный поиск и исследовательская инициатива

Передо мной как начинающим вузовским преподавателем стояло две задачи. Первая – проявить публикационную активность для получения

звания доцента. Вторая – заняться поиском докторской диссертационной темы.

С решением первой было проще. В соавторстве у меня вышло два пособия для учителей – художественно-исторические хрестоматии (в 1965 [24] и 1968 [14] гг.). И по той же тематике – рецензия на аналогичную хрестоматию по Новой истории видного методиста А.А.Вагина.

Так обозначилась тема для размышлений о докторской диссертации – художественная литература как исторический источник. Она была мне интересна и близка. Но Сергей Анатольевич Секиринский отговорил, ссылаясь на ее необычность и неизбежные трудности с защитой. А жаль: мне надо было не просто говорить о теме, а подготовить ее серьезное историографическое и источниковедческое обоснование.

Оставался другой путь для поиска: историографический. В этом смысле я был подготовлен предшествующей работой над кандидатской диссертацией о Рожкове, которая была не только объемной (313 страниц текста, без списка использованной литературы), но в значительной мере историографической. Имелись и публикации о личности историка и его трудах. На двух из них я останавлиюсь.

После длительного перерыва, с 1930 года по 1965-й, статей, посвященных очень известному в 1920-е гг. историку Н.А.Рожкову, не появлялось. Это была полоса забвения, связанная с его меньшевизмом и с замалчиванием 12-томного труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении», концепция которого не совпадала со сталинской догматикой мирового исторического процесса.

Наконец, в 1965 г. вышла моя первая статья по тематике кандидатской диссертации, а в 1968 г. и вторая, приуроченная к 100-летию юбилею Рожкова [6]. В 1969 г. появилась статья о нем в «Советской исторической энциклопедии», которая, как мне кажется, способствовала возрождению интереса к творческому вкладу ученого в историю отечественной исторической науки. Завершением этого цикла статей, написанных в мои крымские годы, стала знаковая для меня публикация «Вопросы психологии в трудах Н.А.Рожкова». Она вошла в сборник статей под редакцией Б.Ф.Поршнева и Л.Н.Анцыферовой [3]. В аннотации к книге было заявлено: «Эта книга – первый опыт историков и психологов. Взаимное проникновение двух наук открывает большие перспективы исследований как в истории, так и в психологии». Мария Константиновна Рожкова, супруга историка, приняла статью без особого одобрения, ей пришлось не по душе моя порой резковатая критика концепции смены психотипов. Я и сам, когда перечитал статью, стал понимать, что в ней позитив (чего заслуживает концепция) не на первом плане.

Недавно я получил письмо от моего австралийского коллеги, основавшего Рожков-центр по изучению наследия Николая Александровича. Он мне переслал свою статью о концепции психотипов Рожкова, которая, надеюсь, будет напечатана в одном из журналов и на русском языке. Статья Джона Гонзалеса написана с позиции сугубо марксистской трактовки творчества российского историка, с чем я не вполне согласен. Но ее появление в очередной раз свидетельствует о том, что Рожков занимает прочное место в истории исторической науки.

Заведующий кафедрой, Сергей Анатольевич Секиринский, советовал избрать для темы докторской диссертации историографическую тему и в этом направлении стал мне помогать. Он познакомил меня с двумя незабываемыми историками – ленинградцем Александром Львовичем Шапиро, автором курса лекций «Русская история периода империализма», и Иваном Дмитриевичем Ковальченко, тогда заведующим кафедрой источниковедения МГУ. Оба они отнеслись ко мне с вниманием, но так сложилось, что тему «Меньшевистская историография» предложил мне И.Д.Ковальченко. Я принял это предложение, подготовил обоснование

темы, и ее утвердили, как положено, на кафедре и на Ученом совете. Кстати, в институтской библиотеке весьма неплохо были представлены труды Рожкова и другая литература по истории первых десятилетий XX века.

Все вроде бы шло хорошо: я приступил к написанию диссертации по меньшевистской историографии, готовил статьи и (не помню, чья это была инициатива – Сергея Анатольевича или научной части университета) стал ходатайствовать о переводе меня на должность старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации. Но эта инициатива привела не к успеху, а, используя выражение моего друга Сергея Кулешова, к идеолого-бюрократическим мытарствам. В 1970 г. из Киева в университет с инспекционной проверкой пожаловал зам. министра высшего образования Украины Валентин Ефимович Маланчук, известный своими ортодоксально-консервативными убеждениями. И уже в сентябре 1970 г. меня вызвали в Киев «для дачи показаний» по диссертации. Явившись к В.Е.Маланчуку на прием за 5–10 минут до назначенного времени я, постучав в дверь, зашел в кабинет и представился зам. министра, и тут же получил от ворот поворот: «ваше время еще не наступило». Так Маланчук блеснул чиновничьей точностью. В состоявшемся разговоре главной идеологической ошибкой была названа формулировка темы – «Меньшевистская историография в России». Попытка отстоять научность исследовательской темы заранее была обречена. Доктор исторических наук Маланчук настойчиво требовал изменения формулировки темы на «Критика В.И.Лениным меньшевистской историографии». Более того, он даже обещал, что в случае такого изменения Министерство поддержит ходатайство о переводе на должность старшего научного сотрудника. А в отношении одобрения темы московским профессором было заявлено, что московские ученые слишком много берут на себя и даже Институт истории СССР позволяет своим сотрудникам высказывать идеологически неверные суждения. И в этом месте было сделано предупреждение, что за них еще возьмутся. От меня требовалось одно: признать ошибки. Я упорствовал. На следующий день или через день в Киеве появился проректор по науке доктор исторических наук Иван Сергеевич Чирва, бывший секретарь Крымского обкома КПСС. Он меня уговорил признать ошибки в выборе темы, мотивируя это не только моими интересами, но и интересами университета и его репутацией в Министерстве. Последнее сыграло решающую роль в «покаянии».

На заседании коллегии Министерства первым вопросом, заданным мне, был вопрос, знаю ли я украинский язык. Были зачитаны два отзыва от киевских рецензентов, докторов исторических наук. Один из них присутствовал на заседании, даже, помнится, выступал с мягкой критикой, как и по-человечески симпатичный проректор И. С. Чирва. Результатом стал следующий историографический факт, заслуживающий преданию гласности:

«РЕШЕНИЕ

Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования УССР

От 30 сентября 1970 года

О безответственном отношении Крымского педагогического института к представлению кандидатуры в старшие научные сотрудники.

В сентябре 1970 года ректор Крымского государственного педагогического института возбудил ходатайство перед Министерством высшего и среднего специального образования УССР о переводе доцента кафедры всеобщей истории тов. Волобуева О. В. на должность старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации по теме "Меньшевистская историография в России". Анализ присланных материалов показывает, что автор вышеназванной диссертации не занял четких методологических позиций, а Институт не оказал молодому ученому необходимой помощи в обозначении проблемы исследования.

Известно, что меньшевистская историография была идеологическим оружием антиреволюционного меньшевизма. Решительную и последовательную борьбу против нее вели В. И. Ленин и историки-марксисты. В изучении этой проблемы и ее наследия лежит главная задача советского исследователя – историка обозначенного вопроса.

Тема же диссертации тов. О. В. Волобуева сформулирована объективистски, не отвечает проводимой идее исследования, которой должен руководствоваться автор. В представленном в Министерство плане диссертации критика В. И. Лениным меньшевистской историографии и ее наследия рассматривается не как основная линия исследования, а как предмет одного лишь из семнадцати подразделов диссертации. Кроме того, у диссертанта нет необходимого научного задела по теме. Предоставление Институтом темы в приведенной формулировке и непродуманного плана диссертации не может быть основанием для зачисления т. Волобуева О. В. на должность старшего научного работника. И этот факт следует квалифицировать не иначе как серьезную ошибку. В связи с этим

КОЛЛЕГИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Тему диссертации доцента О.В. Волобуева "Меньшевистская историография в России" отклонить как такую, которая в данной формулировке не отвечает задачам советской историографии. Обратить внимание Совета Крымского педагогического института на отсутствие необходимой принципиальности при утверждении тематики и направлений научных исследований в области исторической науки.
2. Отменить решение Крымского педагогического института о переводе доцента О.В. Волобуева на должность старшего научного сотрудника.
3. Ректору Крымпединститута тов. Переходу А.Ф. принять решительные меры по улучшению работы по подготовке научно-педагогических кадров и усилению политической принципиальности и требовательности к идейно-политической направленности научных исследований.
4. Принять к сведению заявление доцента О.В. Волобуева о том, что он признает справедливой критику в свой адрес и в дальнейшей работе учтет замечания, сделанные на коллегии Министерства.
5. Поручить Управлению преподавания общественных наук (Коровяковский Д.З.) разослать решение коллегии во все вузы республики. Председатель коллегии Ю. Даденков
Секретарь коллегии В. Касьянова».

Мой коллега и друг Сергей Кулешов в свое время получил от меня (для использования в юбилейном сборнике «Историк О.В. Волобуев: штрихи к творческому портрету») оригиналы приведенного здесь решения коллегии Министерства, а также моего заявления, упомянутого там [16, с.17–19]. Эти документы не были мне возвращены после смерти С.В. Кулешова (я о них забыл). Поэтому воспроизвожу суть заявления и его оценку по тексту своего коллеги: «Там – и ссылки на то, что понятие "меньшевистская историография" фигурирует в вузовских курсах и учебных пособиях, и подтверждение идейной лояльности, и т.п. ... Первым словом хочется сказать – глупость и недалёковидность. Подобные запреты обрекали обществоведов на схоластику и творческую импотентность. Но, понаблюдав финальные судороги коммунистической системы, понимаешь, что своя логика у охранителей была. Так называемое объективистское (то есть лишенное "методологического" острия зубодробительной критики "чуждых взглядов" без попытки хоть какого-то их осмысления, погружение в иное, нежели официальное,

идейно-теоретическое пространство было для этой системы опасно» [16, с.19]. Не помня точно, какие формулировки были в заявлении, могу с чистой совестью утверждать, что полного покаяния, «на коленях», Министерство не получило. Признание было написано не прямолинейно, а витиевато-уклончиво. Но это все равно было пусть выдвинутое, но «признание ошибок». Проработка с широким оглашением виновности призывала к осторожности в выборе темы диссертации, к распространенной в те годы внутренней самоцензуре. Как мне передавали, коллега по институту, доцент кафедры психологии В.В.Мироненко, где-то в узком кругу сказал, что он бы такого не перенес.

Что меня спасло, так это презрение к чиновничьей догматике, понимание научной и нравственной «ценности» Решения коллегии Министерства, вера в то, что не все потеряно и, наконец, присущий мне оптимизм. Не могу не отметить того, что изгоем в педагогическом коллективе института я не стал. Времена изменились, хотя пока еще не во всем.

Показателем новых времен стали кратковременные и долговременные изменения в моей жизни. В сентябре 1970 г. меня шельмовали на коллегии Министерства, а ровно через год, в сентябре 1971-го, я был переведен на должность доцента образованной тогда кафедры истории УССР и одновременно был назначен замдекана исторического факультета. Заведующим кафедрой стал проректор И.С.Чирва, а деканом факультета – доцент истории кафедры всеобщей истории Г.С.Бабичев, бывший лектор обкома КПСС. Почему я вставил обкомовское прошлое Бабичева, да потому что даже бывшие секретари и лекторы обкома КПСС понимали всю нелепость обвинений, инспирированных В.Е.Маланчуком. В октябре 1972 г. Маланчук стал секретарем ЦК КПУ по идеологии.

Благородный Сергей Анатольевич Секиринский не упрекнул меня в смене кафедры. А в какой-то мере, может быть, и понимал. У него были сложные хлопоты, связанные с сыном Дмитрием, с его восстановлением хотя бы на заочном отделении вуза. Везде ссылались на необходимость согласия крымского КГБ.

В начале 1972 г. я был направлен на повышение квалификации в МГУ. К чтению курса по истории Украины я так и не приступил, а вел по-прежнему методику преподавания истории. А после полугодового пребывания в должности зам.декана я распрощался с ней. Административная карьера никогда меня не прельщала.

Пребывание на повышении квалификации в МГУ оказалось поворотным пунктом в моей биографии. В июле 1972 г. я расстался с Крымпединститутом (ставшим к тому времени Симферопольским университетом)

с формулировкой «уволен в связи с избранием по конкурсу в Институте истории СССР АН СССР».

Библиографический список

1. Богуславский М. Классик дидактики и предвестник инноваций. Исаак Лернер – эталон ученого-педагога // Учительская газета. 2022. 26 апреля. № 17. (URL: <https://ug.ru/klassik-didaktiki-i-predvestnik-innovacziy/>) (дата обращения 21.04.2023).
2. Бродский Р.М., Енольський З.А. Нова історія Азії та Африки (1870–1918): навч. посіб. для вузів. Київ: Вища шк., 1971. 267 с.
3. Волобуев О.В. Вопросы социальной психологии в трудах Н.А.Рожкова // История и психология / Под ред. Б.Ф.Поршнева и Л.Н.Анциферовой. М.: Наука, 1971. С.296–318.
4. Волобуев О.В. Два историка, две судьбы... в моей памяти // Историк и художник: Сб. воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского / Отв. ред. Ю.А.Петров. М.: Ин-т рос. истории, 2013. С.7–22.
5. Волобуев О.В. Из опыта чтения специального курса «Русские историки периода империализма» (некоторые методические и методологические вопросы историографического спецкурса) // Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г.: [Сб. статей] / Отв.ред. акад. М.В.Нечкина. Смоленск: [б.и.], 1975. С.208–214.
6. Волобуев О.В. Н.А.Рожков в годы первой русской революции. К столетию со дня рождения Н.А.Рожкова // Московский областной педагогический институт им. Н.К.Крупской. Ученые записки. Т.238. Вып.4 / Под ред. Н.Н.Милонова. М.: МОПИ, 1968. С. 103–119.
7. Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Борьба за исследовательский метод обучения истории в период становления советской школы // Психолого-педагогические проблемы формирования активности личности учащихся. Тюмень: [б.и.], 1971. С.96–110.
8. Волобуев О.В., Патлажан Е.В. Учебное пособие по новой истории стран Азии и Африки. [Рец. на кн.: Бродский Р.М., Енольський З.А. Нова історія країн Азії та Африки (1870–1918). Київ: Вища школа, 1971] // Народы Азии и Африки. 1974. №1. С.158–160.
9. Волобуев О.В., Файвишевская М.Л. Проблемы новейшей истории на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (1969–1971) // Преподавание истории в школе. 1972. №2. С.113–118.
10. Енольський З.А. Нова історія країн Сходу. Індія, Іран, Туреччина (1870–1918 рр.): навч. посіб. для студ. істор. ф-ту. Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1965. 212 с.
11. Зарубин А.Г. Всеобщий эквивалент: фантастические рассказы. Симферополь: Таврия, 1990. 77 с.
12. Зарубин А.Г. Провинциальные картинки времен перелома, или пролегомены к застою. Исключительно по личным воспоминаниям // Кулешов С.В. Волобуев О.В.: штрихи к творческому портрету. М.: Скрипторий, 2001. С.159–168.

13. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997. 349 с. (2-е изд., испр. и доп.: Симферополь: Антикава, 2008. 724 с.).
14. История Древнего мира в художественно-исторических образах: пособие для учителей, хрестоматия / Сост. О.В.Волобуев, А.В.Шестаков. М.: Просвещение. 1968. 280 с.
15. Казаков Богдан. Инакомыслие – что это простыми словами? // URL: <https://dzen.ru/a/Zh6nlhkTEnkHf84l> (дата обращения 24.06.2025).
16. Кулешов С.В. Историк О.В.Волобуев: штрихи к творческому портрету. М.: Скрипторий. 2001. 190 с.
17. Кулешов С.В. Об учителе // Кулешов С.В. Историк О.В.Волобуев: штрихи к творческому портрету. М.: Скрипторий. 2001. С.6–40.
18. Никифоров Е. Дом-музей. Кинороман. Симферополь: Антикава, 2015. 304 с.
19. Памяти Учителя – Василия Павловича Золотарева / Отв.ред. О.В.Золотарев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П.Сорокина, 2024. 458 с.
20. Соколов Г.М., Тимофеев И.П. Визитеры из чужого мира. Симферополь: Таврия, 1974. 71 с.
21. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 356 с.
22. Форманчук А.А. Крымская власть (от Багрова к Аксенову). В 3 т. Т.1. Симферополь: Изд-во «Доля», 2017. 639 с.
23. Форманчук А. «У меня все сложилось так, как только можно было мечтать» // Крымские известия. 2021. 16 сентября.
24. Художественно-историческая хрестоматия. Средние века: пособие для учителей / Сост. О.В.Волобуев, С.А.Секиринский. М.: Просвещение. 1965. 239 с.

Наши авторы

Александров Олег Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

Никитина Анастасия Дмитриевна

магистрант МГИМО МИД России

Гонзалез Джон Антонио

доктор наук, директор Исторического научного центра Рожкова (Новый Южный Уэльс, Австралия)

Кроз Татьяна Владимировна

студентка 1 курса магистратуры Научно-исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)

Хайлова Нина Борисовна

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX – начале XX в.», Институт российской истории Российской академии наук

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Костриков Сергей Петрович

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, Москва

Щербакова Ирина Константиновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, Москва

Лазарева Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории Московского государственного областного педагогического университета, ведущий специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор

Our authors

Aleksandrov Oleg Borisovich

Ph.D. in political sciences, assistant Professor, Chair for International Relations and Foreign Policy,
Moscow State Institute of International Relations – University

Nikitina Anastasia Dmitrievna

Master's Student, Moscow State Institute of International Relations
– University

Gonzalez John Antinio

Director, Rozhkov Historical Research Centre (New South Wales,
Australia)

Kroz Tatiana Vladimirovna

1st year graduate student, HSE University

Khailova Nina Borisovna

D.Sci., historian, assistant Professor, a leading researcher at the
Center «History of Russia in XIX – early twentieth century», FGBUN
Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Kostrikov Sergey Petrovich

Doctor of History, Professor, Department of Sociology, Psychology of
Management and History, State University of Management, Moscow

Shcherbakova Irina Konstantinovna

PhD, historian, Associate Professor of Sociology, Psychology of Man-
agement and History
State University of Management, Moscow

Lazareva Lyubov Nikolaevna

D.Sci., historian, Professor of the Department of History of Russia,
State University of Education, Chief Specialist of the Center for Docu-
mentary Publications of the RGASP

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D.Sci., historian, Professor,

Yurganov Andrey Lvovich

D.Sci., historian, Professor, Professor,
Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and
Modern Times, Russian State University for the Humanities

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor,

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2024.
Цена свободная.**

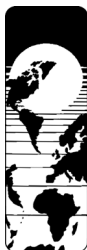
**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.11.2025. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 13,125 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 222904**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

3. 2025 July-September

Geopolitics and international policy issues

Oleg Alexandrov, Anastasia Nikitina

Italy in a Multipolar World:
Challenges and Opportunities _____ 6

Resources of nation

John Gonzalez

N.A. Rozhkova's Evolutionary Theory
of Mental Types _____ 28

Tatiana Kroz

"Find Out What the Need Is." On Social Policy
in Late Imperial Russia _____ 50

Mentality. Strivings for cultural wealth

Nina Khailova

M.M. Kovalevsky and Discussions on the
Women's Issue
in the Late 19th – Early 20th Centuries _____ 68

Pages of history

Lyubov Pissar'kova

Bribery in the Russian Governance System in the 1680s–1690s (Reasons for the Intensification of the "Incurable Disease" of Bureaucracy) 94

Sergey Kostrikov, Irina Shcherbakova

On the Establishment of an Educational
Committee under the Educational Depart-
ment of the Ministry of Finance of the Rus-
sian Empire 116

National doctrine

Lyubov Lazareva

"The Energy of Dreams": Cultural Policy as a Mechanism for Fostering a Communist Attitude to Labor (mid-1920s – early 1950s)	132
---	-----

Labels and myths

Andrei Yurganov

Motives for Social Utopia in the Campaign
to Purge the State Apparatus (USSR Peo-
ple's Commissariat of Finance) 150

Topical archive

Oleg Volobuyev

Lecturer at the Crimean Pedagogical Institute. Simferopol.	
August 1965 – July 1972	176